

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1953

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. В. Виноградов (Москва). Основные типы лексических значений слова	3
Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова (Москва). Вопросы изучения диалектов языков народов СССР	30

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. Лыткин (Рязань). Из истории словарного состава пермских языков . . .	48
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. Белецкий (Киев). О курсах общего языкознания в государственных университетах	70
А. М. Финкель (Харьков). О содержании и методике практических занятий по курсу «Введение в языкознание»	79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. Лешка (Прага). К вопросу о структурализме (Две концепции грамматики в Пражском лингвистическом кружке).	88
Ю. С. Маслов (Ленинград). Новая попытка периодизации истории болгарского языка	103
Обсуждение доклада акад. Вл. Георгиева в Болгарии	108
А. А. Юлдашев (Москва). <i>Р. С. Газизов</i> . Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков.	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. П. Григорьев (Москва). Заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания	114
С. А. Бурнашева (Москва). Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии.	122
А. А. Реформатский (Москва). Новый дунганский алфавит	129
Проект нового дунганского алфавита (таблица)	132

НОВЫЕ КНИГИ

Новая советская литература по вопросам языкознания (вторая половина 1952 г.)	133
--	-----

Р е д к о л л е г и я :

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии),
Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), *А. И. Ефимов,*
Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобаза, Н. Ю. Швёбова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. Г-5-20-61.

Т-04899 Подписано к печати 18. IX. 1953 г. Тираж 15 150 экз. Зак. 1518
 Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. лист. 5 Печ. л. 13,7 Уч.-изд. лист. 16,9

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер. 10

В. В. ВИНОГРАДОВ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

1

Проблема значения слова, проблема смысловой стороны слов и выражений чрезвычайно существенна для марксистского языкознания. Важность этой проблемы была подчеркнута в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

От правильного решения этой проблемы во многом зависит понимание объема, предмета и задач семантики или семасиологии в общей системе науки о языке. Изучение закономерностей развития словарного состава языка также невозможно без глубокого проникновения в существо исторических изменений значений слов. Исследование целых групп, систем, рядов, категорий слов и законов их семантических изменений все больше и больше начинает входить в практику исторической и сравнительно-исторической лексикологии. Следовательно, выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении, — является одной из основных задач лексикологии. Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии.

Изучение законов развития смысловой стороны слов и выражений того или иного языка в связи с развитием этого языка, в связи с историей соответствующего народа должно быть органической частью общей истории данного языка. В этой мало исследованной области языкознания перед советскими лингвистами открывается множество неотложных проблем и задач. Важнейшие из них — создание исторических словарей языков с давней письменностью и построение описательных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков. Начало движения в этом направлении — составление точных, адекватных языковой действительности толковых словарей современных языков.

Акад. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», говоря о повсеместном отсутствии хороших исторических словарей, заметил: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение... Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему... и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако — неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился во весь рост»¹.

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 117.

С этим заявлением современного нам языковеда любопытно сопоставить слова писателя начала XIX в. И. М. Муравьева-Апостола, который так рассуждал о словарях — толковых и исторических: «Все эти толковые словари кажутся мне похожими на арсеналы, в которых тьма древних и новых оружий, развешанных по стенам в систематическом порядке. Войди в них, и с первого взгляда покажется тебе сокровище необъятное. Но как дело дойдет до вооружения, так и не знаешь, за что и как приняться, потому что оружие знакомо тебе только по одной надписи, которая висит над ним, а не по ручному употреблению»².

Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств [ср., например: *пища, питание; продукт — продукты* (в разных значениях); *драгоценность — драгоценности; образец, образ; вести, идти, лететь, отплатить* и т. п.]. С другой стороны, разные слова, отличающиеся одно от другого своими значениями или их оттенками, могут быть применены по отношению к одному и тому же предмету как его названия (например: *пища, питание, еда, стол*).

Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков. Так, глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения «заготовить солением, положить много соли во что-нибудь», еще имеет в современном языке переносное значение «повредить, причинить неприятность». Вероятнее всего, это переносное значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. По суеверным представлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употреблялась часто «наговорная» соль³.

Между рядами предметов, действий, качеств, обозначаемых словами, существуют разнообразное взаимодействия и соотношения. Предмет, названный словом, может оказаться звеном разных функциональных рядов, разных сторон действительности, включенных в одну широкую картину жизни. Слово помогает осмыслить и обобщить эти отношения. Все это

² [И. М. Муравьев-Апостол], Письма из Москвы в Нижний Новгород [1813—1814 гг.]. Письмо 10-е, «Сын отечества», СПб., 1814, № VII, стр. 19—30.

³ Проф. Л. В. Черепнин в статье «Из истории древнерусского колдовства XVII в.» («Этнография», М.—Л., 1929, № 2, стр. 96) приводит судебно-следственные материалы, свидетельствующие о том значении, которое придавалось действию соли, подвергшейся наговорам. В XVII в. колдун Терешка Малакуров «на соль наговаривал и метал по улицам и по перекресткам, кто перейдет и тово возьмет пуше». Жена Луховского крестьянина Трошки Яковлева «сыпала соль с наговором в воротах от верей до верей» для того, чтоб «сердце отнять» у приказчика, который держал «в железзах» ее мужа.

находит отражение в развитии значений слова в языке того или иного исторического периода.

Так, слово *концовка* связано с профессиональной терминологией работников печати. В типографском деле оно и теперь обозначает рисунок, графическое украшение в конце рукописи, книги или в конце главы, раздела. Слово *концовка* образовано от прилагательного *концбый* или *концевбый* с помощью суффикса *-ка* (ср. разговорные *столовка*, *вишневка*, *открытка* и т. п.). Этот тип словообразования приобретает особую продуктивность в русском литературном языке с 60-х годов XIX в.

Слово *концовка* в русском языке (ср. польск. *końcówka* и чеш. *koncovka*) возникло не ранее последней четверти XIX в.⁴ В начале XX в. это слово расширило свои значения: оно было перенесено в область литературной и музыкальной терминологии (*концовка стихотворения*, *концовка романа*). Словом *концовка* стала называться заключительная часть какого-нибудь произведения. Например, в книге либерального критика А. А. Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910): «Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский довели до предельного совершенства реалистический гоголевский и пушкинский рассказ. За ними черта, точка, завершительная концовка».

Таким образом, формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значение слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений.

При отношении к слову только как к названию нельзя установить принципиальной разницы между разными значениями одного и того же слова и между различными словами-омонимами. Так, в «Искре» (СПб., 1859, № 42) был напечатан под злободневной карикатурой на редактора одного журнала такой диалог: «У меня сегодня весь день в голове стреляет. — Сами виноваты, зачем завели в ней так много дичи». Без понимания семантических отношений соответствующих слов в лексической системе русского языка нельзя лингвистически осмыслить, в чем соль этой остроты, этого каламбура; «стреляет в голове» и «стрелять дичь на охоте» — разные действия, но образуют ли обозначения этих действий разные слова, или же они входят в строй значений одного и того же слова? Как относится слово *дичь* — обозначение чепухи, ерунды, вздора к *дичи* — обозначению диких птиц, объекта стрельбы?

Исходя из предметов действительности, из природы вещей, пришлось бы признать значения слова *хребет*: 1) «спина, позвоночник» (*спинной хребет*, *своим хребтом отдуваться*) и 2) «цепь гор, тянующихся в каком-нибудь направлении» — разными словами, омонимами. Между тем в русском языке это — разные значения одного и того же слова *хребет*. Им соответствуют разные слова в других языках, например во французском: 1) *colonne vertébrale*, *épine dorsale*, *rachis*; 2) *dos*, *échine* и 3) *crête*, *chaîne de montagnes*.

Не проникая глубоко в семантические основы данной конкретной языковой системы, невозможно установить признаки и нормы конструктив-

⁴ Впервые оно зарегистрировано в «Словаре русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. IV, вып. 7, СПб., 1913, стр. 1923. Ср. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 1456.

ного объединения значений в составе одного и того же слова, способы образования новых слов и значений, невозможно отличить омонимы от разных значений одного слова. Смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определены. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходные оттенки.

Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение* и т. п.). Еще большее значение имеет народное мышление и созданная им терминология для наук общественных и политических⁵.

Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: *движение, развитие, язык, общество, закон* и т. д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова.

В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части включает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями. В богатстве таких отголосков и заключается ценность удачного названия или художественного выражения. Эти черты семантики слова уже давно — со времени литературно-художественной деятельности А. С. Пушкина — были осознаны нашими филологами и писателями. Так, например, П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту (29 сентября 1845 г.) о своей лекции в университете: «Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначущих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Все это удалось мне выяснить простым примером — *борода* и *брада*. Первая так и рисует читателю Русь в виде ее мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого только, что это слово врезалось в память из церковных книг. На этом я основал важное учение о мастерстве давать картинам точные краски в литературных произведениях»⁶.

Позднее проф. А. В. Никитенко (в дневнике 26 января 1864 г.) заметил: «То выражение особенно хорошо, которое, с точностью передавая определенную мысль, вместе с тем дает вам чувствовать и отношение

⁵ Повсюду, где народные представления подвергаются серьезной научной или практически деловой переработке, выплывает неясная пограничная область и создание более резких границ превращается в проблему. Поверхностные признаки различия между растением и животным, которые каждому непосредственно бросаются в глаза и которые в течение тысячелетий казались достаточными, совершенно непригодны для высшей ступени научного познания. Ср. у К. О. Erdmann'a (Die Bedeutung des Wortes, Leipzig, 1925, стр. 76).

⁶ «Перепяска Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, стр. 574—575.

ее к другим мыслям, более или менее к ней близким или отдаленным, но которые не входят непосредственно в цепь излагаемых вами понятий»⁷. Язык Пушкина представляет разительные примеры семантической многоплановости слова и — вместе с тем — многообразия его возможных художественных применений.

Связь значений слова с лексико-семантической системой языка осуществляется через посредство внутренне объединенных разнообразных предметно-смысловых и экспрессивно-синонимических словесных групп⁸.

Вследствие сложности смысловой структуры слова, вследствие многообразия его соотношений и живых взаимодействий с другими лексическими звеньями языковой системы бывает очень трудно разграничить и передать все значения и оттенки слова даже в данный период развития языка, представить со всей полнотой и жизненной конкретностью роль слова в речевом общении и обмене мыслями между членами общества.

2

Отсутствие разработанной семантической теории слова сказывается в том, что у нас не обобщены и не систематизированы наблюдения над качественным своеобразием значений и форм их связи, их внутреннего объединения у слов, относящихся к разным грамматическим классам. Не может считаться достаточно изученным вопрос о характере соотношений и взаимодействий лексических значений с грамматическими у разнообразных типов предлогов, союзов, частиц и других разрядов служебных слов. Внутреннее своеобразие лексических значений, например, предлога в соотношении с семантическими свойствами глаголов, прилагательных и других частей речи не определено (ср., например: *полное ведро воды* и *ведро с водой*; *домик, принадлежащий бабушке* и *домик у бабушки*; *генерал, сопровождаемый ординарцами* и *генерал с ординарцами*; *калитка без запоров* и *калитка, не имеющая запоров* и т. п.).

Высказывалась мысль, что семантический объем и способы объединения значений различны в словах, принадлежащих к разным знаменательным частям речи. Так, смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее. Например, глагол *звонить* служит в современном русском языке обозначением разных действий, связанных и со *звоном*, и со *звонком* (ср. соотношение глагола *свистеть* с существительными *свист* и *свисток*, глагола *гудеть* — с *гудение* и *гудок*; ср. объединение в глаголе *вытравить* значений, связанных с существительными *травя*, *отрава* и *травля*). Еще более эластичны и разнообразны значения качественных прилагательных и наречий (таких, как *легкий*, *легко*, *простой*, *просто* и т. д.).

Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической

⁷ Дневник Александра Васильевича Никитенко, «Русская старина», СПб., 1891, апрель, стр. 144.

⁸ Для иллюстрации экспрессивно-стилистических, а отчасти и социально-речевых взаимоотношений между синонимическими или близкими по смыслу словами можно припомнить известный анекдот о знаменитом адвокате Ф. Н. Плевако: «Старый анекдот гласит о том, что однажды к московскому „златоусту“ явился именитый купец с каким-то весьма неприятным делом. Плевако, после „оскультации“ и ознакомления с делом, во время чего купец сидел ни жив ни мертв, наконец, молвил: „Ну, что же, дело ничего, дело можно и обернуть!“ — „Уж будь, Федор Никифорович, отцом-благодетелем! Не оставь!“ — „Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аван!“ Купец глаза выдушил: „Это что же такое, Федор Никифорович, аван?“ — „Ах, ты, чудак! Задаток знаешь?“ — „Ну, вестимо, знаю!“ — „Так вот, аван вдвое больше!“» [А. Р. К у г е л ь (Номо novus), Литературные воспоминания (1882—1896 гг.), Пг.—М., „Петроград“, 1923 (на обл.: 1924), стр. 101].

структуры. Нередко различие лексических значений слова связано с разными его грамматическими формами. Например, глагол *холодать* употребляется или безлично со значением «становиться холоднее» (форма совершенного вида — *похолодать*): *Уже совсем стемнело и начинало холодать* — или лично — применительно к живым существам (причем по отношению к людям всегда в сочетании с глаголом *голодать*) в значении «зябнуть, страдать от холода» (*холодал и голодал*). Ср. у Гаршина в рассказе «Четыре дня»: «Неужели я бросил все милое, дорогое, шел сюда тысячеверстным походом, голодал, холодал, мучился от зноя...»

Границы между словом и грамматической формой слова бывают подвижными, скользкими. Например, сложен и спорен вопрос, можно ли считать формами одного и того же слова такие глагольные разновидности, как, например, *заслуживать* с винительным падежом (несовершенный вид к *заслужить*: *В это время он заслуживает доверие своих товарищей*) и *заслуживать* с родительным падежом (в значении «быть достойным чего-нибудь»: *Проект заслуживает внимания; Книга заслуживает всяческой похвалы* и т. д.).

Русский язык, как и другие языки, имеет ряд слов, которые употребляются только в какой-нибудь одной форме. Так, мы имеем одну форму родительного множественного — *щец*. Считать ли ее формой слова *щи*, параллельной форме *щей*, или видеть в ней особое слово? (ср. *дрова* — *дров*, *дровец*). Также мы пользуемся одной формой дательного множественного: (по) *мордасам*. Связывать ли ее экспрессивно со словом *морда*? Слово *мордас*, повидимому, имело некогда увеличительно-презрительное значение «надутая щека» (ср. *дубасить* от областного *дубас*).

Иногда вопросы этого рода разрешаются проще. Например, у некоторых советских писателей употребляется областное слово *угрево* в среднем роде, у других — слово *угрева* в женском роде. Например, у С. Голубова в повести «Атаман и фельдмаршал» читаем: «Солнечное угрево приласкало землю. Вода побежала светлыми ручейками в овраги...» («Доблесть». Повести и рассказы). У Л. Леонова во «Взятии Великошумска»: «Маленькое сероватое существо, ежась от холода и дремотно щурясь на свет, лежало в огромной правой ладони танкиста; левою он прикрывал его от простуды, так что хвост и ноги оставались под угревой мокрого обрядинского рукава». Очевидно, это — формы одного и того же слова. Но, вероятно, разными словами должны быть признаны *заправлять* — форма несовершенного вида к *заправить* (*Заправлять машину бензином*) и *заправлять* в значении «быть заправкой» (*Всеми делами в доме заправляла свояченица*).

Для того чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования, хотя индивидуально переосмысление слова, не получившее общественной санкции, обычно не меняет присущих этому слову значений. Ср. у Марлинского индивидуальное применение слова *междометие*: «Все лица вытянулись восклицательными знаками; на всех ртах бродили междометия» («Мулла-Нур»).

Вместе с тем индивидуально употребление слова может быть связано с выполнением им характерологических функций в языке художественной литературы. Так, в пьесе Чехова «Юбилей» бухгалтер Хирин подвергает слово *междометие* комической этимологизации (*между-метия* — «мелькания»): «А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этикие ...междометия».

Изучение способов и своеобразий индивидуального употребления слова должно производиться не только на фоне системы уже установившихся общественных его значений, но и на фоне его типических образных

применений. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», перечислив разные значения слова *игла*, указывал на необходимость — в восполнение их — очертить весь фразеологический круг образного употребления этого слова: «Как бы мы ни решали вопроса о значении этого слова, остается все же вопрос о том, в каких случаях слово *игла* может быть употреблено образно. Можно ли, например, сказать о гвоздях, натыканных для затруднения воров поверх забора, что они *торчат как иглы*? Мне кажется, что нельзя; это, хотя и неважно само по себе, однако показывает, что в словаре должны быть исчислены все традиционные случаи образного применения данного слова»⁹.

Изучение образного применения слова особенно важно для полного и широкого воспроизведения истории так называемых фразеологически связанных значений, для понимания их генезиса. Например, слово *когти* в русской литературе начала XIX в. употреблялось как образ хищнического насилия, цепкого и мучительного властвования. Оно повлекло за собой в круг переносного употребления многочисленную группу слов и фраз. *Когтями* образно наделяются в русской художественной литературе болезнь, смерть, нищета, тоска, горе и горестные чувства (например, горькое воспоминание), изуверство, фанатизм, ложь, разврат и другие отрицательные, но стихийные страсти, эмоции и явления.

В связи с этим развивается такая фразеология: «...Смерти в когти попадешь, и не думая о ней!» (Д. Давыдов, Песня); или у Марлинского: «Бедный, добрый друг, — для того ли выпустила она (смерть. — В. В.) тебя из когтей своих, чтобы похитить после удачи» («Наезды»); или: «Смерть впустила в него когти свои» («Латник»). У Гоголя в «Невском проспекте»: «Разврат распустил над нею страшные свои когти»; у Лермонтова в стихотворении «Ночь»: «Воспоминание в меня впилось когтями»; у А. К. Толстого в романе «Князь Серебряный»: «Отчаяние схватывало его как железными когтями»; у Тургенева в «Накануне»: «Я видела тебя в когтях смерти, без памяти»; у Чехова в «Крыжовнике»: «Как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда — болезнь, бедность, потери».

На почве этой фразеологии, даже если бы она получила широкое распространение за пределами художественной литературы и риторической публицистики, едва ли могло сложиться у слова *когти* переносное, фразеологически связанное значение (когти чего-нибудь — «губительная власть чего-нибудь», «терзающая сила чего-нибудь»). Образ, возникающий на базе предметно-конкретного слова, при наличии опорного прямого номинативного значения, обычно не стирается и не погасает. Сохранение яркой образности в этом случае — симптом того, что новое значение еще не выкристаллизовалось, не получило концентрации в самой смысловой структуре слова.

В других случаях на основе расширения фразеологических связей у слова может сложиться новое значение. Такова, например, картина развития значений слова *кодекс* в русском литературном языке XIX в. В 20—40-е годы, когда перед русской передовой интеллигенцией встает с особенной остротой вопрос об общественно-политических убеждениях, слово *кодекс* из юридической терминологии переносится в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения. Круг фразеологических связей у этого слова расширяется. Например, у Баратынского в «Цыганке»: «Развратных, своевольных правил Песчастный кодекс свой составил»; у Гончарова: *кодекс сердечных дел* («Обыкновенная история»), *кодекс дружбы* («Фрегат Паллада»); у Добролюбова: *кодекс*

⁹ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 103.

убежденный («Мишура»); у Салтыкова-Щедрина: *кодекс житейской мудрости* («Невинные рассказы»); у Достоевского: *кодекс нравственности* («Зимние заметки о летних впечатлениях»), *кодекс приличий* и т. п.

В связи с расширением контекстов употребления слова *кодекс* постепенно складывается то его фразеологически связанное значение, которое определяется в современных толковых словарях как «система, совокупность норм чего-нибудь — правил, привычек, убеждений» и т. д.

Таким образом, семантическая сторона языка составляет часть его структуры и определяет его качество так же, как звуковая система языка, его грамматический строй или словарный состав.

3

Термин «лексическое» или, как в последнее время стали говорить, «смысловое значение слова» не может считаться вполне определенным. Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусочков действительности», между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь. Разграничение и объединение этих разнородных предметно-смысловых отношений в структуре слова сопряжено с очень большими трудностями. Эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрестанных смещениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения.

Отсутствие ясности в определении понятия «лексическое значение слова» очень тяжело сказывается в практике словарного дела. В каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений. Вот несколько иллюстраций из «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В слове *аллегория* выделено особое, самостоятельное значение: «Туманная, непонятная речь, нелепость (простореч.)». В качестве наиболее показательной иллюстрации его приводится фраза: *Ты мне аллегорий не разводи, а говори прямо*¹⁰. Но слово *аллегория* в общенародном языке не означает нелепости, хотя и может применяться для характеристики неясной, непонятной речи, например в речи гоголевского городничего из «Ревизора»: «А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливая такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку». У слова *багаж* найдено значение — «эрудиция, запас знаний»¹¹. И тут значение смешивается с употреблением. Только в соответствующем контексте и притом чаще всего в сочетаниях с определениями *умственный, научный, ученый* и т. п. у слова *багаж* возникает этот смысловой оттенок. Слову *баня* приписано отдельное значение: «Жара, парный, разгоряченный воздух» (*Какая у вас баня!*)¹². Но и это — лишь метафорическое применение основного значения слова *баня*. В прилагательном

¹⁰ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 27. Ср. «Словарь современного русского литературного языка», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 95.

¹¹ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 75.

¹² Там же, стр. 87.

безголовый отыскивается переносное значение «крайне рассеянный или забывчивый». Иллюстрации: *Ах, я безголовая: печку затопила, а трубу не открыла. Уж очень я безголова*¹³.

Академический «Словарь современного русского литературного языка» открывает в слове *безразличный* значение «ничем не отличающийся; одинаковый со всеми» и иллюстрирует его примером из «Обломова» Гончарова: «Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный»¹⁴. Такие случаи немотивированного выделения и неправильного определения значений слов в большом количестве содержатся во всех толковых словарях современного русского языка.

Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного, образного употребления слова. Так, слово *беззубый* в своем прямом номинативном значении может сочетаться с названиями живых существ, а также со словами *рот, пасть* и синонимичными. Но это слово употребляется и переносно. Переносное употребление его типизировано и фразеологически замкнуто в узкий круг выражений: *беззубая критика, беззубая острота, беззубая насмешка* и т. п. Естественно, может возникнуть вопрос, имеем ли мы здесь дело с несвободным, фразеологически связанным значением или только с употреблением, еще не приведшим к общественно-установившемуся, обобщенному значению.

В академическом словаре русского языка под ред. Я. К. Грота, в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в одностомнике С. И. Ожегова утверждается наличие в этом слове особого переносного значения. Но определения, истолкования этого значения у разных лексикографов крайне противоречивы. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова переносное значение слова *беззубый* толкуется очень субъективно: «бессильный, тупой, не способный повредить или обидеть» (*беззубая злоба*)¹⁵. В словаре С. И. Ожегова толкованию этого значения придается гражданский характер: «лишенный остроты, слабый, непринципиальный» (*беззубая критика*)¹⁶. Кроме слова *непринципиальный*, явно сюда не идущего, это толкование воспроизводит характеристику соответствующей фразеологии в академическом «Словаре современного литературного языка», но там переносное употребление слова *беззубый* с полным основанием не признается за особое самостоятельное значение.

В смысловой структуре слова, как и в других сторонах языка, есть элементы нового, элементы живые, развивающиеся, и элементы старого, элементы отмирающие, отходящие в прошлое. Например, слово *ярый* у нас вытесняется синонимом *яростный*, образованным от *ярость* (само же слово *ярость* возникло как производное отвлеченное существительное к *ярый*).

В современном русском языке *ярый* — за пределами народно-поэтических формул (*свеча воску ярого*) — обычно употребляется в ограниченном кругу фразеологических сочетаний: *ярый поклонник чего-либо, ярый сторонник, ярый любитель чего-нибудь*, в значении: «страстный, усердно преданный чему-нибудь, неистовый». Таким образом, *ярый* выражает лишь общую экспрессивную характеристику степени увлеченности кого-нибудь чем-нибудь. Прежние основные значения этого слова, хотя

¹³ Там же, стр. 106.

¹⁴ «Словарь современного русского литературного языка», т. I, стр. 360.

¹⁵ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 110. Ср. в «Словаре русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук» (под ред. Я. К. Грота), т. I, СПб., 1895, стр. 142: «*Беззубый*... бессильный» (*беззубая злость*).

¹⁶ «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожеговым, М., 1952, стр. 32.

и не в полном объеме, как бы перешли к слову *яростный* — «неукротимый, неистовый, ничем не сдерживаемый» (*яростные атаки*), «полный ярости» (*яростный гнев*). Однако любопытно, что в других параллельных образованиях такого же типа складываются совсем иные отношения между соотносительными словами, например: *дерзкий* и *дерзостный*, *сладкий* и *сладостный*, *жалкий* и *жалостный*, *злой* и *злостный*, *тяжкий* и *тягостный*, *рад* и *радостен* и т. п.

Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент.

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений.

Основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок* и т. п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т. п.; *щурить, прищурить глаза; силлабический стих, стихосложение*.

У слова может быть несколько свободных значений, в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности (ср. *шапка* — «головной убор» и «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей»).

Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными. Эту производность вторичных номинативных значений нельзя смешивать с метафоричностью и с образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями. Часто они бывают уже, теснее, специализаннее, чем основное номинативное значение слова. Таково, например, у слова *капля* — *капли* номинативно-производное значение «жидкое лекарство, принимаемое по числу капель». Оно свойственно формам множественного числа — *капли*. Например, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Не дать ли капель вам?». У Пушкина в «Скупом рыцаре»: «Он составляет капли... право, чудно, Как действуют они». Ср. у Тургенева в повести «Клара Милич»: «Прописал капли да микстуру».

Любопытно совмещение трех разновидностей номинативных значений в слове *трение*. Термин механики *трение* был использован для характеристики общественных отношений. Это произошло в литературном языке последней трети XIX в., не ранее 70—80-х годов. Слово *трение* до тех пор выражало лишь прямое значение: «действие по глаголам

тереть и *тереться*», «состояние трущихся один о другой предметов», «движение одного предмета по тесно соприкасающейся с ним поверхности другого». В механике это значение было переработано в понятие, и термин *трение* стал обозначать: «сопротивление движению, зависящее от взаимного прикосновения тел», или: «сопротивление движению, возникающее при перемещении тела, соприкасающегося с другим телом» (*трение скольжения, сила трения* и т. п.)¹⁷. При переносе на общественные отношения слово *трение* обычно облекается в формы множественного числа и вырабатывает значение: «споры, нелады, столкновения, разногласия между отдельными лицами или учреждениями, препятствующие нормальному ходу дел, враждебные столкновения». М. И. Михельсон отметил это новое значение в речи А. Ф. Кони «Памяти С. И. Зарудного» (в Собр. юрид. общ. 1899 г.): «Новая судебная практика, как всякое новое дело, вывела различные *трения* и шероховатости...»¹⁸.

В системе языка номинативно-производное значение слова (так же, как и терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного. Поэтому утверждение, будто бы слово в своем основном значении может входить в основной словарный фонд, а в «переносном или специальном» находится за его пределами, является ошибочным¹⁹.

Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами. В решении этого вопроса очень помогает также анализ морфологической структуры слова. Глагол *убрать* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (и в однотомнике С. И. Ожегова) рассматривается как одно многозначное слово, в котором будто бы сливаются значения: «взять прочь, унести, поместив куда-нибудь» (*убрать книги в шкаф, убрать посуду со стола*), а также специальное: «сжав, скосив, увезти с поля» (*убрать зерновые*), и такие, как «привести в порядок», «украсить, нарядить» (*убрать помещение, убрать комнату цветами*). Но объединение таких разнородных номинативных значений (ср., например, *убрать посуду со стола* и *убрать помещение, убрать комнату цветами*) — явно ошибочно. Эти значения не выводятся одно из другого, они не являются производными по отношению друг к другу. Об этом свидетельствует и различие морфологической структуры двух глаголов: одного с приставкой *у-* для обозначения направления движения в сторону (ср. *унести*) и другого — с непроизводной основой *убра-* (ср. *убор* «головной убор», *уборная, убранство*).

Кроме возможности совмещения в одном слове разных номинативных значений, необходимо обратить внимание еще на то обстоятельство, что свободные номинативные значения, за исключением значений терминологических, научно препарированных, могут быть опорными или исходными пунктами разных синонимических рядов.

У многих слов, принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосред-

¹⁷ См.: «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», 2-е изд., т. IV, СПб., 1868, стр. 619; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 784.

¹⁸ М. И. Михельсон, Русская мысль и речь, т. II, стр. 385.

¹⁹ См. Е. М. Мельцер, Об основном словарном фонде и словарном составе языка, «Иностр. языки в школе», М., 1951, № 6, стр. 30.

ственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-синонимическое, опосредствованное его отношением к глаголу *одеть*. Ср. у И. А. Гончарова в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху»: «Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не *облекался* в такое белье... извини, не могу сказать *одевался*: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же *облекаться* в греческую мантию; позволь же и мне прибегнуть в этом случае к высокому слогу: ты поклонник древнего, а я нового: *suum cuique*»²⁰.

Само собой разумеется, что на основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения и употребления слова (ср. *облечь властью, доверием, полномочиями* и совсем изолированно: *облечь тайной*). В истории лексики мы можем наблюдать самый процесс создания такого рода синонимических рядов. Так, глагол *прикипать* — *прикипнуть*, широко употребительный уже в древнерусской письменности, до начала XIX в. имел значение «наклоняся, смотреть, глядеть вниз», или просто «наклоняться, нагибаться»²¹. Но уже в начале XIX в. в языке русской художественной литературы глагол *прикипнуть* — *прикипать*, в силу своей экспрессивности, приобретает общее эмоциональное значение «припасть, плотно прижаться, прильнуть». Например, у Жуковского в стихотворении «Лесной царь»: «К отцу, весь издрогнув, малютка прикип...»; у Пушкина в «Пророке»: «И он к устам моим прикип...» Так глагол *прикипнуть* входит в синонимический ряд — *прижаться, прильнуть, припасть* как эмоционально-книжное слово.

Однако смысловая структура и функция у разных типов синонимов неоднородны; характер соотношений их значений с номинативными значениями опорных или исходных слов синонимического ряда неодинаков. В зависимости от степени дифференцированности собственного значения, от его предметно-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда, хотя и соотносительное с ними. Так, в качестве синонима слов *недисциплинированность, неорганизованность, распущенность, разболтанность* в русском литературном языке в начале XX в. стало применяться слово *расхлябанность*.

Слова *расхлябанный* и *расхлябанность* сформировались на основе областных северновеликорусских глаголов *расхлябать* и *расхлябаться*²².

²⁰ «Фельетоны сороковых годов. Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева», М.—Л., «Academia», 1930, стр. 78—79.

²¹ См.: «Синайская псалтырь», изд. Северьянова, Словарь, Пг., 1922, стр. 339; И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1902, стр. 1437; «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», СПб., 1822, ч. V, стр. 371; «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», 2-е изд., т. III, СПб., 1867, стр. 1015.

²² Например, в холмогорском говоре *расхлябаться*: 1) «расшататься, потерять устойчивость», 2) «разболеться, одряхлеть» [А. Грандильевский, Родина Михаила Васильевича Ломоносова, СПб., 1907 (сб. ОРЯС Имп. акад. наук, т. LXXXIII, №5), стр. 260]. Ср. *хлябать* «обнаруживать непрочность, расшатываться, ломаться» (там

В литературный язык они проникли не непосредственно из народной областной речи, а через посредство профессиональной рабочей терминологии (*винты расхлябались* и т. п.). Ср. в рассказе Г. Яблочкова «Инвалид» (1915): «Ну, капитан, — успокоительно заметил энергичный поручик, — полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонт. У вас здорово таки расхлябались все винты»²³.

Слово *расхлябанность* в разговорной речи и в составе произведений газетно-публицистического жанра получило свои индивидуальные характеристические предметно-смысловые приметы, повидимому, в силу своей бóльшей выразительности, чем слова *недисциплинированность*, *неорганизованность*, и меньшей фамиллярности, чем слово *разболтанность*.

Точно так же имеет свою номинативную специфику слово *пошиб* — соотносительно с основными словами своего синонимического ряда — *стиль*, *манера*. Слово *пошиб* в древнерусском языке служило для обозначения стиля иконописания. К XVIII в. оно выходит из литературного употребления и возрождается лишь в 50—60-х годах XIX в. в более общем и широком значении — «стиль чего-нибудь». Тут смысловая сфера экспрессивного синонима выходит за пределы бытовых значений и употреблений основного, опорного слова небольшой синонимической группы, связанной со словом *стиль*.

И. Т. Кокорев прямо предлагал заменить заимствованное слово *стиль* народнорусским *пошиб*²⁴. Но в слове *пошиб* развились своеобразные смысловые оттенки, сближающие его не только со словами *стиль*, *манера*, *характер*, но и со словами типа *повадка*, *замашки* и т. п. Ср. у Бодуэна де Куртене в дополнениях к словарю Даля: *молодец новременского пошиба*; у Достоевского в «Бесах»: *отставной армейский капитан нахального пошиба*; у Тургенева в «Нови»: «Нежданов тотчас почувствовал, что они оба, эта угрюмая девушка и он, — одних убеждений и одного пошиба». В черновых набросках этого романа, о Паклине: «Как будто имеет пошиб политика, но это только по наружности...»²⁵.

Таким образом, своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов соответствующего синонимического ряда. Между тем фразеологически связанные значения слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда, хотя и допускают синонимические «заменители».

В языке художественной литературы соотносительные и однородные значения близких синонимов могут быть индивидуально противопоставлены одно другому, как обозначения разных предметов, хотя и принадлежащих к одному и тому же виду или роду, но качественно отличных. В «Молодой гвардии» Фадеева: «У Вали глаза были светлые, добрые, широко расставленные... А у Ули глаза были большие темнокарие, не глаза, а очи...» С другой стороны, в языке художественной литературы как соотносительные и даже синонимические слова могут быть сопоставлены обозначения разных предметов. У Лескова в очерке «Колыван-

же, стр. 293). Любопытно, что севернорусским говорам известно и слово *хлябь* в значении «пасть, зев». Проф. Е. Ф. Будде готов был признать северным провинциализмом употребление слова *хлябь* в одическом стиле М. В. Ломоносова (Е. Ф. Будде, Несколькo замeтoк из истории русского языка, ЖМНП, СПб., 1898, март, стр. 157—158 и 172).

²³ «„День печати“. Клич». Сборник на помощь жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова, 2-е изд., М., 1915, стр. 218.

²⁴ И. Т. Кокорев, Очерки и рассказы, ч. III, М., 1858, стр. 325—326.

²⁵ См. А. Мазон, L'élaboration d'un roman de Tourgenев, «Revue des études slaves», t. V, f. 1—2, Paris, 1925, стр. 91.

ский муж»: «— Да, это перст божий.— Ну, позвольте... уже вы хоть перст-то оставьте.— Отчего же? Когда нельзя понять, надо признать перст.— А я скорее согласен видеть в этом чей-то шиш, а не перст».

4

Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов.

Однако и прямое номинативное значение слова может быть очень узким и очень ограниченным в своих предметно-смысловых возможностях. Например, в прилагательном *безвыходный* основное номинативное значение относительного прилагательного «без выхода, без ухода» в русском литературном языке XIX в. реализуется лишь в словосочетании *безвыходное сидение дома* или *безвыходный домосед*²⁶. В силу узости реального значения это слово толкуется в словарях неправильно, посредством мнимых, очень широких синонимов. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «неотлучный, непрерывный», у С. И. Ожегова: «непрерывный, без отлучек куда-нибудь», в академическом словаре современного русского литературного языка: «безотлучный, постоянный». Круг применения основного номинативного значения слова *безвыходный* ограничен его реальным содержанием. Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова. Фразеологически связанным является отвлеченно-переносное значение слова *безвыходный*: «такой, из которого невозможно найти выход, исход; безрадостный» (*безвыходное положение*). В литературном языке XIX в. употреблялись сочетания *безвыходная печаль* (Достоевский, Хозяйка), *безвыходное отчаяние* (Герцен, Кто виноват?) и др. Но в современном русском языке такое употребление слова *безвыходный* вытесняется словом *безысходный* (*безысходная грусть, печаль; безысходное отчаяние*). Например, у Горького в рассказе «Коновалов»: «Спокойное отчаяние, безысходная тоска звучала в песне моего товарища». Здесь фразеологическая связанность совсем не вытекает ни из этимологического значения слова, ни из его прямого отношения к соответствующему качеству (ср. невозможность сочетаний *безысходное положение, безысходная трагедия, безысходная катастрофа* и т. п.).

Глагол *отвратить*, если оставить в стороне устарелое значение «повернуть в сторону» (*со страхом очи отвратила*), употребляется в значении «предупредить что-нибудь» (тяжелое, неприятное), «помешать осу-

²⁶ Ср. у А. Н. Островского в пьесе «Волки и овцы» (действие I, явление 8-е) слова Мурзавецкой: «Смотреть за Аполлоном Викторовичем, чтобы ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно».

ществу чему-нибудь» лишь в сочетании с небольшим числом отвлеченных существительных: *отвратить опасность, беду, несчастье, угрозу чего-нибудь* (ср. *предотвратить*).

Таким образом, многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением.

Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода — «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями.

Например, глагол *отрасти*, хотя и определяется в толковых словарях общей формулой «достигнуть в росте каких-нибудь размеров», обычно применяется лишь по отношению к волосам, усам, бороде, ногтям. В других случаях говорится *вырасти* (ср. значения слова *отросток*: «побег, отходящий от стебля или корня» и «ответвление»). Однородные ограничения словесных связей действительны и в отношении глаголов *отрастить* (волосы, усы, бороду, ногти) и *отпустить* (себе).

В русском литературном языке с XV до конца XVIII в. славянизм *чреватый* (ср. народно-областное *черевистый*) употреблялся как синоним народных слов простого стиля *брюхатый, беременный, пузатый*. Как слово грубое, незлегантное, он не вошел в целый ряд стилей литературного языка: мы не найдем его у Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина. В русском литературном языке начала XIX в. слово *чреватый* стало архаизмом и применялось по большей части с экспрессией иронии; употребление его было характерно для среды приказной, купеческой, для среды духовенства, разночинцев. В переносном употреблении оно было свойственно архаическим стилям стихотворного языка (ср. эпитет *громочреватый*). В переносном же значении это слово проникает в область научной и публицистической речи. В 30—40-х годах XIX в. в научно-публицистических сочинениях оно применяется со значением: «способный вызвать, породить что-нибудь» (какие-нибудь последствия, события)²⁷. В пародической книжке «О царе Горохе. (Подарок ученым на 1834 год.)» читаем: «...все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено над ним...»²⁸. В письме Е. А. Колбасина к Тургеневу (от 29 сентября 1856 г.): «Мы пока что только чреваты надеждами, дай-то бог, чтобы хоть половина их исполнилась»; у Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «Почем вы знаете, чем чревато будущее»; у Стасова в статье «Академическая выставка 1863 г.»: «И за этакую картину академия дает нынче профессорство? Шаг решительный, profession de foi, важный, чреватый последствиями».

²⁷ Это значение поддерживалось и употреблением французского *gros* (ср. *événements gros de conséquences* «события, чреватые последствиями»; *le présent est gros de l'avenir* «настоящее чреватое будущим»).

²⁸ «Русская старина», т. XXII, СПб., 1878, стр. 356.

В рецензии на сочинение А. Г. Дювернуа «Об историческом наложении в славянском словообразовании» И. Г. Прыжов неодобрительно замечал: «С первой и до последней страницы диссертации в ней не найдете и не услышите ничего другого, как только: ...при этих средствах мы хорошо объясним себе чреватость значения слова „медь“ в славянщине, суффикс, имеющий весьма чреватое словообразовательное значение — ошибка, чреватая последствиями... и так далее, далее, далее»²⁹. Так слово *чреватый*, утратив свое прямое номинативное применение, развивает фразеологически связанное значение и реализует его в сочетании с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего с формой *последствиями*).

У синонимов могут развиваться и вполне синонимичные, фразеологически связанные значения. Яркий пример — глаголы *впасть* и *ввалиться*. У глагола *ввалиться* одно из его значений — фразеологически связанное, синонимическое с глаголом *впасть*: «глубоко осесть, стать впалым». Это значение реализуется в сочетании со словами — *глаз (глаза), щека (щеки), рот, губы, грудь, бока*. Например, у Пушкина в «Гробовщике»: «...ввалившиеся рты»; у Тургенева в повести «Странная история»: «Губы до того ввалились, что среди множества морщин представляли одну — поперечную»; у В. Шишкова: «бока у лошади от бескормицы ввалились» («Алые сугробы», VII). Любопытно индивидуально-метафорическое употребление глагола *ввалиться* у Л. Андреева в повести «Губернатор»: «Дальше опять домишки и три подряд голые, кирпичные корпуса без орнаментов, с редкими ввалившимися окнами».

Глагол *впасть* характерен тем, что его прямое номинативное значение устарело и вышло из употребления (ср. древнерусск. *впасть в яму, ров* и т. п.). Для выражения этого глагола стали употребляться глаголы *упасть* и *попасть* (ср. *упасть в яму* и *попасть в яму*). Лишь в формах несовершенного вида сохранилось номинативное значение «втекать», «вливаться» (о реках, ручьях). В формах совершенного вида у глагола *впасть* закрепилось значение «стать впалым», синонимичное такому же значению глагола *ввалиться*. Оно связано лишь со словами *щеки, глаза (очи)*, реже *рот, губы, виски, грудь, бока*. У Лермонтова: «бледные щеки впали» («Бэла»); у Чехова в рассказе «Припадок»: «Лицо его было бледно и осунулось, виски впали». Это фразеологически связанное значение соотносительно со значением слова *впалый*, круг применения которого гораздо уже, чем слова *впадина* (ср. *впалые глаза, впалые щеки, впалая грудь*). Истолкование значения прилагательного *впалый* при посредстве слова *впадина* в словаре С. И. Ожегова должно быть признано ошибочным³⁰.

Другое значение глагола *впасть*, также фразеологически связанное, но вместе с тем и конструктивно обусловленное — полувспомогательное: «начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)» или «проявлять признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)»: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в грусть, в тоску, в бедность, в ничтожество, в ересь, в противоречие, в шарж, в крайность, в пошлый тон* и т. п.

Изучение изменений фразеологических связей слов в развитии русской литературной лексики помогает уяснить закономерности того сложного процесса, который переживали славянизмы после распада системы

²⁹ Газ. «Голос», СПб., 1867, № 207.

³⁰ Ср. в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «*Впалый*, -ая, -ое. Вдавшийся внутрь, ввалившийся. *Впалые щеки. Впалые глаза* (т. I, стр. 384). В одготомнике С. И. Ожегова: «*Впалый*, -ая, -ое. Образующий впадину, вдавшийся внутрь, вогнутый. *Впалая грудь*» (стр. 84).

трех стилей в русском литературном языке XIX в. В качестве иллюстрации можно воспользоваться семантической историей глагола *поглотить* — *поглощать*. В памятниках древнерусской письменности слово *поглотить* выражало два значения: 1) прямое конкретное: «проглотить, пожрать, съесть» с оттенком: «принять в себя, в свои недра» (о земле и море) и 2) в обобщенном смысле «уничтожить».

С некоторым видоизменением оттенков и расширением фразовых связей эти значения, в основном, сохраняются и в русском литературном языке XVIII в. Ср. иллюстрации этих значений в «Словаре Академии Российской» и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *Кит поглотил Иону. Море поглощает корабли. Бездна поглотила упавшего с высоты утеса. Время все поглощает*³¹. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «И память юного поэта Поглотит медленная Лета».

Однако в начале XIX в. у этого глагола вырисовываются новые фразеологические связи. На основе первоначального основного значения (которое вытесняется бытовыми синонимами — *проглотить*, *съесть* и т. п.) развиваются значения переносные, обращенные на умственные, духовные объекты действия: *поглотить много книг; поглощать новые сведения, известия*. При отвлеченных или конкретно-вещественных субъектах и объектах возникают и распространяются разнообразные смысловые оттенки: «вобрать в себя» (*поглотить влагу, поглощать лучи*); «потребовать на себя много чего-нибудь» (какого-нибудь расхода времени, энергии и т. п.), «вызвать затрату, потерю чего-нибудь»: *Путешествие поглотило массу денег; Работа поглотила много энергии*. В русском литературном языке с середины XIX в. устанавливается семантическое соотношение между глаголами *поглотить* и *погрузиться* — в отвлеченных переносных значениях. Ср. у Григоровича: «...живет... безвыездно в своих „Золотых привольях“, поглощенный (погруженный.— В. В.) в созерцание гнедых рысаков и саврасых скакунов» («Проселочные дороги»); у Тургенева: «... другие заботы ее поглощали» («Первая любовь»); ср. у Пушкина: «В заботы суетного света Он малодушно погружен»; у Некрасова: «Служба всю мою жизнь поглощала» (стихотв. «Газетная»).

Точно так же глагол *пробудить*, который сначала являлся синонимом глагола *разбудить*, с развитием переносных отвлеченных значений в русском литературном языке с конца XVIII в. замыкается в узком кругу фразеологических связей. В словарях Академии Российской конца XVIII и начала XIX в. *пробуждать* — *пробудить* рассматривается как слово среднего стиля, имеющее одно прямое значение: «прервать сон». Ср. *пробуждаться* — «просыпаться, приходиться после сна в чувство»; *пробуд* — «время прекращения сна» (*Пред самым пробудом снилось, грезилось*)³².

Однако уже со второй половины XVIII в. из стилей художественной литературы все глубже входит в систему национального литературного языка переносное значение слова *пробудить*—*пробуждать*: «возбуждать, подстрекать», как определяет это значение «Словарь церковнославянского и русского языка» (*Рассказы путешественников пробудили в нем желание побывать в чужих краях*)³³. Параллельно протекает процесс развития отвлечен-

³¹ См.: «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», ч. IV, СПб., 1822, стр. 1200; «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. III, СПб., 1847, стр. 244.

³² См. «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», ч. V, стр. 492.

³³ «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. III, стр. 516.

ченных значений *ц* в глаголе *пробуждаться* (ср.: *страсти пробуждаются*).

В дальнейшем история изменений значений глагола *пробудить* — *пробуждать* и глагола *пробудиться* — *пробуждаться* разошлась. В глаголе *пробудить* — *пробуждать* прямое значение все более вытеснялось употреблением синонимов *будить*, *разбудить* (кого-нибудь), но на основе его развилось переносное значение «кого-нибудь возбудить, сделать активным, деятельным», например: *пробудить к активной деятельности*³⁴. В глаголе же *пробудиться* — *пробуждаться* сохранилось и основное значение — «проснуться, перестать спать», и развившееся из него переносное (ср.: *пробудиться к новой деятельности*, или у Пушкина: «Во мне пробудилась охота к литературе»). Таким образом, в современном русском языке (так же, как и в литературном языке второй половины XIX в.) глагол *пробудить* выражает только отвлеченные фразеологические связанные значения «породить, вызвать появление чего-нибудь» (*пробудить интерес, охоту, желание, страсть к чему-нибудь* и т. п.).

Сходные, хотя и с индивидуальными вариациями, процессы образования фразеологически связанных значений — в связи с утратой или ослаблением основных номинативных значений — можно наблюдать в семантической истории таких славянизмов, как *потрясти* — *потрясть*, *возмутить* — *возмутить*, *распространить* — *распространять* и т. п.

5

Различение свободных и фразеологически связанных значений слова помогает точнее и яснее представлять как семантические границы, так и смысловой состав слова, систему всех его значений. Разграничение свободных и фразеологически связанных значений особенно важно для теории и практики лексикографии. В выделении и определении фразеологически связанных значений слов особенно легко ошибиться, так как их применение не дает достаточных средств для проверки их значения³⁵.

При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова одно из предполагаемых трех значений разговорного слова *отделаться* характеризуется так: «испытать что-нибудь незначительное вместо большой беды, неприятности» (*При катастрофе отделаться испугом; Отделаться царяпиной; Дешево отделался*)³⁶. Но глагол *отделаться* вовсе не выражает значения «испытать, пережить что-нибудь незначительное»; он здесь значит «избавиться, ограничившись чем-нибудь». Неясно, почему другое значение того же слова, тоже признанное за самостоятельное, определяется так: «не желая выполнить всего, что надо, ограничиться чем-нибудь (немногим, несущественным)»: *Отделаться пустым обещанием; Отделаться пятью рублями*. И тут определяется не значение самого слова, а общий смысл подобранных примеров.

В толковых словарях русского языка, например в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, постоянны такого рода подмены истолкования значения слова описанием смысла всей фразы. Например в глаголе *обвести* одно

³⁴ См. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939 стр. 895.

³⁵ Ср. Ж. В а н д р и е с, Язык [русск. перевод], М., Сопэкгиз, 1937, стр. 106.

³⁶ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, М., 1938, стр. 917. Ср. в «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым, стр. 421.

из значений определяется так: «оглядеть, окинуть взором», и приводится такой пример из Чехова: «Машенька обвела удивленными глазами свою комнату»³⁷. В том же словаре значение глагола *прибрать* характеризуется так: «убрать, отодвинуть в сторону». Эта характеристика целиком навеяна примером: *Прибрать книги к сторонке*³⁸.

В глаголе *лопнуть* словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет пять значений: «1. Треснув, прийти в негодность, разломаться, получить трещину (о полых предметах). *Лопнул стакан. Лопнул пузырь. Лопнул мяч.* 2. Треснув, разорваться (о натянутом). *Канат лопнул. Струна лопнула. Брюки лопнули по шву*»³⁹. 3. *перен.* Потерпев крах, полную неудачу, прекратиться, перестать существовать (разг.). *Банк лопнул. Все дело лопнуло.* 4. *перен.* Истошиться, исчезнуть (разг.). *Терпение лопнуло*⁴⁰. 5. *перен.* Не выдержать сильного физического или психического напряжения (простореч. фам.). *Можно лопнуть со смеху. Чуть не лопнул со злости, от зависти*»⁴¹.

Очевидно, что в выражениях *терпение лопнуло, надежды лопнули* осуществляется лишь метафорическое употребление глагола *лопнуть* в основном значении «треснув, разломаться или разорваться». Во всяком случае, *терпение лопнуло* — это не значит, что терпение исчезло, и даже не значит, что оно истошилось. Кроме того, ведь иначе как в сочетании со словами *терпение* и *надежды* слово *лопнуть*, кажется, и не употребляется в этом метафорическом смысле. Значение же «не выдержать сильного физического или психического напряжения» является несвободным и выделяется лишь потенциально из нескольких устойчивых фразеологических оборотов: *лопнуть со смеху, со злости, от злости, от зависти*.

Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно — в зависимости от семантических потенциалов, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости. Кроме того, степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень разными. Например, глагол *замять* — *заминать* со значением «приостановить, пресечь дальнейшее развитие чего-нибудь (неприятного), умышленно не дать ходу» в разговорно-литературной речи встречается в очень узком контексте; он сочетается с немногими объектами: *замять дело, разговор, какую-нибудь выходку, неприятное впечатление*. У Гоголя в «Мертвых душах» сказано: «Замять неуместный порыв восторгания». У Достоевского в «Подростке» встречается индивидуальное фразеологическое сочетание *замять слух*: «И даже и теперь не знаю, верен ли этот слух; по крайней мере, его всеми силами постарались замять». Толстовское выражение *замять кого-нибудь* (в «Войне и мире»: «Анатоля Курагина... — того отец как-то замаял») противоречит современному словоупотреблению. Еще более тесны фразеологические связи глагола *затаить* (*затаить обиду в душе, глубоко затаить месть, затаить злобу*).

³⁷ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 614; ср. в словаре С. И. Ожегова, стр. 376.

³⁸ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 765; ср. в словаре С. И. Ожегова, стр. 535.

³⁹ В словаре С. И. Ожегова оба эти значения объединяются. Они связываются с полыми и натянутыми предметами. К этим же предметам причислен и тот человек, который *чуть не лопнул от смеха* (стр. 290).

⁴⁰ В словаре С. И. Ожегова это значение также почему-то соединено с предшествующим. *Лопнувшее терпение* ставится рядом с *лопнувшим делом*.

⁴¹ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 90.

Крайнюю ступень в ряду фразеологических сочетаний занимают обороты, включающие слова с единичным употреблением. Например, книжное слово *преклонный* встречается только в выражениях «преклонный возраст», «преклонные лета» или «года». Понятно, что в индивидуальном стиле оно может сочетаться и с каким-нибудь другим синонимом слова «возраст». Так, у Некрасова: «Безмятежней аркадской идиллии Закачтятся преклонные дни».

Приведенное в словаре под ред. Ушакова выражение *преклонный старик*⁴² кажется не вполне правильным. Слово *преклонный* понимается как синоним слов *старый*, даже *престарелый*, но с несколько стертым значением. Поэтому уже в словаре Академии Российской слово *преклонный* в этом употреблении не признается за отдельную лексическую единицу; оно рассматривается лишь в составе фраз: *преклонный век, лета* — «старость, пожилые годы»⁴³. Однако в словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. из этого употребления извлекается особое значение: «приближающийся к концу» (о возрасте и летах)⁴⁴. По тому же пути идет и словарь под ред. Д. Н. Ушакова: «*Преклонный*, -ая, -ое (книжн.). Перешагнувший через зрелые года, приближающийся к глубокой старости, к смерти (о возрасте)»⁴⁵.

Таким образом, границы между фразеологически связанным значением слова и фиксированным употреблением его как неотделимого элемента одного-двух фразеологических оборотов оказываются в некоторых случаях зыбкими, не вполне определенными. И все же необходимо отличать фразеологически связанное, несвободное значение слова от оборота в нескольких фразеологических единствах, близких по смыслу. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова выделено в особое значение (7) употребление слова *курс* в таких соотносительных выражениях: *быть в курсе* (чего), *держать* (кого) *в курсе* (чего), *войти в курс* (чего), *вести* (кого) *в курс* (чего). Из этих образных фразеологических оборотов извлекается такое мнимое значение слова *курс*: «осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области»⁴⁶. Но такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. Все обороты, в которых это значение усматривается, сложились на базе основного значения этого слова «течение», «направление движения».

Следовательно, от значения слова отличается его употребление. Употребление — это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью. При переносном или композиционно осложненном применении слова в каком-нибудь из его основных значений возникают новые, своеобразные смысловые оттенки. Однако эти семантические нюансы не образуют самостоятельного значения. Они легучи, изменчивы, иногда даже трудно уловимы. Они не свойственны общему языку, хотя и общепонятны. Например, академическим словарем русского языка зарегистрировано употребление причастия от глагола *лаять* в фразеологическом сочетании: *лающий голос* (не о собаке)⁴⁷. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Благонамеренных речах»: «Из внутренностей его, словно из пустого пространства ... вы-

⁴² См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴³ См. «Словарь Академии Российской», ч. V, 1822, стр. 213.

⁴⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 441.

⁴⁵ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴⁶ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1555.

⁴⁷ «Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. V, вып. 1, Пг., 1915, стр. 284.

летал громкий, словно лающий голос»; у Куприна в рассказе «Мелозга»: «Он угрюм, груб, у него лающий голос». Академический словарь приводит также выдержку из журнала «Солнце России» (1913, № 52): «„Врешь!“ — лающим голосом опять крикнул кто-то из окружающих нас».

Форма *лающий* здесь не выражает нового самостоятельного значения. О новом значении нельзя говорить уже по одному тому, что словосочетание *лающий голос* единично (ср., впрочем, *лающий кашель*). Другие связи этого рода у формы *лающий* возможны лишь в индивидуальном употреблении (например: *лающие звуки*, *лающая речь* и т. п.). Кроме того, *лающий* в выражении *лающий голос* присоединяет к основному значению глагола *лаять* лишь качественный оттенок: «как бы лающий» (ср. у Салтыкова-Щедрина: *словно лающий*), т. е. «похожий на лай» (короткий, отрывистый, хриплый). В этом случае можно говорить только об употреблении, а не о новом значении. Между тем в словаре Ушакова форма *лающий* выделена в самостоятельное слово именно из-за этого употребления, которое принято за особое значение⁴⁸.

История значений слова неразрывно связана с историей фразеологических оборотов. Во фразеологических сочетаниях воплощаются общие закономерности, управляющие связью значений в пределах данной семантической системы. Новые, индивидуальные употребления слова дают себя знать сначала в отдельных фразеологических сочетаниях. На основе их может затем выкристаллизоваться общее фразеологически связанное, несвободное значение.

Вместе с тем угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения или архаического выражения в двух-трех фразеологических сочетаниях. Например, слово *личина* в значении «маска» и переносном — «притворная, искусственно созданная видимость, обманчивая или обманная внешность» постепенно утрачивается в русском языке. Но это переносное значение еще теплится в двух-трех выражениях и фразеологических оборотах: *это — одна личина, под личиною чего-нибудь* [«Прямой был век покорности и страха, Все под личиною усердия к царю» (Грибоедов)], *надеть личину кого-нибудь или чего-нибудь* «прикидываться кем-нибудь».

Разъединение фразеологических сочетаний также приводит к образованию новых выражений и новых смысловых оттенков. Например, глагол *напиться* (так же, как и его экспрессивные синонимы *нализаться* и т. п.) в разговорно-фамильярной речи сочетается с выражением *до чортиков* (ср. *до зеленого змия*) в значении «до крайней степени опьянения, до галлюцинаций». Тут *до чортиков* является обозначением высшей, предельной степени, но только одного очень определенного действия. Будучи оторвано от глагола *напиться*, выражение *до чортиков* может в индивидуальной речи стать шутивно-ироническим обозначением высшего предела вообще чего-нибудь. Именно так употребил это выражение художник А. Я. Головин, рассказывая о Левитане: «До каких „чортиков“ виртуозности дошел он в своих последних вещах!.. Его околицы, пристани, монастыри на закате, трогательные по настроению, написаны с удивительным мастерством»⁴⁹.

Таким образом, изучение не только синонимики, но и фразеологически связанных значений, употребления слов тесно объединяет лексикологию со стилистикой.

⁴⁸ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 30

⁴⁹ А. Я. Головин, Встречи и впечатления. Воспоминания художника, Л.—М., «Искусство», 1940, стр. 14.

6

Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически. В самом характере взаимосвязанности лексических значений слов и их синтаксических свойств сказываются качественные различия двух основных синтаксических категорий — словосочетания и предложения.

Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения. Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. Например, ср. в разговорной речи слово *молодец* при выражении похвалы, одобрения в функции сказуемого: *Она у нас молодец; Молодец, что хорошо сдал экзамены.* Ср.: *Не жидец она на белом свете;* ср. также: *Не житье, а масленица.*

В слове *петух* различаются два значения: 1) «самец кур», 2) «забияка» в применении к человеку⁵⁰. Однако характерно, что со вторым значением этого слова не связан ни один из фразеологических оборотов, образовавшихся на основе слова *петух*: *пустить петуха* (о певце); *пустить красного петуха* («поджечь», из разбойничьего жаргона); *с петухами* (рано) *оставать, до петухов* (до зари) *не спать, засидеться.*

Таким образом, переносное значение слова *петух* нельзя считать фразеологически связанным. Правильнее всего было бы признать это значение, в отличие от прямого, свободного номинативного значения, значением предикативно-характеризующим. Предикативно-характеризующее значение существительного может быть использовано для называния, обозначения кого-нибудь или чего-нибудь лишь в случае индивидуального указания (обычно при посредстве местоимения *этот*). Например, если о задире сказали: *Вот так петух!* или что-нибудь другое в этом роде, то можно продолжать в таком духе: *Другого такого петуха не найти!* Или: *Этот петух всегда всем испортит настроение!* Но как название, как обозначение слово *петух* к человеку применяется обычно лишь в качестве фамилии или прозвища (можно вспомнить гоголевского Петра Петровича Петуха). Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализоваться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении.

В сущности, соотношение тех же двух типов значений наблюдается и в слове *тетеря* с тем лишь различием, что здесь в разговорно-шутливой речи предикативно-характеризующее значение повело к образованию устойчивых фразеологических сочетаний *глухая тетеря, сонная тетеря, ленивая тетеря.* Сюда же можно присоединить такие слова — с их прямыми и переносными функционально-синтаксически ограниченными значениями, — как *гусь* (ср. *гусь лапчатый, вот так гусь!*), *осел, ерш* (ср. *ершиться*), *лиса, байбак, ворона* (ср. *проворошить*) и т. п.

Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь

⁵⁰ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 246. Наличие переносного значения в слове *петух* подтверждается произведенным отсюда фамильярным глаголом *петушиться* «вести себя задиристо, заносчиво, забиячливо».

свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение, или обособленное определение, или даже сначала как возникающее в речи переносное, нередко метафорическое, обозначение, в тех случаях, когда необходимо отнесение лица, предмета, явления к какому-нибудь разряду в системе коллективно осознанных способов их характеристики. Своеобразные семантические особенности этого типа значений слова особенно ярко выступают в случаях переходных, развивающихся, но еще не ставших стандартными. В этом отношении показательно складывающееся предикативно-характеризующее значение у слова *перекати-поле*⁵¹.

Есть слова, которым присуще только функционально-синтаксическое значение. Например, слово *загляденье* в академическом словаре русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова определяется прежде всего как действие по значению глагола *заглядеться*, но ни одного примера, иллюстрирующего это значение, не указано⁵². В этом значении слово *загляденье* в современном русском языке употребляется только в выражении *на загляденье*. Например, у Кокорева в «Очерках и рассказах»: «Стол почтенных лет, но всегда выглядит на загляденье и около него скамья»; у Лескова в рассказе «Неразменный рубль»: «Я приду к отцу Василию и принесу, на загляденье, прекрасные покупки».

Начиная с XIX в., слово *загляденье* обозначает все то, на что можно заглядеться, чем можно залюбоваться; в этом значении оно употребляется только в функции сказуемого; черты имени существительного в нем стираются, падежные формы ему уже не свойственны. У Пушкина в прозаическом отрывке («В одно из первоначальных чисел апреля») читаем: «Что за карета — игрушка, загляденье»; у А. Майкова в стихотворении «Два мира»: «И целый лес кругом колонн, Все белый мрамор, загляденье!»; у И. С. Никитина в поэме «Кулак»: «...остался У бедняка рысак один: Ну, конь! Ей богу, загляденье!»; у Григоровича в романе «Переселенцы»: «Маленький чепчик на голове ее был просто загляденье»; у Гончарова в «Обрыве»: «Вон Балакин: ни одна умная девушка нейдет за него, а загляденье».

Более сложной была семантическая история славянизма *объяденье*, который до начала XIX в. обозначал «обжорство, неумеренность в пище», но затем в разговорно-бытовой речи закрепился в функции сказуемого и экспрессивно-восклицательного выражения, близкого к междометию. Слово *объяденье* стало эмоционально-предикативной характеристикой чего-нибудь необыкновенного по своему вкусу (*Пирожки — прямо объяденье!*).

В слове *указ* при употреблении его в разговорной речи в функции сказуемого с отрицанием *не* возникает своеобразное значение, которое определяется в толковых словарях так: «не может служить основанием, указанием для кого-нибудь, чего-нибудь» (*Ты мне не указ*). Тут уже явно обозначился отрыв предикативного выражения *не указ* от слова *указ* в значении «постановление верховного органа власти, имеющее силу закона». Ср. просторечное *не след* (в значении: «не следует»).

Функционально-синтаксически ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их

⁵¹ В художественной литературе находит отражение развитие этого значения, еще тесно связанного с прямым номинативным значением слова *перекати-поле*. См. рассказ А. П. Чехова «Перекасти-поле». См. также повесть современной свердловской писательницы Н. Поповой «Зрелость».

⁵² См. «Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. II, СПб., 1907, стр. 916—917.

кратким формам), а также наречиям, которые переходят в этих условиях в категорию состояния. Однако несомненно, что и в системе глагола развивается близкий тип предикативно-характеристических, определительных значений.

Эти значения обычно выступают в формах несовершенного вида и связаны с ограничением не только видовых, но и модальных возможностей употребления соответствующего глагола. Например: *Окна выходят в сад*; *Начинание молодых исследователей заслуживает всяческого поощрения*; *Дело стоит внимания*; *Один стоит семерых* и т. п.

7

Гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова — значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) — является сфера значений конструктивно организованных или конструктивно обусловленных. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. При этом данные формы сочетаемости зависят не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям (например, глаголов к категории переходности), но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции. Дело в том, что структура некоторых типов словосочетаний обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, многочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания — *плакаться*, *сетовать*, *жаловаться* и некоторые другие — выражает свое значение обычно в сочетании с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания. Так, прямое номинативное значение глагола *плакаться* (как и его синонимов, с помощью которых оно определяется, — *жаловаться*, *сетовать*) конструктивно обусловлено. Просто *плакаться* нельзя, можно *плакаться на что-нибудь* — *на свою судьбу*, *на свои несчастья*. Однако фразеологическая связанность вовсе не обязательна для конструктивно обусловленного значения. Достаточно сослаться на несколько других глаголов с той же конструкцией: *пенять кому-чему-либо* и *на кого-что*, *положиться* — *полагаться на кого-что-нибудь* и т. п. Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтаксических сочетаний. Например, глагол *разобраться*, кроме своего прямого значения «привести в порядок, разобрать свои вещи», имеет конструктивно обусловленное значение: *разобраться в ком-чем* — «в результате опыта, наблюдений хорошо понять» (*разобраться в вопросе*, *в обстоятельствах дела*, *в своеобразии чьего-нибудь характера* и т. п.). Реализация данного значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции. Лексическое значение слова тесно, органически связано с данным способом его семантико-синтаксического раскрытия. Ср. также: *состоять в чем-нибудь*, *выразиться в чем-нибудь*, *отозваться* (абсолютивно) и *отозваться на что*, а также потенциальные: *отозваться о ком-чем* [«с особым сочувствием отозвался о Соломине» (Тургенев, *Новь*)]; *отозваться на чем-нибудь* («сказаться, отразиться»: *Долгая ночная работа вредно отозвалась на здоровье*).

Признание конструктивной обусловленности многих значений основано совсем не на тех соображениях, которые побуждали акад. Л. В. Щербу даже всякий переходный глагол рассматривать как «строевой» элемент грамматики, как форму связи между субъектом и объектом действия. Есть различие между лексическими значениями тех слов, которые по законам грамматики русского языка конкретизируют свое содержание соответственно своей принадлежности к той или иной грамматической или лексико-грамматической категории (например: *купить что-нибудь, производство чего-нибудь*), и между конструктивно-обусловленными значениями тех слов, в которых сама дифференциация значений всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции — в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение может быть признаком обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова. Например, едва ли значения слова *положение* (о чем-нибудь): 1) закон, правило или свод правил, касающихся чего-нибудь, и 2) логическое научное утверждение, формула, сформулированная мысль (*положение о внутренних законах развития*) могут быть объединены с такими значениями слова *положение*, как «местонахождение в пространстве», «постановка тела или частей его», «состояние», «обстоятельства», «обстановка общественной жизни», «роль в общественной жизни», «распорядок государственной, общественной жизни» и т. п. Точно так же едва ли возможно втиснуть в систему значений одного слова все те значения, которые приписываются, например, глаголу *обернуться* (*обернуться лицом к окну* и сказочное — *обернуться кем-чем* или *в кого, во что: обернуться волком; бес, обернувшийся в пса*, и т. д.; ср. *оборотень*)⁵³.

Таким образом, разные виды конструктивной обусловленности слов могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии. Конструктивная обусловленность бывает свойственна не только свободным номинативным, но и фразеологически связанным и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов.

Например, в слове *вопрос* ярко сказывается связь разных его значений с разными конструктивно-синтаксическими свойствами или формами сочетаемости с другими словами. Прямое номинативное значение — «словесное обращение, требующее ответа, объяснения», выражается словом *вопрос* в сочетании с предлогом *о* и формой предложного падежа существительного или, независимо от такого сочетания, — в абсолютном употреблении. Например: *получить ответы на все вопросы; задать несколько вопросов*. В сущности, те же конструкции связаны и с обобщенным, абстрактным номинативным значением «проблема», «задача», «предмет исследования», но для формы множественного числа — *вопросы* возможно сочетание и с формой родительного падежа. Иллюстрации к этому зна-

⁵³ Однако см. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 631 и словарь С. И. Ожегова, стр. 378—379.

ченно: *национальный вопрос, вопрос о законах развития общества, вопросы грамматического строя, вопросы современной архитектуры* и т. п. В бытовой речи это значение приобретает более широкий, неопределенный и общий характер и становится синонимом таких слов, как *вещь, дело, тема, обстоятельство*. Например: *Это совсем другой вопрос* («это совсем другое дело»); *Мы еще вернемся к этому вопросу* и т. п. Несомненно, что выражения типа: *вопрос не в этом; вопрос в том, что; весь вопрос — в быстроте исполнения* — представляют собой устойчиво-фразеологические обороты. Здесь толковыми словарями обычно выделяется фразеологически связанное значение «суть, сущность, главное» и т. п.

В предикативном значении (а отсюда — и в индикативном, конкретно-указательном употреблении) слово *вопрос* в единственном числе в сочетании с формой родительного падежа отвлеченного существительного обозначает: «дело, обстоятельство, касающееся чего-нибудь, зависящее от чего-нибудь» (*вопрос чести, вопрос времени, вопрос жизни и смерти, вопрос денег, вопрос терпения* и т. п.)⁵⁴.

Примером взаимодействия фразеологически связанных значений и строго дифференцированных конструкций может служить слово *играть*: ср., с одной стороны, *играть во что* (в карты, в лото, в прятки, в футбол, в шахматы и т. п.) и переносно — *играть в чувство, в негодование* и т. п. и, с другой стороны, *играть на чем* (на скрипке, на гитаре, на рояле; ср. также: *играть на бильярде, на первах*): ср. *играть чем или кем* (*жизнью, людьми*), *играть кого-что, в чем* и т. п.

Обусловленность значения слова строго определенными и притом ограниченными синтаксическими формами сочетаемости его с другими словами сопровождается своеобразными структурными оттенками лексического значения. Свободное номинативное значение в тех случаях, когда оно конструктивно обусловлено, обычно имеет более ограниченный, узкий характер [ср., например: *готовая работа и работа, готовая к печати; интересы* (духовные, классовые и т. п.), *интерес* (общественный), *интерес к кому-чему; хлопотать и хлопотать о ком-о чем; предмет и предмет чего* (насмешки, иронии, любви и т. д.)].

Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соответствующих фразеологических единиц. Например: *ласкать себя надеждой; броситься в глаза* (ср. *броситься в лицо, в голову* и т. д.).

Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов, способствует дифференциации значений и оттенков слова, а также разграничению омонимов.

Выделение особого типа конструктивно-обусловленного значения происходит при превращении знаменательного слова в служебное (например, *относительно* — в функции предлога при омониме *относительно*—наречии и модальном слове; *точно* — в функции союза соотносительно с омонимом *точно*—наречием, а также модальным словом и утвердительной частицей и т. п.). Но тут уже открывается область иных структурных типов слов и иных типов значений, о которых удобнее говорить при изучении вопроса о взаимодействии лексических и грамматических значений у служебных слов, об условиях и способах перехода лексических значений в грамматические.

⁵⁴ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 362—363; то же в словаре С. И. Ожегова, стр. 80.

*

Разграничение основных типов или видов лексических значений слов помогает установить ясную перспективу в семантической характеристике слов и содействует правильному определению омонимов и синонимов в лексической системе языка. Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа. А. А. Потехин правильно указывал на то, что лексические значения слов, органически связанные с грамматическими, являются структурным элементом языка, и в этом смысле они формальны — по сравнению с теми понятиями, которые складываются и закрепляются на их основе и с их помощью.

Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа.

Р. И. АВАНЕСОВ и В. Г. ОРЛОВА

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР *

1

Советское языкознание уделяет большое внимание изучению территориальных диалектов. В трудах И. В. Сталина показана тесная связь развития диалектов, обслуживающих народные массы на определенных территориях и имеющих свой грамматический строй и основной словарный фонд, с историей данного народа. Исторические события глубоко отражаются на характере развития диалектов, на их отношениях друг к другу и к общенародному языку народности, нации на разных этапах существования этих последних. В зависимости от конкретных исторических условий развития данного народа отдельные местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков, в связи с чем остальные диалекты таких языков «...теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»¹.

В истории некоторых языков бывало также, что «местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке,— оживают и дают начало образованию...самостоятельных языков»². Так, например, единый монгольский язык распался в XIII в. в связи с распадом единой монгольской народности на ряд диалектов, из которых на протяжении XIV—XVII вв. сформировались самостоятельные языки: бурят-монгольский, ойрат-монгольский, халхаский, или собственно монгольский, дагурский, монгорский и могольский.

Огромное значение для правильного понимания исторического процесса развития и совершенствования языков имеет также учение И. В. Сталина о неклассовом характере всех языков. Наличие диалектов, являющихся ответвлением от общенародного языка, не исключает единства языка на всех этапах его развития, так как над диалектами, местными говорами «... превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»³.

Таким образом, развитие языкового строя диалектов необходимо изучать, учитывая характерные для этих диалектов внутренние законы развития, в связи с историей соответствующего народа, прослеживая при этом процесс формирования диалектов каждого отдельного конкретного языка.

* В основу настоящей статьи положен доклад, подготовленный Р. И. Аванесовым, Е. А. Бокаревым, Б. В. Горнунгом, В. И. Лыткиным, В. Г. Орловой, В. С. Расторгуевой и А. А. Юлдашевым и прочитанный на Совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии в мае 1953 г. в Институте языкознания АН СССР.

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитгиздат, 1953, стр. 44.

² Там же.

³ Там же, стр. 13.

Только детальное изучение истории формирования отдельных языков может выявить соотношение диалектных групп данного языка на разных этапах его существования. Различия в конкретно-исторической обстановке существования общества, создавшего тот или иной язык, определяют своеобразие процессов формирования языка данной народности, данной нации. Однако учение И. В. Сталина о территориальных диалектах и их роли в общем развитии языка ставит перед каждым исследователем, занимающимся данной проблемой, и некоторые общие вопросы, которые следует разрешать на основе сопоставления разных типов развития языков в различных исторических условиях.

Одним из таких важнейших вопросов является уже упоминавшийся вопрос об общенародности языка в пределах любой социальной общности, которую язык обслуживает, независимо от того, будет ли это племя, народность, буржуазная или социалистическая нация. При исследовании истории формирования каждого данного языка всегда оказывается поэтому необходимым уяснить себе, на чем основывалась, чем обеспечивалась общенародность языка на каждом из этапов его развития. Так, например, общенародный характер языка народностей, складывавшихся в древние эпохи на основе союзов племен, был обусловлен тем, что языки этих родственных племен обладали значительной степенью единства и близости (ср. древнерусский язык киевского периода, древнемонгольский язык до XIII в.). Общность по происхождению являлась еще решающей в это время, а различия в языке еще только намечались и касались главным образом отдельных особенностей фонетической системы.

Об этом говорит, например, по отношению к единому монгольскому языку периода XII—XIII вв. Г. Д. Санжеев: «Изучение этих записей (имеются в виду записи устной речи монголов XIII—XIV вв., сделанные учеными соседних стран. — *Ред.*) не оставляет никакого сомнения в том, что различные монгольские племена, объединенные в государство поработителя народов Чингисхана, говорили на таких диалектах единого монгольского языка, различия между которыми были значительно меньшими, нежели те, какие существуют теперь между современными монгольскими языками»⁴.

Таковы и наши представления о языке древнерусской народности IX—XI вв., единство которого также основывалось на том, что еще сохранялось решительное преобладание элементов языковой общности, полученной в результате происхождения из одного языка-основы, языковые же различия между отдельными племенными группами того времени по своей сущности и значимости в системе языка не играли сколько-нибудь заметной роли.

Народности возникают, как известно, и в более поздние эпохи существования общества на почве обособления частей уже ранее существовавших народностей и нового их объединения. При этом в их составе могут уже оказываться представители различных, более резко противопоставленных диалектов, развившихся в условиях территориального обособления, например, в период феодализма. Однако если исторические условия таковы, что носители этих диалектов продолжают составлять одну народность и социальная общность в пределах этой народности не нарушается, то даже при образовании некоторых диалектных различий процесс дальнейшего обособления диалектов не идет настолько далеко, чтобы дать начало самостоятельным языкам.

При этом в языке народности с подобным более неоднородным диалект-

⁴ Г. Д. Санжеев, Монгольские языки и диалекты, «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. IV, М., 1952, стр. 33.

ным составом опять-таки выделяется на основе определенных исторических предпосылок диалект, имеющий ведущее значение в дальнейшем развитии языка народности, используемый в определенных случаях при междиалектном общении и выступающий как наиболее типичный представитель общенародного языка. Преобладание в структуре ведущего диалекта элементов, общих с языковой структурой других диалектов данного языка, служит для дальнейшего сохранения языковой общности. Специфические же черты этого диалекта постепенно, хотя и чрезвычайно медленно получают на данном этапе общественного развития более широкое распространение.

Так, например, в пределах аварского языка (Дагестан) из двух наречий, южного и северного, последнее представлено более компактным диалектным массивом, на основе которого и сложился так называемый «болмац», которым аварцы, говорящие у себя на местах на своих родных диалектах, издавна пользовались при междиалектном общении. Характерно при этом, что «болмац» не является по характеру языковой системы непосредственно тождественным тому северному диалекту, на основе которого он сложился. В «болмаце» обнаруживаются в ряде случаев и черты более старые, но сохранившиеся именно в связи с междиалектным использованием. Попало в «болмац» и несколько других диалектных особенностей, отсутствовавших в северном диалекте, но оказавшихся продуктивными и широко распространившимися.

Язык отдельных народностей в начале формирования последних может являться и однородным по своему диалектному составу. Таким был в начальный период своего развития язык великорусской народности, складывавшийся при ведущем значении диалекта Ростово-Суздальского княжества. Несмотря на присоединение других диалектных областей, диалект ростово-суздальского типа на протяжении некоторого периода доминирует еще территориально. В дальнейшем это ведущее значение сохраняется за ним благодаря предпосылкам экономического и культурного характера. Пути формирования ведущего диалекта в пределах языка народности могут быть различными. Для диалектных групп языка монгольской народности Г. Д. Санжеев подчеркивает, например (стр. 105)⁵, то особое значение, которое имело междиалектное общение в условиях кочевого образа жизни, приведшее еще в период существования языка монгольской народности при наличии определенных исторических предпосылок к значительному стиранию диалектных различий и образованию весьма единообразного халхаского диалекта на огромной территории бывшей Внешней Монголии, благодаря чему этот диалект приобрел ведущее значение еще в период языка народности. Возможно также предположить, что в процессе междиалектного общения ведущий диалект принимает некоторые частные особенности других диалектов (см. приведенный выше пример аварского языка).

Если в ходе развития языка данной народности возникает письменность, а в дальнейшем развивается и самобытная литература народности, то основой письменного языка вообще и литературного, в частности, является в первую очередь ведущий, а не любой иной диалект. Ведущий диалект и представляет прежде всего для письменного языка ту живую среду народно-разговорной речи, из которой на разных этапах с разной интенсивностью литературный язык черпает выразительные средства для развивающегося многообразия своих стилей. Конечно, при отсутствии экономических и иных связей между частями территории данной народности, при

⁵ Здесь и в дальнейшем мы ссылаемся на вышеупомянутую работу Г. Д. Санжеева (см. сноску 4). Ссылки на страницы этой работы даем дальше в тексте в скобках.

недостаточной централизованности государства или отсутствии такового и потому при сильной разобщенности отдельных территорий, особенно, когда язык народности развивается в условиях национального гнета господствующей в данном государстве народности или нации, могут наметиться процессы разобщения отдельных диалектных групп и развитие в них новых диалектных различий. В подобных условиях могут появиться и диалектные варианты литературных языков или может проявляться неустойчивость диалектной базы (ср. например, отражение различных диалектных особенностей в творчестве отдельных литовских, белорусских и других писателей конца XIX — начала XX в.). Однако такие частные случаи развития не опровергают общего правила. На примере развития того же литературного литовского языка на более поздних этапах можно увидеть процесс его консолидации на основе среднелитовских говоров.

Вопрос об общенародном языке, том «едином и общем языке», который превагирует над местными говорами и подчиняет их себе, не может быть сведен к вопросу о письменном или литературном языке, хотя наличие последнего является свидетельством успешного развития общенародного языка народности. Сам письменный язык является средством фиксации общенародного языка, средством его более интенсивного распространения. Поскольку развитие письменности всегда связано с последующей фиксацией норм письменного языка, появление письменности означает и первые успехи по линии нормализации языка вообще, особенно если распространение письменности у данной народности не ограничивается узкими сферами употребления.

2

История различных языков, в частности, например, казахского и таджикского, показывает, что ведущая роль одних и тех же диалектов могла в отдельных языках сохраняться на протяжении всей их истории, в том числе и при переходе от языка народности к национальному языку; тем самым сохранялась одна и та же основа и письменного (литературного) языка. В истории других языков имела место смена ведущего диалекта, что могло произойти как на протяжении существования языка народности (например, в монгольском языке), так и при переходе к национальному языку (например, в русском языке).

Однако, прежде чем рассматривать специфические процессы, связанные с сохранением или заменой ведущего диалекта, следует остановиться на тех существенных отличиях, которые имеются в отношениях между общенародным языком и диалектами в пределах языка народности сравнительно с языком нации. Это рассмотрение необходимо вести, разграничивая письменную (литературную) и устную разновидности языка.

Так, письменная разновидность общенародного языка в эпоху народности (если она не является чуждой по происхождению), хотя и возникает на основе живой разговорной речи представителей ведущего диалекта, не получает на протяжении его существования (в связи с характерными для народностей экономическими и политическими условиями) широкого распространения и употребления, а в связи с этим и развития стилей. Таким образом, не устанавливается достаточно тесной связи в развитии письменной разновидности общенародного языка с тем ведущим диалектом, на базе которого он некогда сформировался. Поэтому на протяжении развития письменного и, в частности, литературного языка в донациональных условиях часто намечается постепенный отрыв литературного языка от своей народной основы, достигающий в определенных исторических условиях у разных народностей различной степени.

Об этом свидетельствуют, например, факты развития таджикского литературного языка донационального периода. В таджикской литературе преобладала поэзия, характеризовавшаяся большой традиционностью; при этом вся литература имела весьма ограниченное распространение в народной среде в связи с незначительным распространением грамотности. Эти причины, наряду с некоторыми другими, и создали в дореволюционный период значительный разрыв между письменным и устным языком. Подобный разрыв проявлялся и в лексике (наличие в литературном языке архаизмов, уже непонятных в народном языке, арабизмов), и в морфологии (отсутствие в литературном языке ряда глагольных форм — новообразований, свойственных устному языку), и в синтаксисе (отсутствие ряда оборотов живой разговорной речи).

Общенародный и а ц и о н а л ь н ы й язык в его письменной разновидности оказывается уже в ином положении по отношению к своей общенародной основе — живому устному разговорному языку определенных ведущих территорий — и становится в иное положение по отношению к местным диалектам. В конечном счете это иное положение общенародного национального языка определяется тем, что нация является категорией эпохи поднимающегося капитализма, когда в соответствующих странах ликвидируется территориальная разобщенность отдельных областей, между ними налаживаются регулярные экономические связи, развивается общий рынок, происходит втягивание деревни в капиталистические отношения, а тем самым укрепляется и общность языка.

Не случайно поэтому то, что именно в период становления наций ярко проявляются тенденции сближения литературного языка с народно-разговорной речью. Наиболее последовательно и плодотворно эта тенденция реализуется в творчестве выдающихся представителей национальной литературы. В результате всего этого литературный язык там, где он существует издавна, представляет сложное переплетение накопленного в предыдущий период существования литературы и усвоенного из питающей литературный язык живой народной речи.

Наряду с обогащением литературного языка за счет освоения богатств народно-разговорной речи, преимущественно за счет лексики, фразеологии и средств образного выражения, в период возникновения национального языка усиливается нормализация языка, прежде всего по линии установления его орфографических норм. Этим обеспечивается необходимая устойчивость литературного языка.

Качественное своеобразие общенародного языка нации ощущается и в его устной разновидности. В условиях развития национального языка эта разновидность приобретает значительное своеобразие, отличающее ее от диалектной основы национального языка. Развиваются различные стили устной речи, в которых получают свое отражение и многие стили письменного языка. Ср. такие разновидности устного общенародного языка, как ораторская, научная, деловая, разговорно-бытовая и др.

В условиях национального языка и устная общенародная разновидность все больше и больше подвергается нормализации, сначала в грамматическом, лексическом, а потом и в фонетическом отношении. Происходит и обогащение устного языка за счет письменного (об обратном влиянии и обогащении, как ведущем факторе, говорилось выше). Обогащение устной речи особенно заметно сказывается в лексическом и синтаксическом отношениях.

Нормализованная форма национального языка оказывает также, хотя и медленно реализующееся, но мощное влияние на местные разновидности языка — диалекты. В составе отдельных национальных языков может оказаться значительное количество различных диалектных групп. Это,

казалось бы, могло поколебать единство национального языка, но фактически в национальный период появляются небывалые прежде возможности постепенного достижения полного единства языка, т. е. перехода всех представителей данной нации в конечном счете к общенародной форме национального языка.

Расширение диалектного состава национального языка отмечает, например, Г. Д. Санжеев, указывающий, что в состав национального монгольского языка входят не только диалекты внутренних и внешних монголов, но и диалекты ойратов в Западной Монголии и дархатов Хубсугульского аймака (стр. 113). Г. Д. Санжеев указывает также, что тот постепенный процесс монголизации или халхаизации ойратов и дархатов, который начался еще раньше, до революции, значительно ускорился в эпоху национальной консолидации монголов. Это произошло потому, что общенародный национальный монгольский язык получил в это время ряд новых каналов распространения как в устной, так и в письменной разновидности.

Все сказанное о нормализованной форме национального языка относится как к тем случаям, когда развитие языка народности в национальный характеризовалось сохранением ведущего диалекта, так и к случаям его смены. В последнем случае следует лишь учесть некоторые дополнительные моменты и процессы в формировании общенародного национального языка. Эти процессы выражались прежде всего в языковом взаимодействии между ведущим диалектом языка народности и тем новым диалектом, который постепенно приобретал ведущую роль. Так, например, в истории русского языка ведущую роль в языке великорусской народности имел диалект ростово-суздальский, а основой русского национального языка стал курско-орловский. Роль южнорусского элемента постепенно нарастала еще в пределах языка народности. Мы не имеем пока полного представления о языковых процессах, характеризовавших развитие южновеликорусских элементов в языке великорусской народности. Предстоит углубленное изучение диалектных данных и памятников письменности по этому вопросу. Ясно лишь, что в подходе ко всем этим материалам необходимо соблюдение исторического принципа: мы не должны забывать, что не можем в своих рассуждениях исходить из современного состояния русских народных говоров.

Кроме того, нельзя забывать, что влияние южнорусских говоров осуществлялось как в языке народности, так и национальном языке прежде всего на центральных территориях нашего государства. Это влияние сказывалось в постепенном усилении южнорусских элементов в системе традиционного общенародного языка того времени, севернорусского по своему типу, причем, несомненно, должны были иметь место не только факты влияния со стороны представителей южнорусского наречия, имевшие решающее значение, но, поскольку преемственность между разными ступенями развития языка никогда не нарушается, и некоторые факты обратного воздействия. В процессе этого взаимодействия, где речь шла об установлении южнорусской основы при сохранении традиций общенародного языка как в его устной, так и в письменной разновидности, вырабатывался некий языковой сплав, по типу своему в устной разновидности близкий к современным среднерусским говорам, но и отличавшийся от них включением элементов письменного языка предшествующей эпохи.

При смене ведущего диалекта следует учитывать и те значительные различия, которые в языке народности могут складываться между устной и письменной разновидностями общенародного языка. Как говорилось выше, письменный язык оказывается весьма устойчивым по своим орфографическим нормам, которые могут сохраняться, в основном, и при суще-

ственных изменениях фонетической системы, как это имело место в развитии русского языка. Народно-разговорные элементы в языке национальной литературы относятся преимущественно к области лексики, фразеологии, разного рода средств образного выражения, широко используемых писателями периода расцвета национальной литературы. Орфографические же нормы не отражают, в основном, фонетических изменений, сложившихся в устной разновидности общенародного языка при переходе на южнорусскую основу. В связи с этим в русском языке наметились определенные закономерные отношения звуков и букв, указывающие на их несоответствие.

Указанная устойчивость орфографических норм не является безусловной. Так, например, в монгольском национальном языке, складывавшемся в эпоху народной революции, традиционность орфографических норм была удачно преодолена при переходе на новый алфавит на основе русской графики.

Национальные языки ряда наций в пределах России сформировались еще в период существования этих наций как буржуазных, на базе языков народностей предшествующей эпохи. Русский национальный язык, национальные языки грузин, армян, татар и некоторых других народов имели в своем составе общенародные языки в письменной и устной разновидности, которые превалировали над местными (территориальными) диалектами и вызывали к жизни определенные изменения диалектов, знаменующие сближение с общенародным языком.

Однако в условиях развития капитализма в России, когда различные области страны были в разной степени вовлечены в капиталистические отношения, при слабом вовлечении в эти отношения крестьянства, при резком количественном преобладании сельского населения и глубокой розни между деревней и городом, при слабом распространении культуры, просвещения, даже просто грамотности, тенденция всеобщего распространения общенародного языка осуществлялась слабо. Кроме того, этому распространению противодействовало и то, что в диалектах отдельных языков (например, армянского) в донациональный период развились весьма глубокие различия. Влияние устного общенародного языка имело место только при непосредственном соприкосновении сельского населения с городским, реально оно распространялось на население деревень, расположенных вокруг больших центров, на крестьян, занимавшихся отхожими промыслами.

Усиление народно-разговорной стихии в языке письменной литературы, наблюдавшееся в творчестве выдающихся писателей XIX в., когда буржуазные нации были на подъеме, сменяется затем, в связи с развитием упадочнических направлений в литературе, нарочитым стремлением ко всякого рода «изыскам» в языке; органическая связь с народно-разговорной основой сохраняется лишь у прогрессивных писателей, связавших свое творчество с делом рабочего класса; тем самым и в нормализации литературного языка ярко выявляются две тенденции, связанные с двумя культурами: демократической и социалистической, с одной стороны, и буржуазной — с другой⁶.

Особенно слабо распространяются нормы национального языка на территориях тех языков, носители которых испытывали гнет со стороны господствующих наций. Массы трудящихся угнетенных наций не получали возможностей овладения своей национальной культурой, в том числе письменной (литературной) разновидностью общенародного языка.

⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

Впервые при социализме распространение общенародного языка осуществляется беспрепятственно. Это объясняется успехами культурной революции, резким увеличением числа каналов, по которым идет распространение общенародного языка. Возрастает значение устной общенародной разновидности языка, звучащего теперь в школах, по радио, в звуковых кино, в общественных выступлениях, в широко демократических органах государственного управления. Поднимаются вопросы орфоэпической нормализации.

Язык советской литературы, литературы социалистического реализма, глубоко обновляется и обогащается за счет устной народной речи. Сама эта литература также становится достоянием масс.

3

В эпоху социализма формируются нации и национальные языки тех народов, которые при капитализме были лишены возможностей подобного развития. При социализме, независимо от того, имели ли те или иные народности, как, например, таджики или удмурты, еще не изжитый феодальный уклад жизни или преобладание патриархально-родовых отношений (как башкиры, тувинцы, алтайцы, хакасы), все они при поддержке Советского государства как свободного объединения равноправных наций получили возможность успешного национального развития. В связи с этим большинство народов формируется в социалистические нации, а их языки становятся национальными.

Огромное значение при формировании языков социалистических наций имеет тот уровень развития общенародного языка, который был достигнут соответствующими народами до Великой Октябрьской социалистической революции, наличие или отсутствие у них письменности вообще и письменности на родном языке, в частности.

Если народы, не проходившие ступени капиталистического развития, имели до революции свой письменный язык, то последний в процессе своего существования мог в ряде случаев отрываться от народной основы как в связи со слабым распространением грамотности, так и по обстоятельствам экономического и политического характера (разобщенность отдельных областей). Играло роль и то, что литература на языках угнетенных народов тормозилась в своем развитии, как это имело место, например, в царской России. Поэтому в период социализма при формировании социалистических наций письменные языки, не имевшие в своей истории того, в общем прогрессивного, периода развития, который был связан с формированием буржуазных наций, подвергаются существенной перестройке и обновлению.

Такова, например, глубокая перестройка старописьменного монгольского языка, на развитии которого отрицательно сказывалось наличие в прошлом таких сильных конкурентов, как тибетский и маньчжурский письменные языки, в ряде областей оттеснявших его на задний план. В новом письменном монгольском языке ликвидируются наиболее резко наметившиеся линии разрыва между устной и письменной речью. При этом новый письменный монгольский язык не отбрасывает достижений старого языка; его демократизация не представляет, с другой стороны, простого сведения до уровня халхаского диалекта, являющегося его основой; речь идет об отборе из последнего лучших и ставших общенародными за время предшествующего развития элементов.

Чувашский язык имел до Октябрьской революции письменность на основе говоров наречия «анатри»; после революции, когда центром Чувашской автономной республики становится город Чебоксары, сближение

письменного языка с народным происходит уже на основе наречия «виръял», на территории которого находится центр республики. Особенности ударения, фонетические отличия, целый ряд лексических явлений, относящихся как к основному словарному фонду, так и к словарному составу языка, постепенно проникают в письменный язык, не ломая его основ. В лексике интересны при этом синонимические отношения, устанавливающиеся между лексическими рядами, идущими из наречия «виръял», с одной стороны, и «анатри» — с другой.

При отсутствии письменности или наличии ее только на чуждом языке, как это имело место, например, в ряде языков Дагестана, где официальным языком в течение веков был арабский, поднимается вопрос о письменной фиксации этих языков. Выбор диалекта, который должен лечь в основу при создании письменного языка, в условиях развития социалистических наций стоит в центре общественного внимания и нередко решается в процессе широкого обсуждения. И все же плодотворным и целесообразным это решение может быть лишь в том случае, если в его основе лежит учет объективной, независимо от воли людей сложившейся закономерности развития диалектов данного языка, которая в свою очередь обусловлена историческими условиями развития данного народа.

Если у данного народа ко времени формирования его в социалистическую нацию уже выработалась в той или иной степени разговорная норма общенародного языка, представленная в наибольшей степени ведущим диалектом, но имеющая и ряд черт, развившихся в результате междиалектного употребления, то само собой разумеется, что именно на основе этого общенародного устного языка возникает письменность. Так было, например, при создании аварской письменности. Упомянутый выше «болмац» — устный междиалектный язык, сформировавшийся на основе северного диалекта аварского языка, ложится в основу создания письменности и, в частности, литературного языка. В этом и подобных случаях с самого начала возникновения литературного языка на широкой общенародной основе имеется определенное соответствие между устной и письменной разновидностями общенародного языка. В ходе последующего развития той и другой разновидности языка в эпоху социализма не может возникнуть разрыв между ними, наоборот, открываются небывало широкие возможности распространения общенародного языка в целом как в его письменной (литературной), так и в устной форме.

В тяжелых условиях развития некоторых угнетенных народностей в царской России в них не мог идти процесс концентрации диалектов, не могли оформиться ведущие диалекты, поскольку всякие тенденции культурного, а тем более политического сплочения той или иной народности последовательно подавлялись и пресекались. Это вело к разобщению отдельных групп в пределах одной народности, к развитию местных диалектных различий. Потеря связи между такими разобщенными, разнодиалектными группами одного и того же народа соответствовала задаче последующего уничтожения национальной самобытности.

После Октябрьской революции, когда у этих народов возникали письменность и литература, естественно, поднимался вопрос о выборе диалектной основы для них. Создаваемые письменность и литература ориентируются при этом обычно на диалект (или группу близких диалектов), занимающий центральное место в системе данного языка, ввиду того, что в нем представлено наибольшее количество черт, объединяющих его со всеми остальными диалектами данного языка. Необходимо также, чтобы в основу создания литературного языка был положен диалект наиболее передовых в экономическом, политическом и культурном отношениях территорий, обладающих перспективами дальнейшего развития.

Таким именно путем избиралась диалектная основа для создания таких литературных языков, как коми-зырянский — на основе присыктывкарского говора, коми-пермяцкий — на основе кудымкарско-иньвенского говора и башкирский — на основе куваканского и юрматинского говоров.

В основу бурят-монгольского литературного языка был положен так называемый хоринский диалект: по отношению к другим местным диалектам он имеет наименьшие отличия фонетического и лексического характера. На этом диалекте ко времени создания литературного языка общалось большинство населения восточной Бурятии. При установлении орфографии литературного языка были не приняты лишь некоторые частные звуковые особенности хоринского диалекта (например, палатальный звук *т* в совместном падеже) как нехарактерные для других диалектов. Установление литературного языка на основе хоринского диалекта оправдало себя исторически и создало основу для последующего успешного развития бурят-монгольского языка.

При условии необходимых объективных предпосылок, например, при многочисленности данного народа, при сплошном расселении его на определенной территории, вновь созданные языки быстро идут по пути развития и совершенствования. Развивается литература данного народа, разрабатываются не только письменные, но и устные общенародные нормы как лексического, грамматического, так и фонетического характера. С этим связано углубление процесса концентрации диалектов того или иного языка, переход носителей диалектной речи к общенародному языку.

Особое место при формировании литературных языков ранее бесписьменных народов, не имевших достаточно выделившегося ведущего диалекта, занимает вопрос о допущении в литературный язык, создаваемый на базе какого-нибудь отдельного диалекта, особенностей других диалектов данного языка. Само собой разумеется, что решение этого вопроса зависит от конкретных условий развития каждого отдельного языка и должно основываться на детальном изучении той роли, которую играют инодиалектные элементы в том или ином младописьменном языке, основанном на одном диалекте.

Ясно лишь, что в случаях этого рода речь идет не о бессистемном соединении языковых черт различных диалектов. Так, в коми-пермяцком литературном языке, в отличие от лежащего в его основе кудымкарско-иньвенского диалекта, является нормой произношение звука *л* в определенных позициях. Этим достигается сближение литературного языка с диалектами, широко употребляющими звук *л*. Положительно разрешился на протяжении существования коми языков вопрос о проникновении в литературный язык диалектной лексики, особенно когда за счет употребления последней оказывалось возможным обогатить литературный язык синонимическими средствами. Наоборот, существование морфологических дублетов (например, параллельное употребление форм *мунди* и *муниньд* «вы шли») в ряде случаев оказывается неоправданным, и наблюдается тенденция преимущественного употребления одной из параллельных форм (ср. современное широкое употребление формы *муниньд*).

По отношению к ряду языков ставится также вопрос о возможности формирования литературного языка на основе двух или нескольких диалектов. В связи с малой изученностью данного вопроса предстоит еще специальное рассмотрение каждого из подобных случаев образования литературных языков в тесной связи с конкретной историей их носителей. Особое место занимает здесь вопрос о возможности соединения двух резко отличающихся друг от друга диалектов. Подобное положение могло бы сложиться, видимо, только при последовательной смене роли этих диалектов в ходе исторического развития; в этом случае в литературном язы-

не могут, конечно, быть представлены черты, восходящие к разным диалектам.

По отношению к башкирскому литературному языку, основой которого являются два диалекта — куваканский и юрматинский, важно отметить, что эти два юго-восточных диалекта, вместе взятые, противопоставлены в пределах башкирского языка диалектам Северо-Запада, в прошлом подвергавшимся сильному влиянию со стороны татарского языка. В отличие от последних диалектов, куваканский и юрматинский имеют значительное единство основного словарного фонда и грамматического строя. Имеющиеся между ними различия преимущественно касаются словарного состава языка и его фонетики. Поэтому в данном случае речь идет не о механическом объединении диалектных групп при создании литературного языка, а об опоре на такую группу внутренне близких диалектов, которая в состоянии противостоять диалектам, испытавшим влияние со стороны другого языка, и втянуть последние в общее развитие башкирского языка как языка социалистической нации.

4

Сталинское указание на наличие у диалектов своего грамматического строя и основного словарного фонда следует понимать в том смысле, что различия между диалектами могут касаться всех сторон языка, в том числе грамматического строя и основного словарного фонда. Диалекты одного языка не могут иметь полностью отличающийся от других диалектов грамматический строй и основной словарный фонд, так как в этом случае они представляли бы собой разные языки и притом или не родственные друг другу, или находящиеся в более или менее далеком родстве. Диалекты являются ответвлениями общенародного языка. Отсюда следует, что, отличаясь друг от друга в одних звеньях своей структуры (фонетической системы, грамматического строя, словарного состава), они сходятся и оказываются тождественными в других.

При этом диалекты одних языков оказываются весьма близкими друг другу, т. е. мало отличаются по своему основному словарному фонду и грамматическому строю — этим решающим элементам структуры языка, являющимся основой языка. Общие элементы строя таких диалектов весьма значительно превосходят черты их различия. Диалектные различия, можно сказать, тонут в общих элементах строя таких языков. Диалекты же других языков оказываются дальше друг от друга ввиду наличия большего количества диалектных различий или ввиду того, что эти различия носят более глубокий характер, в частности, в большей степени затрагивают основной словарный фонд и грамматический строй. Однако и в последнем случае общие элементы структуры языка в целом обычно доминируют над чертами различия.

Различные отношения между диалектами того или иного языка, их большая или меньшая близость, характер их диалектных различий, отношение этих последних к общим элементам строя языка находят свое объяснение в истории соответствующих народов. Но каковы бы ни были отношения между диалектами одного языка, эти диалекты, не являясь самостоятельными языками, всегда сочетают в себе общие признаки данного языка с частными специфическими признаками каждого из диалектов, как одного из ответвлений этого языка. Отсюда следует, что диалектные различия должны изучаться не сами по себе, в отрыве от системы языка в целом, от ее общих элементов, а как элементы системы языка в целом.

Характер диалектных различий по отношению к разным структурным элементам языка, по более или менее широкому охвату ими языковых фактов в разных языках принимает весьма многообразные формы. Среди диа-

лектных различий, относящихся к фонетической системе, весьма существенны различия в составе фонем, т. е. звуков, представленных в так называемых сильных позициях. При этом типе диалектных различий в одном из диалектов имеется фонема, отсутствующая в другом и замещаемая в последнем обычно ближайшей по качеству фонемой. Например, в одних русских говорах различаются фонемы *ц* и *ч*, в других на их месте употребляется одна фонема, обычно *ц*, в одних русских говорах различаются губные ффрикативные глухие фонемы *ф* и *ф'*, в других они отсутствуют: им соответствует звук *х* или сочетание *хв* с твердым или мягким *в*; в одних русских говорах различаются три ступени подъема гласных: верхний — *и-ы, у*, средний — *е, о* и нижний — *а*, в других — четыре, так как в них имеются еще гласные верхне-среднего подъема — *ѐ*, в отличие от *о*, и *ѐ*, в отличие от *е* (некоторые говоры различают обе эти фонемы, другие одну из них, чаще *е*).

Не менее существенны различия в составе звуков, употребляющихся в так называемых слабых позициях. Например, в русском языке в одних говорах при оканье в первом предударном слоге после твердых согласных возможно употребление гласных *о* и *а*, а при аканье обоим этим гласным соответствует звук *а* (ср. при оканье *домá* — *далá*, в то время как при аканье *дамá* — *далá*). Другой пример: на конце слов в русском языке в одних говорах различаются твердые и мягкие губные согласные, в других на месте тех и других употребляются только твердые. Ср. в одних говорах *цеп'* и *цеп*, *кроф'* (или *кrow'*) и *кроф* (или *кrow*); в других говорах в звучании *цеп* и *кроф* (или *кrow*) совпадает каждая из пар приведенных слов. Эти и подобные диалектные различия, касающиеся непосредственно самих принципов построения фонетической системы, вне всякого сомнения следует считать весьма существенными.

Менее существенными для фонетической системы как таковой, но тем не менее весьма заметными для говорящих — носителей диалектов являются различия в качестве отдельных фонем, имеющих в тождественных, общих для всего языка словах или морфемах различное образование. Таковы: русское *з* взрывное и соответствующее ему γ ффрикативное (*гузь* — γ узь; *город* — γ ород; *гнать* — γ нать и т. д.), или различное твердое (велярное) или «среднее» образование немягкой фонемы *л* (*былá* — *былá*; *лук* — *лук* и т. д.), или различное образование долгих шипящих — глухой шипящей в виде *ш'ч'*, *ш'*, *ш'* и т. д. (*ш'ч'ука*, *щука*, *шука* и т. д.), звонкой — *ж'д'ж'*, *ж'*, *ж'* и т. д. (*дбж'д'ж'ук*, *дбж'ук*, *дбжжук* и т. д.). Меньшее значение подобных диалектных различий для фонетической системы обусловлено тем, что они не касаются соотношений фонем, их системы или касаются их в ограниченной степени. Так, например, различие между *з* взрывным и γ ффрикативным затрагивает и систему отношений между фонемами: если *з* на конце слова оглушается и чередуется с *к* (ср. *лú[з]а* — *лú[к]а*, но *лук* в обоих случаях), то парными по звонкости-глухости среди заднеязычных являются *з* — *к*, а внепарным — *х*; если же *з* имеет ффрикативное образование γ и на конце слова оглушается в *х* (ср. *слú[x]а* — *слу[γ]á*, но *слу[x]* — им. пад. ед. ч. сущ. *слух* и род. пад. мн. ч. сущ. *слуха*), то парными среди заднеязычных оказываются γ — *х*, а внепарным звуком — *к*. Роль подобных диалектных различий в фонетической системе определяется тем, что изменения, вносимые ими в соотношения фонем, касаются только трех заднеязычных фонем *з-γ*, *к* и *х*, не затрагивая остальные звенья фонетической системы.

Часто встречается во многих языках тип диалектного различия, заключающийся в том, что одно и то же слово (или морфема) имеет разный звуковой (точнее, фонематический) состав. Вот несколько типичных примеров из русского языка: [вy]сѓкий и [в'у]сѓкий, [вѓ]шня и [в'ш]шня,

комá[р] и *комá*[р']. Подобные различия в сущности не имеют отношения к фонетической системе, так как они касаются лишь данного слова, и то или иное произношение его ни в какой степени не отражается на фонетической системе: при наличии в говоре [вы]шня рядом, в нем же, существуют слова с сочетаниями [вы] и [в'и], например: [вы]л и [в'и]л; то же и при произношении [в'и]шня; при наличии в говоре *комá*[р'], так же как и *комá*[р], рядом существуют слова с мягким и твердым р на конце: *фона*[р'], *коса*[р'], *зве*[р'] и т. д., с одной стороны, и *дар*, *пар*, *сор*, *бор* и т. д. — с другой.

Подобные диалектные различия, если они имеют место в корне слова, относятся по существу к словарному составу (случаи типа [в'и]шня — [в'и]шня); если же они имеют место в конце основы (случаи типа *кома*[р] — *кома*[р']), то, также относясь к словарному составу, они одновременно могут относиться и к грамматическому строю, так как ими может определяться принадлежность слова к тому или иному грамматическому типу (в нашем примере — к твердой или мягкой разновидности склонения; ср. род.падеж мн. числа *комаров* и *комарей*). Такие же диалектные различия могут встречаться во флексии (ср. в русском языке *то*[γ]б и *то*[в]б; *сидя*[т] и *сидя*[т'] и т. д.) — тогда они целиком относятся к сфере грамматики.

Рассмотрим основные типы диалектных различий в области грамматического строя. Различия в некоторых языках касаются до известной степени самого состава грамматических категорий. Так, например, в некоторых говорах таджикского языка существуют глагольные формы, имеющие особое грамматическое значение, тогда как в других говорах они отсутствуют. Таковы особые формы настоящего и прошедшего определенного времени, образованные со вспомогательным глаголом *хорафтан* «лежать»; таковы особые полные формы перфекта типа *рафтастам* в том же таджикском языке.

В других языках (видимо, в большей их части) состав грамматических категорий является единым для всего языка, а частью в значительной мере оказывается единым даже для группы близкородственных языков. В этом случае различия касаются по преимуществу лишь разного звукового выражения одних и тех же общих для всего языка категорий.

Таковы, в основном, диалектные различия грамматического характера в русском языке. Все категории, определяющие морфологическую систему русского языка, являются общими и едиными для всего русского языка, в том числе для всех его местных говоров. Соотношение частей речи и их основные грамматические категории, так же, как, например, падеж, род, число имен, как лицо, время, наклонение глагола, являются общими для всего русского языка. Являются общими в значительной мере и основные типы склонения и спряжения. Диалектные различия русского языка в области морфологической системы касаются обычно не этих основных грамматических категорий и типов словоизменения, определяющих грамматический строй русского языка, а главным образом особенностей: внешнего звукового оформления этих категорий. Так, например, в любом русском говоре имеются одни и те же падежи, но они могут отличаться своим звуковым выражением: ср. *у сестры* и *у сестре*; *на стене* и *на стены*; *с хорошими людьми* (*людьми*), *с хорошим людям*, *с хорошима людьми* и т. д. Или: в любом русском говоре имеются одни и те же личные формы и два спряжения (ср. *кричим* — *несем*), но внешнее звуковое оформление этих форм по говорам может отличаться: ср. *печет*, *печёт*, *печеть*, *печётъ*, *пекеть*, *пекётъ*, *пекот*, *пече*, *печё*, *пекё*, *пекё* и т. д.

Одни и те же типы склонения (с небольшими различиями) существуют во всех русских говорах, но в отдельных случаях те или иные слова в раз-

личных говорах могут входить в разные типы. Например, слово *зверь* в одних говорах относится к мужскому роду (род. падеж *зверя*, дат. падеж *зверю*), в других — к женскому (род. и дат. падежи *звери*; ср. *какая зверь*); то же можно сказать о словах *путь* (*какой путь* и *какая путь*), *мышь* и некоторых других.

Лишь в исключительных случаях диалектные различия русского языка касаются в какой-то мере самого существа грамматических категорий. Таковы, например, многократные бесприставочные глагольные образования типа *бегивал*, *купливал*, *давывал*, *бывывал*, характерные для части северных говоров и отражающие старые отношения в системе глагола, имевшие место до оформления категории вида в его современном состоянии. Таковы словосочетания типа *худая ведро* или форма вин. падежа *мясу* (*купил мясу*), свидетельствующие о процессе утраты среднего рода во многих южных говорах — о процессе, который, впрочем, не осуществляется полностью ни в одном говоре и уже не осуществляется, так как он задержан мощным воздействием нормализованной формы национального языка. Однако такого рода диалектных различий в русском языке мало, и не они определяют различия в грамматическом строе русского языка по говорам.

Таким образом, морфологическая система русского языка в целом, включая все его местные говоры, обладает значительным единством, а диалектные различия в ней касаются главным образом внешнего оформления одних и тех же, общих для русского языка, категорий. Значительным единством характеризуется также синтаксическая система русского языка: и здесь существенные различия, представленные по диалектам, занимают весьма скромное место по сравнению с теми ее элементами, которые являются общими для русского языка в целом.

Диалектные различия в области фонетической системы и грамматического строя, как правило, являются противопоставленными. Это значит, что одно и то же явление в разных говорах оформляется по-разному. Ср., например, в русском языке: *водá* и *вадá*; *гость* и *гость*; *у сестры* и *у сестре*; *он идёт* и *он идёть* и т. д.

Диалектные различия в области словарного состава также могут быть и обычно бывают противопоставленными (ср., например, разные названия одного предмета: *белка* — *векша*; *волк* — *бирюк*). Однако среди лексических диалектных различий отчетливо выделяются и такие, в которых противопоставление отсутствует. Они относятся главным образом к явлениям лексико-этнографическим: это обычно слова, обозначающие характерные в этнографическом отношении предметы, представленные на одной территории и отсутствующие на другой. Такие диалектные различия могут быть вызваны не только различиями в материальной культуре, но и особенностями природных условий разных местностей, а также различиями в исторически сложившихся понятиях.

Из общеизвестных диалектных различий такого типа применительно к русскому языку можно указать такие, как *кринка* — *махотка*; *понева* — *сарфан*; *халат* — *зипун* и т. д. Эти пары слов представляют собой не разные названия одного и того же предмета, а каждое из слов пары обозначает разные предметы, лишь в какой-то мере функционально приближающиеся друг к другу. Взятые в парах, они указывают не на языковые различия, а на различия в области материальной культуры. Следовательно, они заключают в себе не языковое противопоставление, а противопоставление этнографическое, противопоставление самих реалий.

К непротивопоставленным диалектным различиям, связанным с местными природными условиями, в русском языке, например, относятся такие: *кедровник* «кедровый лес», *сполохи* «северное сияние» и т. д. Есте-

ственно, что в местностях, где отсутствуют кедровые леса, где практически неизвестно северное сияние, отсутствуют и соответствующие слова.

Лексические диалектные различия обычно в разной степени бывают представлены в основном словарном фонде и словарном составе. В целом можно сказать, что основной словарный фонд языка является более единым во всех диалектах по сравнению со словами, не входящими в него. Это объясняется устойчивостью основного словарного фонда, его медленной изменчивостью. Диалектные различия в области основного словарного фонда неодинаковы в разных языках. В некоторых языках они довольно широко его затрагивают. В других языках, напротив, диалектных различий, относящихся к основному словарному фонду, очень немного. Таков, например, русский язык, в котором подавляющая часть основного словарного фонда является общей для всех его говоров. Однако и в русском языке имеются по диалектам различия, относящиеся к основному словарному фонду. Возможно, что в прошлом, когда еще действовал процесс обособления диалектов, таких диалектных различий было больше, чем в последующее время, когда диалекты стали терять свою самобытность и вливаться в национальный язык, так как в связи с этим процессом могла утрагиваться часть ранее имевшихся различий в словаре.

С известным основанием к числу диалектных различий, относящихся к основному словарному фонду, можно отнести такие, как *орать — пахать; боронить — волочить — скородить; навоз — назем — гной — сор; петь — кочет; овца обьягилась — окотилась; волосы — виски* и др. Характерно, что такого рода диалектные различия имеются и в лексике непредметной; ср., например: *говорить — баять — гуторить; сигать — прыгать; песни петь — играть; брезговать — гребовать; очень — дуже (дуже) — шибко — гораздо — добре — порато; много — людно — богато — дивно* (например, *много дров, людно дров, богато дров, дивно дров*); *здесь — тут; второй — другой* и др.

В значительной своей части лексические диалектные различия охватывают такие слова, которые не свойственны нормам национального языка, а если и свойственны, то в масштабе данного языка в целом относятся к словарному составу, а не к основному словарному фонду. Эти слова опять-таки обычно обозначают предметы и понятия, характерные для данной местности в связи с особенностями ее экономики, материальной культуры и быта и отсутствующие на других территориях, ввиду того, что их нет в реальной действительности, в связи с чем на этих территориях отсутствуют и соответствующие слова. Во многих случаях подобные диалектные слова обозначают жизненно необходимые и общенародные в пределах данной местности понятия, органически связанные с экономикой, культурой и бытом данной местности, хотя бы и в прошлом; поэтому они могут входить в основной словарный фонд соответствующего диалекта.

По своему характеру противопоставленные лексические диалектные различия могут быть весьма многообразны. Среди них следует различать собственно лексические или словарные диалектные различия, т. е. разные названия одних и тех же предметов и понятий (примеры см. выше), диалектные различия семантические, т. е. разные значения одного и того же слова или, во всяком случае, одного и того же звукового комплекса. Слово *пахать* в большинстве русских говоров означает обработку земли, но в некоторых имеет значение «подметать пол». Кроме этих основных типов лексических диалектных различий, к последним относятся также различия в фонематическом составе отдельных слов, точнее — корневых морфем (примеры см. выше: *вишня — вышня; комар — кумарь*), а также различия в месте ударения (например, *тúча и тучá* в русском языке), в той мере, в какой они не определяются в том или ином языке фонетической системой или

грамматическим строем. В отличие от собственно лексических (иначе, словарных) и семантических диалектных различий, представляющих собой разные слова или разные значения, диалектные различия в фонематическом составе и месте ударения представляют собою одни и те же слова, в одном и том же значении, т. е. касаются только внешнего оформления слов.

Такова общая типология диалектных различий, которая в пределах каждого языка приобретает определенное качественное своеобразие, связанное со своеобразием истории носителей данного языка, в частности, с тем, насколько значительными были периоды относительно обособленного существования носителей тех или иных диалектов. История народа объясняет, почему диалекты одних языков отличаются друг от друга весьма значительно, причем различия касаются всех сторон языка, в том числе более или менее глубоко затрагивают грамматический строй и основной словарный фонд, а диалекты других языков, напротив, характеризуются значительной близостью друг к другу, единством грамматического строя и основного словарного фонда, и различия в них оказываются минимальными.

Едва ли не наиболее существенными и заметными в большинстве языков оказываются диалектные различия в области фонетической системы; весьма многообразны также во многих языках различия в звуковом выражении одних и тех же единых грамматических категорий и различия в словарном составе (выходящем за пределы основного словарного фонда). Однако в некоторых языках они касаются, хотя и в разной степени, основного словарного фонда (см. выше).

5

Диалектные различия в любом языке являются категорией подвижной и исторически неоднородной, поскольку интенсивность их развития зависит от условий исторического характера, а самое существование не является постоянным. Уже в языке народности, в зависимости от той или иной степени сплоченности носителей отдельных диалектов, наблюдается известный поворот в развитии диалектных групп, создаются условия для более широкого распространения возникающих новообразований в пределах языка народности в целом, хотя частные диалектные различия, в особенности на периферии языковой территории данной народности, могут еще образовываться.

Формирование наций, особенно в тех случаях, когда оно сопровождается созданием централизованных государств, интенсивным развитием экономических связей в пределах распространения данного языка, развитием национальной культуры и, в частности, развитием литературы, определяет собою то, что диалектные различия уже, как правило, не образуются, а на более поздних этапах развития национального языка начинается процесс перемалывания диалектов, выражающийся в том, что носители диалектов постепенно переходят к общенародному языку нации, в связи с чем самое развитие языкового строя диалектов идет в этот период под определяющим воздействием общенародного языка.

Особенно эффективно и последовательно воздействие общенародного языка, а тем самым и перемалывание диалектов осуществляется в советскую эпоху, поскольку в нашей стране создаются условия для широкого распространения общенародного нормализованного языка каждой социалистической нации, хотя само перемалывание принимает весьма различные формы в зависимости от состояния диалектов в предшествующую эпоху и от характера диалектных различий данного языка.

Однако исследователи диалектов различных языков обычно отмечают, что, по мере усиления влияния общенародного языка, из него в диалекты в первую очередь проникает все большее и большее количество слов, занимающих различное положение в лексической системе диалектов. Проникают слова, замещающие соответствующее диалектное слово с тем же значением, но состоящие из иных морфем (ср. замену русского диалектного *гребовать* литературным *брезговать*, диалектного *баять* или *гуторить* литературным *разговаривать* и т. п.). Наряду с этим в говоры проникают слова, обозначающие новые предметы и понятия, возникшие в ходе исторического развития общества (*трактор, комбайн, резолюция, комиссия* и т. д.). Наконец, происходит проникновение из литературного языка слов, имеющих и в данном диалекте, как и во всех диалектах того или иного языка, но впервые проникающих в него в литературном звучании (ср. проникновение в цокающие говоры русского языка общенародных слов с аффрикатой *ч*: *читать* вместо *цитать*; *чай* вместо *цый* и т. п.). Во всех упомянутых случаях в говорах может с различной полнотой и последовательностью осуществляться освоение нового в том или ином отношении слова.

При усвоении нового слова на него в разной степени распространяются фонетические и морфологические особенности диалекта (овладевая звуком *ч*, представители диалекта могут сохранять диалектное оформление инфинитива — *читати*; усваивая слово *комиссия*, они могут произносить его по «нормам» *оканья* и т. д.). Немалое значение имеет усвоение из литературного языка устойчивых сочетаний слов, благодаря чему в диалекты проникают формы слов, свойственные литературному языку (ср. название «дом культуры» в говорах, где употребляют формы *для корови, от погоди* и т. п.).

Характерно, что в советскую эпоху усвоение в говорах слов и их устойчивых сочетаний из общенародного языка все чаще происходит полностью по нормам последнего. Причина заключается в том, что это усвоение обеспечивается одновременно целым рядом факторов (школа, радио, печать, кино и т. п.). Во всяком случае, является очевидным, что накопление предпосылок для устранения той или иной фонетической или морфологической диалектной закономерности происходит прежде всего через лексику. В некоторых говорах приходится поэтому порою отмечать сохранение ранее широко распространенной диалектной черты только в ограниченной сфере лексики, обычно связанной лишь с особенностями местного хозяйственного обихода, в некотором ограниченном круге морфем и т. п.

*

Для решения поставленных выше вопросов, а также для изучения развития самого строя того или иного языка по его внутренним законам в настоящее время чрезвычайно важно развернуть систематическое изучение диалектов языков народов СССР. По отношению к языкам с наиболее слабо разработанной диалектологией первоочередной задачей является монографическое изучение отдельных, наиболее типичных говоров на территории основных диалектных массивов данного языка. Надежным материалом для подобных монографических описаний может послужить достаточное количество записей живой разговорной непринужденной речи представителей того или иного диалекта. Построение монографического описания диалекта должно преследовать цель всестороннего охвата языкового строя, его фонетики, грамматики, лексики с учетом неразрывных связей, существующих между различными сторонами языка. Лишь при наличии достаточного количества монографических описаний и словарей диалектной лек-

сики, а тем самым при наличии сведений о состоянии языкового строя основных диалектов окажется возможной разработка диалектологических программ для более широкого собирания сведений о говорах с целью последующего картографирования диалектных данных, т. е. с целью составления атласов народных говоров того или иного языка.

Советские атласы народных говоров, опыт подготовки которых для русского языка имеется в Институте языкознания Академии наук СССР, а для белорусского и украинского — в соответствующих языковедческих институтах Белоруссии и Украины, по характеру тех материалов, на основе которых они строятся, принципиально не отличаются от описаний монографического типа. Для атласов также собираются записи устной разговорной речи, затем обрабатываемые по программе. Лингвистические карты составляются прежде всего на фонетические и грамматические явления, взятые в целом; на картах учитываются связи между разными сторонами языка; карты отдельных слов в фонетике и морфологии составляются в тех случаях, когда соответствующие фонетические, морфологические явления оказываются лексикализованными.

Изучение диалектов методами лингвистической географии целесообразно лишь для языков, диалекты которых имеют достаточно определенное территориальное распространение. Пользование такими методами невозможно поэтому при исследовании диалектов тех народов, которые ведут кочевой образ жизни. Только при наличии устойчивого территориального распределения диалектов можно составить план обследования населенных пунктов по определенной сетке, т. е. на равном расстоянии друг от друга. Подобное равномерное размещение обследуемых населенных пунктов необходимо для составления карт, для того чтобы изоглоссы языковых явлений на этих картах оказались ценными для их последующей интерпретации. При отсутствии определенной компактной территории у носителей данного языка наиболее целесообразным оказывается накопление диалектных данных при помощи дальнейшего развертывания монографического изучения говоров.

В настоящее время пределы географического распространения отдельных диалектных явлений и характер соотношений между ними для большей части языков Советского Союза еще не изучены. Недостаточная работа проведена и в области монографического изучения говоров ряда языков. Между тем, как показывает опыт составленных атласов русского языка, эта работа имеет огромное, если не решающее, значение для разработки истории любого языка, определения внутренних законов его развития.

Изучение диалектов методами лингвистической географии особенно важно для установления связи истории языка и истории народа. Составление атласов народных говоров является поэтому неотложной задачей советской диалектологии. При осуществлении этой задачи должны быть учтены уже имевшийся опыт составления атласов народных говоров русского языка и выработавшиеся в процессе этой работы принципы советской лингвистической географии.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. ЛЫТКИН

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

1

Вульгаризаторы марксизма из школы Н. Я. Марра, считавшие сравнительно-исторический метод антиисторическим, делали упор на стадийный анализ явлений языка и строили историю языка не на фактическом материале, а на гадании, опираясь на голословные утверждения и «этимологии» Марра, добытые пресловутым четырехэлементным анализом. Поэтому в годы аракчеевского режима подлинно исторической разработки пермских языков не было.

Классики марксизма-ленинизма в своих высказываниях о языке не только дают методологические установки, но и отмечают важность изучения истории языка и указывают источник и приемы исторического исследования фактов языка. На важность исторического изучения языка и на источники исторической грамматики указывал еще Энгельс: «...„материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹.

В свете высказываний классиков марксизма-ленинизма задачей истории пермских языков является изучение исторических изменений этих языков, развития их фонетической системы, грамматического строя и лексического состава в связи с историей общества и развитием языков «... от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»².

Игнорирование сравнительно-исторического языкознания исследователями марровского толка привело, например, к тому, что этногенез (происхождение народа) удмуртов и коми рассматривался изолированно, вне всякой связи с этногенезом народов, говорящих на родственных языках, даже на самых ближайших. Увлекаясь марровской теорией автохтонности (исконно местного происхождения) народов, теорией самостоятельного возникновения (обусловленного), по Марру, наличием одинаковой структуры общества) разных родственных языков или даже диалектов одного языка на разных территориях, марристы голословно отрицали всякие доисторические передвижения предков удмуртов и коми и всякие доисторические языковые заимствования.

Между тем разграничение заимствований от исконных слов, восходящих к языку-основе, возможно только при применении сравнительно-исторического метода. При таком разграничении ориентируются не на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 12.

случайное созвучие, а на звуковые закономерности и значение слов, которые бытуют и бытовали в данном языке (или языковой семье) и в соседних языках (или языковых семьях). Кроме того, при установлении факта заимствования берется в расчет та историческая обстановка, в которой находился данный народ.

Заемствованные слова обычно имеют иную звуковую характеристику, чем исконные слова, они представляют отклонение от звуковых соответствий, фигурирующих в словах родственных языков. В обско-угорских языках, например, финно-угорские фрикативные *с* (*з*), *ш* не сохранились, а перешли в *т* (*т'*, *л*, *й*, *Δ*), например:³

коми	морд.	мар.	фин.	манс.	хант.	русск.
<i>сён</i>	<i>сан</i>	<i>шён, шун</i>	<i>suone-</i>	<i>таан</i>	<i>тон, йан</i>	<i>эсила (вена)</i>
<i>сён</i>	<i>сэпэ</i>	—	<i>sappe-</i>	<i>таан</i>	—	<i>желчь</i>
<i>шыр</i>	<i>шэйэр</i>	—	<i>hiire-</i>	<i>таагэр</i>	<i>тэгэр</i>	<i>мышь</i>
<i>поз</i>	<i>пиэа</i>	<i>пэсаиш</i>	<i>pesä</i>	<i>пити, пэт</i>	<i>пит, под</i>	<i>гнездо</i>
<i>коз</i>	<i>куэ</i>	<i>кож</i>	<i>kuuse-</i>	<i>ковт</i>	<i>хут, хут'</i>	<i>ель³</i>
					<i>ход</i>	

Однако в этих языках имеются слова со звуками *с*, *ш*, соответствующие (не только в отношении этих спирантов, но и в отношении других звуков и значения) словам языка коми. Таковыми являются, например, следующие: хант. *мартас*, манс. *мортэс* «мера» (к. *муртос* «мера», *муртавын* «мерять»); хант. *шайот* «прут, рубль» (к. *шайт*, *шать*); хант. *сут* «точильный брусок» (к. *зуд*; в хантыйском языке звонких согласных нет); хант. *пуш* «решето» (к. *лож*, к.-язьв. *пуж*); хант. *туш* «борода» (к. *тош*, к.-язьв. *туш*); хант. и манс. *мис* «корова» (к. *мös*, к.-язьв. *мös* с переднерядным огубленным *ö*); хант. *пэзан*, манс. *пасэн* «стол» (к. *пызан*, к.-язьв. *пэзан* с безударным *ө*, представляющим собою более узкое и несколько отодвинутое назад *a*); хант. *истэк* «спички» (к. *истöг*, *изтöг*); хант. *ширт* «нитка, пряжа» (к. *шöрт*); хант. *йэрнас* «рубашка» (к.-перм. *йэрнös*) и т. д.

Этих слов хантыйского и мансийского языков нет в близкородственном им языке — венгерском. С другой стороны, указанным словам коми языка имеются соответствия в других родственных языках: удмуртском, марийском, мордовском и т. д. В таких случаях мы имеем основание считать указанные слова не исконными хантыйскими и мансийскими словами, унаследованными из языка-основы, а заимствованиями из другого языка (в данном случае из языка коми, поскольку эти слова коми языка фонетически и по значению полностью соответствуют словам обско-угорских языков).

Исследовательские приемы сравнительно-исторического языкознания, в отличие от марровского палеонтологического метода, имеют под собой твердую научную почву. Сравнительно-историческое языкознание отрицает связь между характером звучания и характером значения слова или

³ В настоящей статье приняты следующие сокращения: и.-е. — индоевропейский, ф.-у. — финно-угорский, авест. — авестийский, афган. — афганский, башк. — башкирский, венг. — венгерский, вепс. — вепсский, др.-инд. — древнеиндийский, др.-перм. — древнепермский, казан.-татар. — казанско-татарский, кар. — карельский, к.-коми, к.-з. — коми-зырянский, к.-перм. — коми-пермяцкий, к.-язьв. — коми-язьвинский, курд. — курдский, лапл. — лапландский, лив. — ливский, манс. — мансийский, мар. — марийский, морд. — мордовский, мундж. — мунджаковский, ненец. — ненецкий, осет. — осетинский, перс. — персидский, пехл. — пехлевийский, саам. — саамский, санскр. — санскрит, тадж. — таджикский, удм. — удмуртский, фин. — финский, хант. — хантыйский, эрзя-морд. — эрзя-мордовский, эст. — эстонский; коми диалекты: вым. — вымский, в.-вым. — верхневымский, выч. — вычегодский, н.-выч. — нижневыходский, ижем. — ижемский, кобр. — кобринский, луз. — лузский, л.-л. — лузско-летьский, печ. — печорский, сыкт. — сыктывкарский, сыс. — сысольский, удор. — удорский.

морфемы. Поэтому, когда мы в разных языках находим одинаковые или созвучные слова с одним или близкими значениями, то мы вправе предположить существование единого источника для таких слов (например, к мун- «идти», удм. *мын-*, фин. *теп-*, саам. *манна-*, хант. и манс. *мон-*, венг. *теп-* и т. д.). При этом заимствованные языковые элементы необходимо отделять от исконных слов: нельзя, например, сравнивая к. *кудель* (из соврем. русск. *куделя*) с фин. *куонтэли* (из др.-русск. * *кондель*), говорить о том, что эти слова восходят к финно-угорскому языку-основе.

Не считая язык надстройкой, а следовательно, отрицая самозарождение одинаковых слов на разных территориях, от Дуная и Прибалтики до Волги и Оби, мы должны искать этот единый источник где-то на более узкой территории. Таким образом, мы должны признать доисторические передвижения народов, говорящих на финно-угорских языках.

Ф. Энгельс, сам применявший сравнительно-исторический метод в своих лингвистических исследованиях и некогда лелеявший «...смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков...» (он отказался от нее лишь «...после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич»), дает весьма высокую оценку индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию⁴.

2

Сравнительно-исторический метод к финно-угорскому материалу был применен довольно рано. Еще в конце XVIII в. вышли труды венгерских ученых, в которых подвергался сравнению не только лексический, но и грамматический материал финно-угорских языков⁵. По словам акад. М. Жираи, иностранные историки лингвистики называют венгерского ученого С. Дьярмати «отцом современной сравнительной лингвистики»⁶.

Однако более обстоятельно историко-сравнительное изучение этой языковой семьи произведено было значительно позже: сравнительный словарь финно-угорских языков венгерского ученого Буденца, которого считают основателем финно-угорского сравнительного языкознания, вышел только в 1873—1881 гг., а его сравнительная морфология — в 1884—1894 гг.

За последние 70—80 лет нашими отечественными (Андерсон, Веске, Сетэле, Бубрих и т. д.) и венгерскими учеными (Синней, Гомбоц, Мелих и т. д.) немало сделано по сравнительному изучению финно-угорских языков. Мы имеем в этом отношении определенные достижения. Автор настоящей статьи ставит своей задачей познакомить читателей с некоторыми из этих достижений в области исторической лексикологии.

Памятуя о том, что развитие словарного состава особенно тесно связано с жизнью общества, мы обращаем особое внимание на выяснение той исторической и географической обстановки, в которой находились отдаленные предки коми и удмуртов, на первоначальную родину их, на соседние народы и т. п. Сравнительным языкознанием установлено, что финно-угорские языки (удмуртский, коми, марийский, мордовский, эстонский, венгерский, хантыйский и т. д.), составляющие одну группу (семью), происходят из единого общего источника — финно-угорского языка-основы

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 245. См. также Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 304.

⁵ См. J. Sajnovics, Demonstratio, Hafniae (Копенгаген), 1770; S. Gyarmathi, Affinitas Linguae Hungaricae cum Lingvis Fennicae Originis grammaticae demonstrata, Göttingen, 1799.

⁶ M. Zsirai, Sámuel Gyarmathi, Hungarian pioneer of comparative linguistics, «Acta Linguistica», Budapest, 1951, t. I, f. 1, стр. 5—17.

Родственные отношения между современными, далеко отошедшими друг от друга финно-угорскими языками приблизительно такие же, какие и между языками индоевропейской семьи; так, например, между финским и удмуртским языками сходных черт столько же, сколько между русским и немецким, а между языками внутри пермской ветви — как между славянскими языками. Установлено также, что финно-угорские языки находятся в родстве с самодийскими языками, вместе с которыми составляют уральскую языковую семью⁷.

Данные финно-угорского сравнительного языкознания, а также данные археологии и этнографии позволяют предположительно судить о времени и месте существования того этноса (народа), которому, повидимому, принадлежал язык-основа. Данные археологов (например, проф. А. Я. Брюсова) говорят о том, что в IV—V тысячелетиях до н. э. происходит освоение севера Европейской части СССР с востока, путем расселения обитателей Среднего Урала, а «в 3—2 тысячелетиях до н. э. наблюдается новая волна расселения по северу Европейской части СССР, исходящая в основном из Волго-Окского междуречья»⁸.

«Преемственность, наблюдаемая в типах вещей, между некоторыми неолитическими северными культурами и более поздними культурами, несомненно принадлежавшими финским племенам, и прослеживаемая археологическая общность происхождения большинства северных неолитических культур с ямочно-зубчатой керамикой (на Европейской части СССР) позволяют видеть в племенах, заселивших в древности Европейскую часть СССР, далеких предков позднейших финских племен»⁹.

Очень сложным является вопрос о месте бытования народа, говорившего на уральском языке-основе и, позднее, на финно-угорском языке-основе. Как будто в настоящее время между лингвистами, археологами и этнографами нет существенных разногласий в том, что первоначальная родина уральцев и угро-финнов была где-то в Восточной Европе, в лесной полосе, поблизости от индоевропейских (в частности, иранских) народов, что языковое единство угро-финнов еще имело место приблизительно 2500 лет до н. э., а уральское языковое единство было около 4000 лет до н. э. Однако археологи до сих пор не могут дать удовлетворительного ответа на вопрос, какая культура принадлежала народам, говорившим на уральском и финно-угорском языках-основах.

Среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно более точного определения территории первоначального местожительства как народа, являвшегося носителем уральского языка-основы, так и народа, говорившего на финно-угорском языке-основе. Тем не менее тот общий словарный слой уральских языков, который выявлен сравнительно-историческим методом, говорит о северном происхождении уральцев, или, вернее, того народа, который говорил на уральском языке-основе. В последнее время ученый демократической Венгрии И. Н. Шебештьен в работе «К вопросу о древней области распространения уральских народов»¹⁰ подвергла серьезному исследованию древние названия рыб, животных и деревьев,

⁷ После появления капитальной работы Г. Паасонена (H. Paasonen, Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte, журн. «Keleti szemle», Budapest, тт. XIII—XVII, 1912—1917), в которой путем сопоставлений сотен слов устанавливаются вполне закономерные звуковые соответствия, вопрос родства финно-угорских языков с самодийскими не является дискуссионным.

⁸ См. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 23.

⁹ Там же.

¹⁰ См. I. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, «Acta Linguistica», Budapest, 1952, t. I, f. 2—4, стр. 273—346.

встречающиеся в уральских языках, и пришла к весьма интересному выводу относительно первоначальной родины уральцев. Позволю себе привести цитату из названного труда. «А что касается приблизительных границ древнейшего местожительства уральских народов, то на основании названий порки и благородного лосося можно утверждать, что эта территория на востоке не могла перешагнуть за линию Урала... Северная граница уральской прародины не превысила северной широты границы произрастания типично северных лиственных пород в Северо-Восточной Европе. Таким образом, она в северном направлении лежала в верховьях и среднем течении р. Печоры, равно как и по берегам р. Ижмы. Что прауральская родина имела протяжение до берегов океана или моря, об этом не имеется никаких биогеографических сведений, но можно предполагать, что прауральские народности имели уже некоторые представления о существовании океана или моря. Уральская прародина на западе обнимала по меньшей мере область, лежащую в верховьях и около среднего течения р. Вычегды. Обнимала ли она всю территорию речной системы р. Вычегды, или низовья р. Сухоны, или же окрестности вдоль рр. Юга и Лузы — это за неимением биогеографических данных неизвестно. Можно установить только то, что западную границу прародины надо искать внутри западного предела распространения пихты. На юге прародины принадлежали территории, находящиеся около верховьев р. Камы и ее притоков, изобилующих рыбами рода *Acipenser* (осетр, стерлядь).

Обращает на себя внимание то, что уральский праязык содержал слова, которые не принадлежали к исконному фонду уральской лексики. Они заимствованы из турецких языков, и это свидетельствует о том, что уральские племена когда-то имели тесные сношения с турецкими народностями. Эти сношения имели место, вероятно, еще в доуральскую эпоху. Помимо этого, в уральском праязыке имелись также и заимствования из индоевропейского праязыка. Они старше единиц словарного фонда угро-финского праязыка, как это было подчеркнуто еще Паасоненом. Из этого можно заключить, что древнейшее местожительство уральских народов было смежно с прародиной индоевропейцев и в эпоху уральского праязыка общность языка среди индоевропейских племен еще существовала»¹¹.

Что касается вопроса о первоначальной родине носителей финно-угорского языка-основы, то, по мнению Э. Н. Сетэле, ее «...надо искать в области среднего течения р. Волги. Эту область, в частности район между излучиной Волги и р. Камой, равно как и районы, примыкающие к северной стороне названной излучины и восточным берегам р. Камы, было бы желательно обследовать с археологической точки зрения, имея в виду упомянутое предположение»¹². Венгерский академик М. Жираи высказал мнение о том, что «древнейшее местожительство предков угро-финнов нужно искать в холмистой области, лежащей между излучиной Волги и Уральским хребтом»¹³. Синнеи также более правдоподобным считает мнение о существовании первоначальной родины угро-финнов в области среднего течения Волги¹⁴.

Совсем недавно венгерский ученый Петер Хайду высказал мнение о том, что данные биогеографии животных и растений позволяют считать древнейшим местом сосредоточения финно-угорских родов среднее течение Волги и Камы, хотя, как он указывает, на севере угро-финны, возможно, до-

¹¹ I. Sebestyén, указ. соч., стр. 344—345.

¹² См. там же, стр. 343.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. J. Szinyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin — Leipzig, 1922, стр. 17.

ходили до истоков р. Печоры, на юге — до устья р. Белой, а на западе — вплоть до р. Оки. Петер Хайду считает также возможным, что область, занимаемая финно-угорскими родами, охватывала и восточные склоны Урала и даже часть Западной Сибири¹⁵.

И. Шебештьен, занимавшаяся всесторонним изучением этой проблемы, пришла к несколько иному выводу: по ее мнению, первоначальную родину угро-финнов надо искать на территориях, расположенных значительно севернее, чем предполагали до сих пор. «Является весьма вероятным, — пишет И. Шебештьен, — что прародина угро-финнов отчасти совпадала с древнейшим местожительством прауральских народностей; она обнимала области, находящиеся около низовья и среднего течения р. Вычегды, включая и окрестности р. Сысолы... она распространилась и на верхнее и среднее течение р. Вятки, равно как и на районы, лежащие на берегах притоков названных участков рек. ... На юге Чепца, а на юго-востоке Чусовая были наиболее значительными реками, на берегах которых проживали угро-финские племена в конце эпохи угро-финского общежития.

На юге или юго-западе от угро-финской прародины проживали праарийские племена, от которых угро-финны научились свино- и пчеловодству. Финское название поросенка *porsas*, равно как и соответствующие ему слова в языках мордовском, удмуртском, коми и манси, обозначающие „свинью“ или „поросенка“, являются заимствованными из арийского праязыка. Подобное можно сказать и о названиях пчелы (*Apis mellifica*: ср. венг. *méh*, фин. *mehiläinen* и т. д.) и меда [ср. венг. *méz*, фин. *mesi* (*mete-*) и т. д.], которые поступили также из арийского праязыка. Праарийские племена проживали наверно в местах, где условия оказывались благоприятными для развития лесного пчеловодства. Таковыми являлись области около среднего течения Волги и в низовьях р. Камы...»¹⁶

Если считать правильным мнение И. Шебештьен о первоначальной родине угро-финнов, то нужно сказать, что финно-угорские племена еще в глубокой древности (может быть, сразу же после распада языка-основы) заняли более южные территории. Причиной этому, повидимому, послужил уход индо-иранцев (арийцев) из Поволжья на юго-восток. (Первоначальную родину иранцев, носителей иранского языка-основы, ищут, например, в Средней Азии; см. об этом ниже.) Примерно за 2500 лет до н. э. от народа, говорившего на финно-угорском языке-основе, стали отделяться те или иные периферийные части. Раньше всех отделилась восточная ветвь, послужившая впоследствии базой для образования народов, говорящих на угорских языках (венгерском, хантыйском и мансийском). Затем выделилась пермская ветвь.

Носители общепермского языка-основы, являющегося общим предком удмуртского и коми языков, обособились от остальных финно-угров примерно в I тысячелетии до н. э. и жили длительное время, представляя известное единство, где-то в бассейне нижней Камы и ее притока Вятки, в непосредственной близости со скифо-сарматами, а с VI—VII вв. н. э. — с волжскими булгарами, о чем свидетельствуют заимствования, проникшие из этих языков еще в общепермский язык-основу (удм. *амезь*, к.-з. *амысь* «лемех»; к.-з. *вурун* «овечья шерсть»; удм. *корт*, к. *кóрт* «железо» и др. — из иранских языков; к.-з. *чарла*, удм. *сюрло* «серп»; удм. *культо*, к.-з. *кольта* «сноп»; удм. *куды*, к.-з. *куд* «лукошко» и др. — из волжско-булгарского языка). Для VIII—IX вв. н. э. археологи (например, А. П. Смирнов) находят уже культурные различия между отдельными районами

¹⁵ См. Петер Хайду, К этногенезу венгерского народа, «Acta Linguistica», t. II, f. 3—4, Budapest, 1953, стр. 271.

¹⁶ I. Sebestyén, указ. соч., стр. 345.

в бассейне Камы и Вятки; повидимому, к этому времени нужно приурочить образование коми и удмуртской народностей.

Наличие мощного общего языкового слоя (как лексического, так и грамматического) в современных диалектах (коми-зырянских, коми-пермяцких и коми-язьвинских) и общего самоназвания коми заставляет нас выдвинуть гипотезу о былом существовании коми (общекومی) народности, формировавшейся где-то на территории современной Кировской и Молотовской областей, повидимому, на базе союза племен. В XIV в. появляется древнепермская письменность, претендовавшая на обслуживание всей коми народности, заселявшей не только бассейн Вычегды и Мезени, но и бассейн Камы. В феодальную эпоху начинается консолидация коми диалектов Прикамья, с одной стороны, и диалектов Вычегодско-Мезенского бассейна — с другой, происходившая на базе экономической, политической и культурной концентрации их носителей. В результате образуются коми-пермяцкие и коми-зырянские группы диалектов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с образованием коми-зырянской и коми-пермяцкой автономных административных единиц, формируются две социалистические нации: коми-зырянская и коми-пермяцкая, в связи с чем складываются на базе коми-зырянских диалектов, с одной стороны, и коми-пермяцких — с другой, два литературных языка.

Диалектные различия удмуртов, объединенных в Удмуртскую АССР, меньше, чем у коми. У удмуртов выработался единый литературный язык. Таков общий путь развития пермских языков.

3

Настоящая статья посвящена исторической лексике пермских языков, представлявших в древности известное единство, поэтому в ней приходится останавливаться больше всего на истории древнейшего периода этих языков, на освещении тех явлений, которые имели место в языке отдаленных предков удмуртов и коми, поскольку ядро основного словарного фонда пермских языков восходит к глубокой древности — к финно-угорскому языку-основе. От языка-основы унаследованы, например, следующие корневые слова, не представляющие собой заимствования:

Числительные: удм. *одӱг*, к.-з. *отик* «один»,¹⁷ мар. *иктӱ*, фин. *üksi*¹⁸; удм., к.-з. *кык*, мар. *кок* «два», фин. *kaksi*, венг. *két, kettő*; удм. *куим*, к.-з. *куим* «три», мар. *кум*, венг. *három*; удм. *нӱль*, к.-з. *нӱль* «четыре», морд. *н'ил'э*, венг. *négy*; удм. *сить*, к.-з. *сит* «пять», морд. *вете*, хант. *вэт*; удм. *куать*, к.-з. *квӱйт* «шесть», мар. *кут*, венг. *hat*; удм., к.-з. *кызь* «двадцать», морд. *комс*, венг. *húsz* и т. д.

Названия частей тела: удм. *йыр*, к.-з. *юр* «голова», фин. *järki*; удм., к.-з. *ки* «рука», мар. *кит*, фин. *käte*, венг. *kéz*; удм., к.-з. *син* «глаз, глаза», фин. *silmä*, венг. *szem*; удм., к.-з. *пель*, «ухо, уши», морд. *н'ил'э*, венг. *fül*; удм., к.-з. *пинь* «зуб», эрзя-морд. *п'эг'*, венг. *fog*; удм. *суӱ*, к.-з. *сой* «часть руки (без кисти)», мар. *шоки*, венг. *ujj*; удм., к.-з. *сӱн* «жила», морд. *сан*, венг. *ín*; удм. *сӱп*, к.-з. *сӱп* «желчь»,

¹⁷ Перевода сопоставляемых слов других финно-угорских языков, кроме пермских, мы не даем; эти слова по своему значению или тождественны, или близки к словам пермских языков.

¹⁸ Мы приводим параллели только из некоторых финно-угорских языков; при этом венгерские и финские слова передаем практическими алфавитами этих языков, удмуртские и коми-зырянские слова берем из литературных языков и передаем принятой в этих языках орфографией; слова остальных финно-угорских языков передаем транскрипцией на основе русского алфавита.

морд. *сән'э*, венг. *ере*; удм. *ым*, к.-з. *сом* «рот», мар. *ау*, хант. *оу*; удм., к.-з. *ан* «десна, челюсть», морд. *ау*; удм., к.-з. *гырк* «внутренность, утроба», мар. *көрҥы*, венг. *hír*; удм., к.-з. *кыл*-«язык», морд. *к'эл'*, фин. *kiele-*, манс. *кээл*; удм. *лун*, к.-з. *лон* «селезенка», мар. *лэн*, венг. *lér*; удм. *вим*, к.-з. *вем* «мозг», мар. *вим*, манс. *вэлэм*, венг. *velő*; удм., к.-з. *лы* «кость», мар. *лу*, фин. *luu*, манс. *лу*; удм., к.-з. *ты* «легкие», морд. *т'эв'ил'ав*, фин. *tävy*; удм. *сюләм*, к.-з. *сёләм* «сердце», мар. *шйм*, фин. *sydäme-*, венг. *szív*; удм., к.-з. *вир* перевод, морд. *в'эр*, венг. *óér*; удм., к.-з. *мус* «печень», морд. *макса*, венг. *táj*; удм. *гырпум*, к.-з. *гырдза* «локоть», морд. *к'эн'эр*, венг. *könyök*; удм. *гыжы*, к.-з. *гыж* «ноготь, коготь», морд. *к'энжэ*, манс. *көнш*.

Термины родства: удм. *мень*: *ичи-мень* «молодуха», к.-з. *монь* «сноха», фин. *milä*, венг. *teny*; удм., к.-з. *ли* «сын», фин. *poika*, венг. *fi*; к.-з. *сыс*. и л.-л. *соч'* «сестра», фин. *sisko*, хант. *с'аз'и*; удм. *чуж*, к.-з. *чож* «дядя, брат матери», мар. *чйсьй*, фин. *setä*, манс. *с'ас'*; удм. *вын*, к.-перм. *вон* «брат», мар. *вэҥй*, фин. *vävy*, венг. *óó*; к.-перм. *ань* «свекровь», эрзя-морд. *низ-ан'а*, венг. *anya*.

Природа: удм. *пилем*, к.-з. *удор*. *нив* «облако», морд. *п'эл'*, фин. *pilvi*, венг. *felhő*; удм. *тол*, к.-з., *төл*-«зима», морд. *т'ал'а*, венг. *tél*; к.-з. *сынöd* «воздух», фин. *sää*, венг. *ég*; удм. *кизили*, к.-з. *кодзые* «звезда», манс. *хос*, венг. *hügy*; удм., к.-з. *тулыс* «весна», фин. *tuoko*, венг. *tavaszi*; к.-з. *ди* «остров», фин. *tiewa*; удм. *гон*, к.-з. *гөн* «лука, маленькое озеро», мар. *кун*, венг. *küra*; удм. *йö*, к.-з. *йи* «лед», морд. *йэй*, *эу*, венг. *jég*; удм. *ю:ю-шур*, к.-з. *ю* «река», фин. *joke-*, венг. *jo*; удм. *ву*, к.-з. *ва* «вода», морд. *в'эд'*, венг. *víz*; удм., к.-з. *ты* «озеро», манс. *то*, венг. *tó*; удм. *лымы*, к.-з. *лым* «снег», мар. *лум*, фин. *lumi*, венг. *löm* (Budenz); удм. *шур* «река», к.-з. *шор* «ручей», хант. *лар*, венг. *ár*; удм., к.-з. *лу* «земля», фин. *maa*, манс. *мэ*.

Названия из области животного мира: удм. *чöж*, к.-з. *удор*. *тшöж* «утка», морд. *шэнжэ*, манс. *шэш*; к.-язьв. *н'имөл* «заяц», морд. *нумол*, венг. *nyúl*; к.-з. *джыдж* «ласточка», фин. *tiiti*, хант. *чшкэ*; удм., к.-з. *юсь* «клебедь», мар. *ййкшш*, манс. *jöschwöi*; удм. *луз* «ййцо», к.-з. *поз* «гнездо», мар. *пöжжаш*, фин. *pesä*, венг. *fészék*; удм., к.-з. *тури* «журавль», манс. *тари*, венг. *daru*; удм. *пуны*, к.-з. *пон* «собака», морд. *п'ин'э*, венг. *fene*; удм., к.-з. *шыр* «мышь», морд. *шэйэр*, фин. *hiire-*, венг. *egér*; удм. *йичы*, к.-з. *руч* «лиса», морд. *р'ув'эс'*, венг. *ravasz*; удм., к.-з. *низь* «куница», манс. *н'ухс*, венг. *nyuszt*; к.-з. *гыч* «карась», фин. *keso*, венг. *keszeg*; удм. *сөн-чориг*, к.-з. *сын* «язь», фин. *säyne*, венг. *őn*; удм. *вал*, к.-з. *өве* «лопадь», мар. *вёллй*, хант. *ватэ*; удм. *кый* «змея», морд. *кййое*, венг. *kígyó*; удм. *лузь*, к.-з. *лöдз* «овод», фин. *lisinen*, венг. *légy*; к.-з. *байдöг* «куропатка», манс. *пöл'т*, венг. *fajd*; удм., к.-з. *сюр* «рог», морд. *с'уро*, венг. *szarv*; удм., к.-з. *сöм* «чешуя рыбы», мар. *сйм*, фин. *suomi*, хант. *сам*; удм. *тэй*, к.-з. *той* «вошь», фин. *täi*, венг. *teü*; удм. *сюлы*, к.-з. *сюв-чöж* «вид утки», морд. *с'улго*, манс. *сэл'*; к.-з. *көр* «олень» (первоначально «олень-самец»), хант. *кар*, венг. *here*; удм. *пöськы* «стриж», к.-з. *удор*. *пис'т'и* «ласточка», фин. *pääsky*, венг. *fecské*; удм. *кырныж*, к.-з. *кырныш* «ворон», мар. *кырнйш* (ненец. *харна*); к.-з. *удор*. *токты* «гагара», мар. *токта*, хант. *тахтэу*; удм. *сёр* «куница», мар. *сйрмй* (ненец. *сърмик*); удм., к.-з. *низь* «соболь», эст. *nigis*, манс. *н'охс*; удм. *пужей* «олень», к.-з. *ижем*. *неж* «молодой олень», мар. *пучо*, манс. *пāши*; к.-з. *сюэз* «филин», лапл. *чишкы*, венг. *sas*; к.-з. *чукчи* «глухарь», эрзя-морд. *сувоэ'эй* (ненец. *шэнша*); к.-з. *луз*. *өдзэ* «вид утки», эст. *väiz*, манс. *вäs*.

Названия растений: удм. *ныпу*, к.-з. *нывпу* «пихта», мар. *нолго*, хант. *нолги*; удм. *сысыпу*, к.-з. *суспу* «кедр», хант. *тэт* (ненец. *тэдэ*); удм., к.-з. *тэль* «вид леса», венг. *tölgy*; удм. *кыз*, к.-з. *коз* «ель», мар. *кож*, фин. *kuuse-*, манс. *кошт*; удм., к.-з. *лыс* «хвоя», хант. *лэпэс*; удм., к.-з. *льём* «черемуха», мар. *ломбы*, хант. *л'ом*; удм., к.-з. *пу* «дерево», мар. *пу*, фин. *пиш*, венг. *fa*; удм. *палэ'зь*, к.-з. *пелысь* «рябина», морд. *п'из'ол*, хант. *пэт'эр*; удм. *кур*, к.-з. *кор* «кора», мар. *кёр*, венг. *kéreg*; удм. *кумызь* «дикий чеснок», к.-язьв. *кумиж'* «зеленый лук», манс. *хос'ман*, венг. *haguta*; удм., к.-з. *пыпу* «осина», морд. *пой*, хант. *пой*; удм. *эмезь*, к.-з. *ёмидз* «малина», мар. *ёйёж*, хант. *-ан'т'*: *йухтэян'т'*; удм., к.-з. *пыш* «конопля», мар. *пачаш*, манс. *пэш*; удм. *кызпу*, к.-з. *кызпу* «береза», фин. *kaski*, хант. *хун'т'*.

Названия предметов материальной культуры: к.-з. удор. *бель* «косяк», морд. *п'эл*, венг. *fél*; удм. *жэж* «стол», к.-з. *джек* «стул, чурбан», венг. *csök*; к.-з. *джедж* «пол», удм. *жыжол* «подполье», лапл. *чазэл*, хант. *чуч*; удм. *ёс*, к.-з. *ёдз-ёс* «дверь», фин. *ukse-*, венг. *aj*; удм. *ныд*, к.-з. диал. *нуд* «рукоятка», морд. *н'эд'*, фин. *nyte-*, венг. *nyél*; удм., к.-з. *нёл-* «стрела», морд. *нал*, фин. *niole-*, венг. *nyíl*; удм. *пуч*, к.-з. *потш* «жердь», мар. *пичь*, фин. *riha*, хант. *пушйух*; к.-з. *радз* «решетка (в дровнях)», фин. *raaski*, венг. *rács*; удм. *выйыж*, к.-з. *вож* «оглобля», морд. *ажйа*, хант. *учйух*; удм. *кяала* «шалаш», к.-з. *кола* «рыбачий шалаш (избушка)», морд. *куд*, венг. *ház*; удм. *кал*, к.-з. *кёв* «веревка», мар. *кыл*, манс. *кали*; удм., к.-з. *гыр* «ступа», фин. *kuiri*, хант. *куры*; к.-з. *ёнь* «пояс», фин. *vyö*, венг. *öv*.

Прочие существительные: удм. *лул*, к.-з. *лов* «душа,дыхание», манс. *лили*, венг. *lélek*; удм., к.-з. *ним* «имя», фин. *nime-*, венг. *név*; удм. *пал*, к.-з. *пёв* «половина, сторона, один предмет из пары», морд. *п'эл'э*, венг. *fél*; удм. *пум*, к.-з. *пон* «конец», морд. *п'э*, фин. *pää*, венг. *fő*; к.-з. *розь* «дыра», мар. *раж*, венг. *réz*; удм. *сул*, к.-з. *сыв* «длина растянутых рук, сажень», мар. *шылё*, морд. *сэл*, венг. *öl*; удм., к.-з. *ул* «низ», морд. *ал*, фин. *ala*, венг. *al*; к.-з. *во* «год», фин. *vuote-*, венг. *val: tavai*; удм. *уй*, к.-з. *вой* «ночь», морд. *в'эй*, фин. *yö*, венг. *éj*; удм. *вёй*, к.-з. *вёй* «масло», морд. *вай*, венг. *vaj*; удм. *ур*, к.-з. *ор* «гнилой», венг. *var*; удм., к.-перм. *зын* «запах», венг. *szag*; удм. *уж*, к.-з. *удж* «работа», хант. *ош*, венг. *ügy*; к.-з. *рёч* «бугорок, выступ угла», венг. *rész*.

Глаголы: удм. *сурыны*, к.-з. *сурны* «шить», мар. *урэм*, венг. *varr-*; удм. *вандыны*, к.-з. *вундыны* «резать», манс. *βāñk*, венг. *vág-*; удм. *усины*, к.-з. *усьны* «падать», манс. *ис-*, венг. *esik*; удм. *эстыны*, к.-з. *ёзтыны* «зажечь», хант. *эт-*, венг. *izzik*; удм. *гырыны*, к.-з. *гёрны* «пахать», мар. *кёралам*, хант. *хэрэм*; удм., к.-з. *юны* «пить», мар. *йу-*, венг. *iv*; удм. *мыныны*, к.-з. *муныны* «идти», фин. *tepe-*, венг. *tép-*; удм., к.-з. *мыськыны* «мыть», морд. *мис'кэ-*, венг. *mos-*; удм. *нолыны*, к.-з. *новны* «лизать», мар. *нул-*, венг. *nyal-*; удм. *кылыны*, к.-з. *кольны* «оставлять», морд. *кадо-*, венг. *hagy-*; удм. *тодыны*, к.-з. *тёдны* «знать», фин. *tunte-*, венг. *tud-*; удм. *кыныны*, к.-з. *куньны* «закрывать глаза», морд. *кон'а-*, венг. *húny-*; удм. *кулыны*, к.-з. *кувны* «умереть», мар. *кол-*, хант. *хал-*; удм. *пулыны*, к.-з. *повны* «бояться», морд. *п'эл'-*, венг. *fél-*; удм. *сылыны*, к.-з. *сулавны* «стоять», мар. *шалг-*, венг. *áll-*; удм. *уялл-*, к.-з. *уял-* «плавать», фин. *ui-*, манс. *ий-*; удм. *улыны*, к.-з. *овны* «жить», фин. *elä-*, венг. *él-*; удм., к.-з. *кыл-* «слышать», мар. *кол-*, венг. *hall-*; удм. *кулэ*, к.-з. *колё* «надо», мар. *кэл-*, венг. *kell*; удм. *курыны*, к.-з. *корны* «просить», фин. *kerjää*, венг. *kér-* и т. д.; удм. *вылыны*, к.-з. *ёвны* «бить», мар. *ул-*, венг. *val-*; к.-з. *видзны* «хранить, беречь», мар. *онж-*,

венг. *vigyáz-*; удм. *сайыны*, к.-з. *вайны* «принести», морд. *в'ийэ-*, венг. *vív-*; удм. *ышыны*, к.-з. *вошны* «потеряться», хант. *вож*, венг. *vesz*; удм. *тöрыны*, к.-з. *тöрны* «вмещаться», венг. *lér-*; к.-з. *топöдны* «жечь, зажечь», венг. *tarad-*; удм. *лобаны*, к.-з. *лабаны* «летать», венг. *lebeg-*; к.-з. *келаны* «бродить (по воде)», мар. *кэл'-*, венг. *kel-*; к.-з. *кылааны* «плыть по течению», морд. *кол'гэ*, венг. *halad*; к.-з. *кеслыны* «точить», венг. *köszögül-*; к.-з. *пуны* «варить», морд. *п'ийэ-*, венг. *fő-*; удм. *пуныны* «вить, плести», морд. *пона-*, венг. *fop-*; к.-з. *луйны* «бросить, выстрелить», мар. *лй'-*, венг. *lő-*; удм. *чыжыны*, к.-з. *чужны* «родиться», мар. *шоч'-*, хант. *чачэ*; удм. *селаны*, к.-з. *сёланы* «плевать», морд. *с'эл'г'эмс*, манс. *сёл'к-*.

Прилагательные и наречия: удм., к.-з. *кузь* «длинный», мар. *кужо*, венг. *hosszú*; удм., к.-з. *ныж* «тупой», морд. *ножка*, хант. *наш*; удм., к.-з. *пöсь* «горячий, жаркий», мар. *пуж*, венг. *pezseg*; удм. *ыль*, к.-з. *уль* «сырой», мар. *илэ*, манс. *ил'*; удм., к.-з. *выль* «новый», морд. *од*, фин. *uute-*, венг. *új*; удм. *жоб*, к.-з. *жеб* «слабый», фин. *tuntrei*, венг. *sebes*; удм., к.-з. *кыз* «толстый», мар. *кйжк'й*, хант. *кот*; удм. *секчи*, к.-з. *секни* «узкий», венг. *vékony*; к.-з. *ёсь* «острый», мар. *йипи*, хант. *йёбэс*; удм. *жомыт*, к.-з. *рöмыд* «сумрачный», мар. *рöм*, хант. *римки*; удм. *жоғ*, к.-з. *реғид* «быстро, скоро», венг. *rögeest*; удм. *жыж*, к.-з. *рыж* «истлевший, гнилой», фин. *raato*, хант. *раш*; к.-з. *содэ* «чистый, прозрачный», манс. *с'эс'*, венг. *szűz*; к.-з. *вöсни* «тонкий», венг. *vézna*; удм. *кöш* «неприятный на вкус», мар. *кач'й*, венг. *keserű*.

Местоимения: удм. *мон*, к.-з. *ме* «я», морд. *мон*, хант. *ман*; удм. *тон*, к.-з. *тэ* «ты», морд. *тон*, венг. *te*; удм. *со*, к.-з. *си-*, *сы-* «он», морд. *сон*, венг. *ön*; удм., к.-перм. *кин* «кто», морд. *ки*, венг. *ki*; удм. *ма*, мар. *к.-з. мый* «что», мар. *ма*, *мо*, венг. *mi*; удм. *ку-*: *куд*, *кудиз* «который», к.-з. *ко-*: *код*, *коди* «кто», *кор* «когда», морд. *ко-*: *кос'а* «где», *ков* «куда», венг. *ho*: *hol* «где», *hova* «куда»; удм., к.-з. *та* «это», фин. *tätä*, манс. *та*, венг. *te-*; к.-з. *э-*: *этадэ* «вот так», *этан* «вот здесь», морд. *эста* «оттуда», венг. *ez* «этот».

Здесь мы привели свыше 150 корневых слов, унаследованных пермскими языками из финно-угорского языка-основы. Приведенный нами список является далеко не полным, его можно по крайней мере увеличить втрое. Почти половина из этих слов восходит к периоду уральского языка-основы, отделенного от нас промежутком 5000—6000 лет. Эти слова входят в состав основного словарного фонда, который «...живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов»¹⁹.

Мы намерены в своей статье заострить внимание на заимствовании, касаясь остальных вопросов исторической лексики пермских языков лишь вскользь.

Словарный состав финно-угорских языков значительно обогащался заимствованиями из соседних языков. Заимствования начались еще в период финно-угорского языка-основы.

К югу и юго-востоку от угро-финнов в течение длительного времени²⁰

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

²⁰ Уже около начала II тысячелетия до н. э. в Средней Азии, например, начинают говорить на древнеиранских, мало отличающихся друг от друга говорах. В XIII—XIV вв. н. э. в Хорезме, несмотря на оторечение, «иранская речь в виде хорезмийского языка» еще звучала. См. об этом более подробно в книге А. А. Фреймана «Хорезмийский язык» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951), а также в работе Б. В. Миллера «К вопросу о классификации иранских языков» (Тезисы докладов научн. сотрудников Ин-та языкознания на объед. сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 20).

находились иранцы: в Средней Азии — хорезмийцы, а в южнорусских степях — скифы-сарматы (в V в. до н. э. о скифах говорит Геродот), аланы и осетины, являющиеся выходцами из Хорезма.

По фонетическим признакам иранских заимствований, проникших в довольно большом количестве в финно-угорские языки, можно заключить, что соприкосновение между иранцами и угро-финнами продолжалось весьма долгое время. Часть слов проникла из индоевропейского, индо-иранского и иранского языков-основ еще в финно-угорский язык-основу. Следующие слова, например, считают доарийскими индоевропейскими заимствованиями: удм. *муш*, к.-перм. *мош*: *малля-мош* «пчела», морд. *м'экиш*, венг. *mé'h* (ср. санскр. *makṣa*, авест. *maxši-*); удм. *му*, к.-з. *ма*, фин. *mete-*, морд. *м'эд'*, хант. *мот* «мед», венг. *méz* (и.-е. **medhu*, ср. санскр. *mādhu*); удм., к.-з. *вуг* «рукоятка, черенок, скоба», фин. *onke-*, венг. *ág* (ср. санскр. *āṅka*); удм. *парсь*, к.-з. *порсь* «свинья», фин. *porsas*, морд. *пуртмос* (ср. курд. *purs*, лат. *porcus*).

Действительно, по своему вокализму эти заимствования древнее, чем общиндоиранские («праарийские») слова; в индо-иранских языках индоевропейские *o* и *e* перешли в *a*, а вышеприведенные слова были заимствованы финно-угорским языком-основой еще до этого перехода.

К более позднему индо-иранским заимствованиям финно-угорского языка-основы нужно отнести следующие: удм. *сю*, к.-з. *сё* «сто», мар. *шүдб*, фин. *sata*, венг. *száz* (ср. санскр. *ṣata*, авест. *sada*); удм., к.-з. *сюр* «рог», мар. *шур*, фин. *sarve-*, венг. *szarv* (ср. др.-инд. *s'ṛngam*, авест. *srva*); удм. *ю* «хлеб», к.-з. *йи*: *йи-ки* «кость, усик (у ячменя и др.)» (ср. к.-з. луз и удор. *кы* «кость»), морд. *йув*, фин. *jivä* (ср. санскр. *yáva-*); удм. *вєра*, к.-з. *вөра* «вымя», мар. *водар*, морд. *одар*, фин. *utar* (ср. др.-инд. *ūdhar*).

Известная часть заимствований, которые по своему звуковому виду подходят к праиранскому языку, встречается только в восточнофинских языках (мордовском, марийском, пермских и угорских)²¹. Таковыми являются, например, следующие: удм., к.-з. *сюрс* «тысяча» (ср. др.-инд. *śa-hāśra*); удм. *зыр*, к.-з. *озыр* «богатый», мокша-морд. *азыр* «хозяин», хант. *одэр* (ср. санскр. *asura*, авест. *ahura*); к.-з. луз. *вөркас* «рысь» (из *вөркас*; мягкое *с'* появилось под влиянием народной этимологии: *вөр* «лес», *кас* «кошка», *вөркас* «лесная кошка»), мокша-морд. *вэр'гас* (ср. санскр. *vr'kas*, авест. *vehrka*).

Много иранских слов проникло в восточнофинские языки после того, как западные финны, двигаясь на запад, оторвались от восточных соседей, что произошло около начала нашей эры; литовские заимствования частично вошли в языки предков марийцев и мордвы, а германские заимствования, проникшие в прибалтийско-финский язык-основу около начала н. э. (позже литовских заимствований), уже не проникли в поволжско-финские языки.

Большинство иранских заимствований попало в восточнофинские языки, повидимому, уже в более позднее время, чем в период финно-угорского языка-основы, и источниками их являются отдельные иранские языки. Таковы, например, следующие слова, бытующие в пермских языках:

к.-з. *сүрүн* «шерсть»; ср. авест. *ōrṇā* «шерсть животных», санскр. *ūrṇā* «шерсть»;

удм., к.-з. *зарни* «золото», морд. *сүр'н'э*, венг. *arany*; ср. авест. *zaranya-*, санскр. *hiranya-*;

удм., к.-з. *пурт* «нож»; ср. осет. *farat*, *fārāt*;

удм. *мурт*, к.-з. *морт* «человек», морд. *м'ур'д'е* «муж»; ср. авест. *mereta*, н.-перс. *mard* «муж»;

²¹ Н. J a c o b s o h n, Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922, стр. 223.

- удм. *эжсей*, к.-з. фолькл. *ёксы* «князь»; ср. авест. *χšaya* «властитель»; к.-з. (в древних памятниках) *н'эбёг* «книга»; ср. пехл. *nipek* «Schrift»; удм. *амезь*, к.-з. *амысь* «лемех, сошник»; ср. н.-перс. *āmāj*; к.-з. *бурись* «грива (лошади)»; ср. авест. *barēša* «спина лошади», осет. *barze* «затылок», пехл. *biš* «грива»; удм., к.-з. *дас* «десять»; ср. авест. *dasa*, осет. *das*; удм. *дуры*, к.-з. *дар* «уполовник»; ср. санскр. *dārvi-* «ложка», парачск. (*parachi*)²² *duri* «большая ложка»; удм. *пэд*, к.-з. *под-* (*подон*) «нога»; ср. санскр. *pād-*, авест. *pād-* «нога»; удм. *турын*, к.-з. *турун* «травя»; ср. санскр. *tṛna-*; удм. *карыны*, к.-з. *керны* «делать»; ср. санскр. *kār-*, авест. *kar-* то же; удм. *корт*, к.-з. *корт* «железо», мар. *кырди'и*, морд. *кши'и*; ср. авест. *karēta*, пехл. *kārt*; удм. *курег*, к.-з. *курёг* «курица»; ср. пехл. *kark*, курд. *kurk* то же; к.-з. *зон* «парень»; к.-перм. *зон* «сын»; ср. авест. *zan-* «родить», осет. *zan-äg* «мальчик»; удм., к.-з. *нянь* «хлеб»; ср. пехл., н.-перс. *nān*; к.-з. *нямёд* «портянки»; ср. пехл. *namat*, н.-перс. *nāmād* «войлок, грубый ковер»; удм. *маег*, к.-з. *майёг* «кол»; ср. др.-инд. *mayūkha* «колышек», осет. *mēx* «кол»; удм. *эгыр*, к.-з. *ёгыр* «уголь»; ср. др.-инд. *aṅgāra* «уголь»; удм., к.-з. *сур* «пиво»; ср. др.-инд. *sūrā-*, авест. *hurā*; к.-з. *ырёш* «квас»; ср. осет. *wāras*, *iwāras*; удм. *тусьтй*, к.-з. *тасьтй* «миска»; ср. позднеавест. *tašta*; удм. *пудо*, к.-перм. *поба* «скот»; ср. тадж. *поба* «стадо»; к.-з. *меж* «баран»; ср. афган. *maž* «баран», *mež* «овца»; к.-з. *лысьтыны* «доить»; ср. афган. *lwašəl*, мундж. *luž*; удм. *андан*, к.-з. *емдон* «сталь, уклад»; ср. слово *ondan-andan* «сталь», фигурирующее в «Путешествии» Марко Поло (XIII в.) по Ближнему Востоку; удм. *мэс* «самка (про теленка или ягненка)», к.-з. *мёс* «корова»; ср. мундж. *məškāy* «теленка»; к.-з. луз. *варнёс* «овечка»; ср. др.-инд. *urṇa* «баран, ягненок», афган. *varan* «длинношерстый»; др.-перм. *идёг* «ангел»; ср. осет. *idawæg* «божество, святой»; др.-перм., удм. *ури* (Видеман) «мир, согласие»; ср. авест. *urvada* «друг» и т. д.

Приведенный перечень слов говорит о том, что финно-угры от своих ложных соседей скотоводов получили ряд слов скотоводческого быта (*овца, корова, доить, баран, скот, курица, грива, шерсть, рог, вымя, свинья*); иранские народы, стоявшие ближе к культурным очагам Востока (Хорезм, Персия, Греция и т. д.), передали угро-финнам названия металлов (*железо, золото, сталь*), металлических изделий (*лемех, нож, крючок, скоба*), числительные (*десять, сто, тысяча*), названия посуды, может быть, металлической (*миска, уполовник*), предметов питания (*мед, зерно, хлеб, пиво, рожь, квас*), слова для отвлеченных понятий (*мир, ангел*) и т. д.

4

Восточные финны находились в непосредственном соприкосновении с иранскими народами вплоть до того момента, пока разные кочевые племена (преимущественно тюркские), двигавшиеся с Востока во время ве-

²² На языке «парачи» говорит маленький народ, живущий около границы Афганистана с Индией.

ликого переселения народов, не вылились между иранцами и угро-финнами. Одним из таких народов были болгары, в частности волжские болгары, жизнь которых во второй половине I тысячелетия н. э. была тесно связана с жизнью предков коми и удмуртов²³. Появление болгар в VI в. в Среднем Поволжье дало толчок движению на север восточным финнам: марийцам и коми-удмуртам. Известная часть последних, конечно, оставалась на прежних местах жительства, т. е. в Среднем Поволжье, разделяя судьбу болгар, сначала находясь в зависимости от хазар, а затем входя в состав самостоятельного болгарского государства.

Занимая обширную территорию, болгарское государство, возникшее, в основном, на территории восточных финнов, по языку населения не могло быть единым. Кроме того, находясь на великом торговом пути между Востоком, Севером и Прибалтийским западом, оно все время имело в пределах своих владений представителей норманов, русских, мери, мордвы, марийцев, коми, удмуртов и т. д. Весьма вероятно, что в Булгарии преобладал тот язык, потомком которого является современный чувашский язык. Во всяком случае в современных восточнофинских языках (удмуртском, коми, марийском и мордовском) и венгерском языке имеется много таких тюркских слов, которые ближе стоят к современному чувашскому, чем к какому-нибудь другому тюркскому языку. Вполне понятно, что болгары, занимая промежуточное положение между финскими народами Поволжья и культурным Востоком, должны были влиять на соседей. Это влияние началось еще задолго до образования болгарского государства: венгры жили еще где-то на Северном Кавказе, поблизости от болгар (территорию современной Венгрии они заняли лишь в конце IX в.).

Неподалеку от болгар жили предки и нынешних удмуртов и коми, языки которых начали обособленную жизнь после встречи этих народов с булгарами. Влияние древнебулгарского языка на финские началось, по видимому, со времени появления болгар на Волге (VI в.) и продолжалось вплоть до разгрома болгарского государства татарами (XIII в.), после чего Булгария как самостоятельное государство и как культурный центр перестала существовать. Само название болгарского народа было перенесено удмуртами на новых властителей Поволжья — татар (удм. *бигер* «татарин»). Нашествие татар дало толчок пермским народам к дальнейшему движению на север.

Тюрко-булгарский язык оказал сильное влияние на соседние финно-угорские языки. Из булгарского языка еще в общепермский язык-основу попал ряд слов, как-то:

удм. *турто*, к.-перм. *торта* «приспособление для сгребания обмолоченного зерна», ср. чув. *torDa*;

удм. *улмо* «яблоко»; ср. чув. *olma, ulma*;

удм. *иль*, к.-з. в.-вым. *с'ылы* (из * *с'ыл*) «буря»; ср. чув. *s'il'* «ветер»;

удм., к.-з. *кись* «бердо»; ср. чув. *хэс'* то же;

удм. *культо*, к.-з. *кольта* «сноп»; ср. чув. *kül'De* то же;

удм. *тысь*, к.-з. *тусь* «зерно»; ср. чув. *tüš* то же;

удм. *палэсь*, к.-з. *пелысь* «рябина»; ср. чув. *pi'l'eš*;

удм. *пырич*, к.-з. *пыридэ* «лом, пешня»; ср. чув. *pürüš*;

удм., к.-з. *шабала* «отвал у сохи»; ср. чув. *šabala*;

удм. *сарчи*, к.-з. *сёркни* «репа»; ср. чув. *s'ar'ik*;

удм. *кеч* «заяц, коза»; к.-з. *коч* «заяц»; ср. чув. *ka,D'Z'a*;

удм., к.-перм. *сугонь* «лук»; ср. чув. *sugán*;

²³ См. А. П. Смирнов, Очерки по истории древних болгар, «Труды Государственного Исторического музея», вып. XI, М., 1940, стр. 55—129.

удм. *сюрло*, к.-з. *чарла* «серп»; ср. чув. *s'urla*, *s'orla*;
 удм., к.-з. *кушман* «редька»; ср. чув. *kušman*;
 удм., к.-з. *сукман* «домотканное сукно»; ср. чув. *suxman*;
 удм. *губи*, к.-з. *гоб* «гриб»; ср. чув. *катва*;
 удм. *куды*, к.-з. *куд* «лукошко, короб»; ср. чув. *konda*, *kunDî*;
 удм. *кун* «государство»; др.-перм. *кан* «царь»; ср. чув. *хун*, *хон*;
 удм. *удыс*, к.-з. *адас* «участок земли»; ср. чув. *oDîm*, *udas*, *odas*;
 удм. *серы*, к.-з. *сюри* «шпилька»; ср. чув. *s'ərə*, *s'ürü*.

Звуковой вид болгаризмов явно указывает на то, что они заимствованы из такого тюркского языка, который ближе всего стоял к современному чувашскому языку, а именно:

а) в основе слова находится *о* или *у* вместо *а* (*ä*) других тюркских языков, например: к.-перм. *с'ор-мам* «мачеха», *торта* «приспособление для сгребания обмолоченного зерна», удм. *ульмо* «яблоко» и т. д., чув. *torDa*, казан.-татар., башк. *йарты*;

б) чувашское начальное *с'* соответствует начальному *й* других тюркских языков, например: к.-перм. *с'ор-мам* «мачеха» (ср. чув. *s'or*, казан.-татар. и башк. *йарым*);

в) чувашское *а* основы слова соответствует *и* воляжско-татарских языков и *ä* восточных тюркских диалектов, например: к. *карта* (ср. казан.-татар. *киртä*);

г) первоначальное *л* между гласными в чувашском языке выпало, например: к. *кись* «бедро» (ср. чув. *хэс'*, башк. *кулус*, татар. *кулуч*).

После распада общепермского языка-основы (около IX—X вв.) приток слов из болгарского языка в язык коми, повидимому, прекратился, а удмурты продолжали оставаться в сфере влияния камско-вожжских болгар и в этот период обособленной от предков коми жизни заимствовали из языка болгар десятки слов, например: *уксё* «деньги» (чув. *uks'a*); *сяська* «цветок» (чув. *s'es'ke*); *бусы* «поле» (чув. *ruzî*); *бускель* «сосед» (чув. *poskil'*); *ака* (*ака-яшка*) «плуг» (чув. *aGa*); *сюлык* «женский головной убор» (чув. *s'ilik*); *кен* «сноха» (чув. *kin*) и т. д.

Древнеболгарские слова в большом количестве встречаются и в марийском, и в мордовском языках. В удмуртском, марийском и мордовском языках имеются также татарские заимствования, между тем непосредственно из татарского языка в коми язык слова не попадали.

5

Угорская ветвь (венгры, ханты, манси) отделилась от остальных угрофиннов очень рано и жила продолжительное время обособленно: в это время выработался целый ряд специфических угорских языковых черт. Позднее, в общепермскую эпоху, предки обских угров (ханты и манси) очутились в близком соседстве с предками коми и удмуртов и при посредстве последних восприняли ряд слов иранского происхождения (манс. *сор* «пиво», *мис* «корова», хант. *корек* «курица»).

Еще позднее, уже в период обособленного развития языка коми, народ коми имел тесное соприкосновение с ханты и манси, видимо, где-то в северном Приуралье (на Печоре и в восточных районах бассейна Вычегды и Камы). Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования в хантыйском и мансийском языках из древнекоми языка или, может быть, из общекоми языка-основы (хант. *шайт* «деньги», *туш* «борода», *нуш* «сукно», *пуш* «решето», *курас'* «веник», *пăсан* «стол» и т. д.— до 100 слов) и некоторые заимствования в языке коми из обско-угорских языков (*чумпель* «берестяная черпалка», *сюмбд* «береста», *войт* «плуг, выгон»).

С ненцами коми встретились значительно позже, причем соприкасались с ними только носители северных диалектов: ненецкие заимствования мы находим по преимуществу в северных диалектах языка коми (удар. *кунтэй* «сарафан»; удар. и ижем. *липки* «чулок из оленьей шкуры», *няртала* «аркан для оленя» и др.; ср. также некоторые слова, широко распространенные в диалектах языка коми: *ком* «хариус», *лямпа* «лыжи», *парка*, *малича* «виды шубы из оленьей шкуры», *пими* «обувь из оленьей шкуры» и т. д.).

Несколько более значительное влияние оказали на язык коми северо-западные и западные соседи коми — летописная заволоцкая чудь. С населением заволоцкой чуди, если и не являющимся карело-вепскими переселенцами, но, во всяком случае, стоящим по языку близко к ним, в особенности к вепсам, коми встретились на территории вычегодско-лузского и вашко-мезенского бассейна. Необходимо специально остановиться на истории этой заволоцкой чуди и непосредственно связанной с ней летописной веси (вепсов).

Арабские писатели X в. упоминают народ *вису*, под которым в настоящее время обычно понимают прибалтийско-финскую народность вепсов, живущих в Ленинградской области, численностью около 30 тыс. Например, у Синнеи мы читаем о нем: «живут к юго-западу от Онежского озера и к западу от Белоозера по верхнему течению р. Оять, остаток сильного народа, который в летописи Нестора называется *весь*, в арабских источниках *вису*, у Иордана *васина*»²⁴. По данным русских летописей, *весь* занимает территорию где-то в районе проживания теперешних вепсов. В Начальной летописи (составленной около 1095 г.) в перечне племен *весь* помещается рядом с такими, как *чудь* (Эстляндия), *меря*, *мурома*: «В Афетовой части сидят Русь, Чудь, Вель, Меря, Мурома»²⁵. «А вот другие народы, которые дань дают Руси: Чудь, Меря, Вель, Мурома...»²⁶. Летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. дает более точную дислокацию этих племен: «На Беле озере сядят Вель, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же, по Оде реце, где потече в Волгу, Мурома». У Иордана (VI в.) в перечне народов, поработенных Германарихом, мы имеем: *Thiudos*, *Uasina*, *Broneas*, *Merens* и т. д. Таким образом, со времени Иордана до автора русской летописи в местонахождении этих племен больших изменений не произошло, т. е. народ *весь* как будто находился где-то в районе Белоозера, неподалеку от эстляндской *чуди* и *мери*.

Из данных Ибн-Фадлана (арабского писателя, посетившего волжскую Булгарию в 922 г.) следует, что страна Вису находится где-то на севере, где ночь (летом) продолжается только один час, где много соболей и черных лисиц; простирается она до моря, за которым живут «гоги и магоги»; от Булгарии до этой страны 3 месяца пути, а от страны Вису до «гогов и магогов» тоже 3 месяца пути; болгарские купцы поддерживают связь с страной Вису по Волге. Очевидно, здесь речь идет о Крайнем Севере, а не о районе Белоозера, который находится всего на 2—3° севернее Волжской Булгарии и не имеет заметной разницы с ней в долготе дня и ночи. Затем, вряд ли там водились соболи и черные лисицы в изобилии даже в IX—X вв. Если даже в районе Белоозера и встречалась эта ценная пушнина, то во всяком случае не в таком количестве, в каком она имелась на более близком Булгарам севере: на верховьях Камы, на Печоре, Вычегде и Северной Двине.

²⁴ J. S z i n n y e i, Magyar nyelvhasznlatás, Budapest, 1920, стр. 9.

²⁵ Древнерусские летописи, М.—Л., Academia, 1936, стр. 5.

²⁶ Там же, стр. 10.

В словаре Якута под словом *Итиль* (Волга. — В. Л.) читаем: «...нет сомнения в огромности и длине реки Итиль, так что, действительно, она исходит из отдаленнейшего юга²⁷ и течет мимо Булгара и русов и хазар и впадает в озеро Джурджана (Каспийское море. — В. Л.). По ней ездят купцы в Вису и вывозят много пушнины, как-то: бобра, соболя и горно-стая»²⁸.

Таким образом, нам представляется, что народ *вису* жил где-то к северу от Волжской Булгарии, может быть по Вычегде и Северной Двине вплоть до Белого моря, за которым жили «гоги и магоги», под которыми подразумевались или лапландцы, или норвежцы. Между прочим, у Якута, пользовавшегося и такими текстами Ибн-Фадлана, которые не дошли до нас, в конце названия *вису* имеется «р»²⁹ — *висур*. Это название народа — *висур*, повидимому, имеет отношение к названию рек *Вишера*, *Вишерка* (северные притоки Камы), а также *Вишера* (по коми *Вис'эр*, правый приток Вычегды). Ср. также географическую номенклатуру Ленинградской области (*Малая Вишера* и др.). В IX—X вв., повидимому, весь север Европейской России был заселен прибалтийско-финскими племенами, близкими современным вепсам. В настоящее время уже нет никакого сомнения в том, что заволоцкая чудь (жившая, в основном, в Архангельской и Вологодской областях) представляла собой вепские и частично также карельские племена: коми-зыряне и до сих пор называют г. Архангельск *Кар-дор*, т. е. «Карельск, Карельское» (ср. зырянское название Сольвычегодска и Соликамска — *Сов-дор*, т. е. «Сольск») ³⁰.

Весьма возможно, что к югу от карел в это время находилось близкое к карелам племя *весь-висур-васина*, которое зашло далеко на восток, вплоть до бассейна Вычегды, привлекаемое дешевой пушниной. Волжские булгары, встретившись с этим народом, повидимому, на Вычегде, стали называть по его имени все близкие друг к другу прибалтийско-финские племена Севера, а от булгар это название перешло к арабским писателям.

Проф. Д. В. Бубрих так мыслит появление заволоцкой чуди: «С некоторых пор население прибалтийско-финского происхождения стало скопляться еще в одном месте, у юго-восточного побережья Ладожского озера, в углу между Волховом и Свирью... В IX в. данное население оказалось довольно значительным и усвоило организацию отдельного племени. Это племя называлось *Versä*, откуда русское *Весь*»³¹. Это племя *весь* постепенно стало расселяться в северо-восточном направлении и заняло известные территории Северо-Двинского бассейна.

«Владея западным и юго-западным входами в Заволочье³², *Весь*, конечно, ездила туда с промысловыми и торговыми целями. Правда, там она встречала, повидимому, некоторую конкуренцию со стороны *Мери*, про-

²⁷ «Как известно, в то время верховьями Волги считали Каму, и вместе с тем, как видно из дальнейшего, Якут считал, что истоки ее где-то к югу от Урала». — См. прим. 703 акад. Крачковского в «Путешествии Ибн-Фадлана на Волгу» (под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 126).

²⁸ Там же, стр. 125.

²⁹ См. там же, прим. 661 (стр. 122) и 703 (стр. 125—126).

³⁰ Перевод Вихманом зырянского *Кар-дор* — «Карельский берег» нужно считать неточным (см. У. Wichmann, Syrjäähit ja Karjalaiset, журн. «Valvoja», Helsinki, 1920, № 9—10).

³¹ Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947, стр. 16.

³² Заволочьем называли территории, находящиеся за волоком к востоку от собственно Новгородской земли (пятин. — В. Л.).

никавшей через южный вход в Заволочье, по р. Югу; на это есть указания в топонимических материалах А. И. Попова. Но Меря там отнюдь не преобладала. Вполне понятным делается, почему среди населения Заволочья летопись указывает Чудь — Заволоцкую Чудь. Археологические материалы доказывают существование в Заволочье островков прибалтийско-финского населения, именно Веси. Это относится особенно к западному притоку Сев. Двины Ваге и восточному ее притоку Пинеге, где, кстати, вепское название селения *Kekkilä* приводится в уставной грамоте Святослава в виде *Кегрела* и сохраняется по сей день в виде *Кевроль*³³.

Д. В. Бубрих совершенно справедливо утверждает, что заволоцкая чудь по своему происхождению, в основном, была не карелами, а вепсами: «Долго господствовавшая в науке мысль, что Корела еще в IX в. стала твердой ногой у Белого моря и что население *Vjargmland'a* было Корелой, является абсолютно беспочвенной. Беломорье впервые увидело Корелу, по всем данным, не раньше XIII в. Конечно, отдельные проникновения людей из Корелы по пути, шедшему к р. Кеми и к Белому морю, могли иметь место очень рано, но такие отдельные проникновения никак не имели значения освоения территории»³⁴. О том, что Северная Двина была уже заселена в IX в., говорят данные скандинавских источников³⁵.

Таким образом, в IX в. н. э. в низовьях Северной Двины (наверное, и на других территориях бассейна этой реки) уже жили те племена, которые летописец называет заволоцкой чудью, а Д. В. Бубрих считает вепсами. С этими вепсами коми-зыряне при заселении бассейна Вычегды, Лузы, Мезени и т. д. несомненно должны были встретиться.

Не исключена возможность, что с предками вепсов коми встретились, живя еще где-то поблизости от удмуртов. Но нужно полагать, что более интенсивные встречи происходили где-то севернее, на территории бассейна Северной Двины и Мезени. Здесь, повидимому, происходило заимствование коми-языком вепско-карельских слов. Этим и объясняется то, что вепско-карельские заимствования встречаются только в коми-зырянских диалектах, притом главным образом в северо-западных (удорском, нижневьчегодском) и западных (лузско-летском). Вопрос о вепских заимствованиях плохо изучен. Но все же можно более или менее уверенно сказать, что следующие коми-зырянские слова являются вепско-карельскими заимствованиями:

агас н.-выч., ижем., удор., л.-л. «борона»; ср. вепс. *ägäz*, фин. *aes* (*akeen*) или *ä'äs* (*äkään*);

буркэй удор. «бубенчик»; ср. вепс. *буру*, *буруйн'э* то же;

вирб удор. «дратва»; ср. вепс. *вирб* то же;

кал'ла вым., *кал'л'а* *ырöи* печ. «третье сусло, квас»; ср. калининско-кар. *кал'л'а* «третье сусло», фин. *kalja* «квас»;

кас' л.-л., кобр. «кошка»; ср. северно-кар. *кас'и*, *каси*, *каз'и*, южно-кар. (людиковск. и ливиковск.) *кас'* то же;

³³ Д. В. Бубрих, указ. соч., стр. 27—28. (Д. В. Бубрих считает, что вепсы называли Заволочье *перя маа* «задняя земля, земля за волоком». В устах русских это слово звучало *пермь*. На территории *Перя маа*, кроме вепсо-карелов, жили также русские и коми. Впоследствии, после обрусения заволоцкой чуди, компактным иноязычным населением осталось коми население, вследствие чего название *пермь* перенеслось на последних. Скандинавы же передали это слово в виде *беорма*; отсюда — *Виармия*.)

³⁴ Там же, стр. 32.

³⁵ См. там же, стр. 28—29.

карандыс удор. «ушат»; ср. вепс. *кэрэндээ* то же;
коз'ал' ижем., удор. «прялка»; ср. вепс. *кожал'*, кар. *кушал'и*,
куожэл'и то же;

л'од вым., ижем., луз. «блюдо»; ср. вепс. *бл'од* то же;

л'ус'ка удор. «ложка»; ср. вепс. *луз'ик'*, калининско-кар. *луз'икка*,
 фин. *lusikka* то же;

пач' во всех к.-з. диалектах «печь»; ср. вепс. *пäch'*, южно-кар. (ливиковск.) *пäch'ч'и* то же;

пирд удор. «бердо»; ср. вепс. *б'ирд*, кар. *пирда* то же;

раб удор., выч., сыс., луз., к.-перм. «барда» (отбросы после варки су-
 сла); ср. калининско-кар. *раба*, ливиковск. *раба* то же;

сабри н.-выч., удор. «стог сена»; ср. вепс. *сабр*, людииковск. *суабре* то же;

сарйа удор. «плетенка шерстобита»; ср. ливиковск. *сарйа* «плетенка в
 дровнях», *сарйаинэ* «маленькая плетенка для закрывания бочки, кор-
 зинки»;

ч'ап удор. «цеп, молотило», сыкт. «дубец молотила, цепа»; ср.
 вепс. *ч'ап'*, кар. *ч'иаппи* «цеп»;

шалка луз. «берестяная котомка»; ср. вепс. *шоуг* (осн. *шоугу-*), кар.
шалкку «заплечный мешок» и т. д.

Очень рано встретились удмурты и коми и с русскими (коми — не
 позже XI в.). Некоторые русские заимствования в коми языках указы-
 вают на весьма древние фонетические особенности севернорусских гово-
 ров: мягкие *ж* и *ш* (*чашия*, *лыжя* > к. *чась*, *лызь*); сохранение *а* между мяг-
 кими согласными (*ч'эл'ад'*, *л'ад'вей*); наличие двух *о*, по-разному переданных
 в коми языке: открытого (русс. *золото*, к. *зёлота*) и закрытого (русс.
поп, к. *поп*; русск. *порог*, к. *порог*). Некоторые русские заимствования
 на удмуртской почве пережили звуковые изменения, например, переход
 безударного *о* в *у*: *окно* > *укно*, *коса* > *кусо* и т. д.

Дореволюционные русские заимствования в пермских языках часто
 настолько освоены этими языками, что не всегда можно без сравнительно-
 исторического анализа установить их связь с русским оригиналом. Тем
 более, что оригиналом этих заимствований являются севернорусские или
 древнерусские слова, не употребляемые в современном русском литера-
 турном языке.

Приведем несколько таких примеров из коми-зырянского литератур-
 ного языка:

гач «штаны, брюки»; ср. севернорусск. *гачи*;

гырнич «глиняный горшок»; ср. др.-русс. *гърниць*;

лабич «лавка вдоль стены»; ср. севернорусск. *лавица*;

лясни «ясли (в хлеву)»; ср. севернорусск. *лесни* «ясли»;

чача «игрушка»; ср. севернорусск. *чеча*;

грезд «деревня»; ср. севернорусск. *грозд*, *грезд* «кучка, кисть плодов»

и т. д.;

став «весь, все, всё»; ср. др.-русс. *ставъ* «состав, сонм (множество)»;

скёр «сердитый»; ср. русск. *скор* «быстрый, скорый» и т. д.

Русский язык оказал особенно сильное влияние на лексику
 пермских языков, в результате чего эти языки за период тысячелетнего
 соседства с русским обогатились сотнями слов. Особенно много заим-
 ствований появилось после революции (*комсомол*, *пионер*, *партия*, *сель-
 совет*, *колхоз*, *ударник*, *самолет*, *трудолюбь*, *трактор*, *комбайн*, *Советский
 Союз*, *центр*, *район*, *пятилетка*, *Верховный Совет*, *строй*, *сельсовет*, *де-
 путат*, *форма*, *председатель*, *исполком*, *вождь*, *героической*, *километр*,
метр, *килограмм*, *кадр* и т. д.). Заимствования из русского языка значи-
 тельно обогатили пермские языки, дав возможность обозначить самые
 разные отвлеченные и научно-политические понятия.

6

Рассматривая лексику пермских языков с точки зрения ее происхождения, мы особое внимание обратили на исконный финно-угорский словарный фонд и словарные заимствования, происходившие в разные периоды развития этих языков. Мы выявили в словаре пермских языков ряд слоев хронологического порядка. Наиболее мощным слоем в пермских языках являются словарные заимствования из языка великого русского народа.

Однако не следует думать, что развитие словарного запаса, обогащение его новыми словами происходит только путем заимствования из соседних языков. Прежде всего, поступательное движение как языка в целом, так и его словарного состава происходит по внутренним законам развития, «... путем разворачивания и совершенствования основных элементов существующего языка»³⁶. Ведущими способами образования новых слов из элементов существующего языка служили и служат суффиксация и сложение слов. Факты современных пермских языков свидетельствуют о том, что эти способы образования в прошлом, начиная с глубокой древности, находили широкое применение. Примеры: удм., к.-з. *кызь*, морд. *комэс'*, *комс'*, хант. *кос*, манс. *кус*, венг. *hűsz* «двадцать»; это слово первоначально состояло из двух корней со значением «два» и «десять» и обозначало «два десятка»; первая часть восходит к слову **к8кт*³⁷ «два», а вторая — к **т8с* «десять» (последнее сохранилось в полном виде не только в морд. *комэс'* «двадцать», но и в следующих словах: к.-з. *к8къямыс*, удм. *тямыс* (в удмуртских памятниках XVIII в. *кыкъямыс* «восемь», т. е. «без двух десятъ»), к.-з. *8жмыс*, удм. *укмыс* «девять», т. е. «без одного десятъ»).

к.-з. *эз-ысь*, удм. *аз-весь*, венг. *ezüst* «серебро» в древности обозначало, повидимому, «белая бронза, белый металл и т. п.»; ср. удм. *аз-* «белый» в слове *аз-из* «белый камень» (*из* «камень»); второй части пермских слов — к.-з. *-ысь*, удм. *-весь* соответствуют венг. *vas* «железо», фин. *vaski* «медь», эст. *vas'ке* «медь, латунь», лив. *vas'k* «руда, медь», мокша-морд. *ус'ка* «проводака»; слово *ысь-весь*, фигурирующее также в к.-з. *оз-ысь*, удм. *уз-весь* «олово, свинец», обозначало какой-то металл; первая часть этих слов указывала на качество металла. Образование приведенных сложных слов относится, безусловно, к глубокой древности — к эпохе более ранней, чем эпоха пермского языка-основы.

В качестве примеров образования сложного слова в период пермского языка-основы могут служить удм. *корка*, к.-з. *керка*, к.-перм. *керку* «изба», состоящие из двух частей: *кор-*(*кер*) «бревно» и *ка* (*ку*) «шалаш, жилище»; вторая часть слова, появляющаяся также в к.-з. *вичко*, к.-перм. *вичку* «церковь» (первоначально «жертвенный шалаш»), сохранилась и в виде отдельного слова: удм. *куа*, *куала* «шалаш», к.-з. *кола* «шалаш рыбака, охотника», морд. *куд*, венг. *ház* «изба, дом».

Сложение слов находит широкое применение и в период раздельной жизни пермских народов, например: удм. *ымныр* «лицо» (*ым* «рот», *ныр* «нос»); к.-з. *нырвом* «лицо» (*ныр* «нос», *вом* «рот»); удм. *кышномурт* «женщина» (*кышино* «жена», *мурт* «человек»); к.-з. *нывбаба* «женщина» (*ныв* «девушка», *баба* «жена»); к.-з. *эмбур* «имущество» (*эм* «есть, имеется», *бур* «добро») и т. п.

Пермские языки весьма богаты словообразовательными суффиксами. Часть суффиксов потеряла свою продуктивность, сохранившись лишь в не-

³⁶ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

³⁷ Знаком 8 обозначается неизвестный гласный звук, гласный звук вообще.

многих словах в застывшем виде. Рост лексического запаса слов происходил в финно-угорских языках, начиная с древнейших времен, путем суффиксального словообразования. Многие словообразовательные суффиксы пермских языков восходят к финно-угорскому языку-основе, например:

1) суффикс *-м*: удм. *улэм*, к.-з. *олём* «жизнь» (удм. *ул-*, к.-з. *ол-* «жить»); морд. *удомо* «сон» (*удо-* «спать»); венг. *álot* «сон» (*al-* «спать») и т. д.;

2) суффикс *-с* (из-*кс*): удм. *котырес*, к.-з. *гöгрöс* «круглый»; фин. *vereke-* «кровенной» (*vere-* «кровь»); венг. *erös* «сильный» (*erö* «сила») и т. д.;

3) уменьшительный суффикс *-нь*: к.-з. *векни* «узкий» (ср. удм. *векчи* с другим суффиксом); морд. *кудн'э* «домик» (*куд* «дом»); венг. *vekonny* «тонкий» и т. д.

Мы ограничимся этими примерами. Общефинноугорских словообразовательных суффиксов насчитывается свыше двух десятков. В пермских языках часть прежних суффиксов потеряла свою продуктивность, сохранившись лишь в немногих словах в застывшем виде, например: удм., к.-з. *вурьс* «шов» (*вур-* «шить»); удм. *пелес* «ушко в лапте»; к.-з. *пельöс* «угол» (удм., к.-з. *пель* «ухо») и т. д.

Мы привели лишь некоторые иллюстрации обогащения словарного состава пермских языков; при этом мы коснулись лишь сложения слов и суффиксации. В пермских языках можно выявить сотни и тысячи сложных и производных слов, образованных в разные периоды жизни этих языков. Имеется возможность путем сравнительно-исторического анализа установить определенные лексические слои хронологического порядка и тем самым поставить историческую лексикологию на твердые основы. К сожалению, история пермских языков еще ждет своего исследователя.

При развитии «словарного запаса» проявляется и целый ряд других способов «развертывания и совершенствования элементов существующего языка». В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из коми-зырянского литературного языка на неологизмы советской эпохи, в течение которой лексика языка коми претерпела исключительно большие изменения, ибо коренные изменения в структуре общества, в хозяйстве и культуре его вызвали к жизни сотни новых слов. Часть этих слов, как уже говорилось выше, заимствована из русского языка. Другая часть образована средствами родного языка. В качестве основных способов образования неологизмов из материала родного языка нужно считать (применительно к коми-зырянскому литературному языку) следующие:

Неологизмы образованы путем сложения слов: *изиом* «каменный уголь» (*из* «камень, каменный», *шом* «уголь»); *бөрöкoльöм* «отсталый», буквально: «позади оставшийся» (*бөрö* «назад», *кольöм* «оставшийся»); *водзынмуньс* «передовой», буквально: «впереди идущий» (*водзын* «впереди», *муньс* «идущий»); *вöрлэдзöм* «лесозаготовка», буквально: «спуск леса» (*вöр* «лес», *лэдзны* «спускать, т. е. возить к реке»); *подув пуктысь* «основатель» (*подув* «основа, подножье», *пуктысь* «кладущий, положивший»); *ставсоюзса* «всесоюзный» (*став* «все», *союзса* «союзный»); *серпас* «рисунок» (*сер* «узор, пестрота», *пас* «знак») и т. д.

Новые слова образованы путем суффиксации: *индöд* «указание» (*инд-* «указывать»); *ломтас* «топливо» (*ломт-* «топить»); *тöдчанлун* «значение», *тöдч-* «быть заметным, ощутимым», *тöдчан* «заметный, ощутимый», *лун* — суффикс, посредством которого образуются от качественного прилагательного существительные); *позянлун* «возможность» (*позьö* «можно», *позьны* «быть возможным»); *чукöстчöм* «призыв» (*чукöстчыны* «подать голос»); *кыптöм.лун* «подъем» (*кыптыны* «подниматься, возвышаться»).

Изменение значения слов (употребление слов конкретного значения в абстрактном значении): *котыртны* — прежнее значение «соединить разрозненное», современное литературное «организовать»; *дзоридзавны* — обозначало «цвести» (о ягодах), в литературном языке обозначает также «вообще цвести, расцветать, процветать»; *вынйёр* «сила» > «сила, мощь» (например, государства); *овмёс* «имущество, крестьянское хозяйство» > «всякое хозяйство» (сельское хозяйство, социалистическое хозяйство); *тыртны* «выполнить» (план) — раньше *тыртны* обозначало «заполнить»; *уджавны* «работать, функционировать» (об учреждении) — раньше *уджавны* обозначало «выполнять физическую работу»; *видзму* — раньше имело значение «обрабатываемая земля, поля и покосы», теперь «сельское хозяйство»; *юкён* — раньше обозначало «доля, часть», теперь приобрело новое значение «отрасль»; *жугодны* — «разбить что-нибудь материальное» (посуду, стекло и т. п.), теперь приобрело отвлеченное значение «разбить, уничтожить» (например, врага); *зильны* — обозначало «стараться», стало обозначать также «стремиться» (*зильём* «стремление»); *пёртны* (*олёмё*) — «осуществить, провести в жизнь», буквально: «превратить в жизнь»; *подув* — «подножие» > «основа».

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с организацией автономных административных единиц в процессе формирования удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой социалистических наций происходит перемалывание территориальных диалектов в едином национальном языке. Лексические диалектизмы в литературных языках этих народов и с п о л ь з о в а н ы в широкой мере. Приведем примеры из коми-зырянского литературного языка: наряду со словами *кось* «драка», *косясьны* «драться» из сыктывкарского диалекта, легшего в основу литературного языка, в литературе употребляются диалектные синонимы этих слов *тыш*, *тышкасьны*, но в несколько ином значении — «бой, битва» и «сражаться, бороться»; наряду с сыктывкарским *перыны* «извлечь, вытащить, добыть» употребляется диалектный синоним этого слова *шедёдны* в более отвлеченном значении «добиться» (например, успехов), «получить» (например, образование). Следующие диалектные слова взяты в литературный язык без больших изменений в значении: *чолём* «привет», *чолёмавны* «приветствовать», *ёрт* «товарищ», *сюрс* «тысяча», *эскыны* «верить» (создано производное слово *эскёдны* «заверить»), *шензыны* «удивляться» и т. д. Некоторые из этих слов употребляются в литературном языке как синонимы слов сыктывкарского говора, например *веритны* и *эскыны* «верить», *дивуйтчыны* и *шензыны* «удивляться», *тысяча* и *сюрс* «тысяча» и т. д. Из приведенных примеров уже видно, какую важную роль играют лексические диалектизмы в деле обогащения словаря литературного языка младописьменных народов.

7

В литературных языках пермских народов, как и в других языках СССР, после Октябрьской революции произошли громадные изменения. Особенно большие изменения произошли в словарном составе и в семантике слов. К сожалению, изучением этих изменений пермских языков до сих пор никто серьезно не занимается. Не организовано и изучение лексики более раннего периода в аспекте сталинского учения об основном словарном фонде и словарном составе; между тем с момента появления письменности возможно проследить изменение словарного состава языка в более широких масштабах, чем это мы сделали, путем сравнительно-исторического анализа заимствований сложных и производ-

ных слов. Словарный состав языка постепенно обновляется, одни слова выходят из употребления, появляются другие.

В памятниках древнепермской письменности (XIV—XVII вв.) мы находим ряд таких слов, которых современный язык коми не знает (*кэжас'ан* «надежда», *йорд'йалны* «судить», *пблтос* «дух», *вэр* «раб», *кэжалны* «ожидать», *вис'* «жертва», *ури* «мир, согласие», *мылём* «милость», *вэлмös'с'ыны* «явиться», *мезös* «спаситель» и др.); у ряда слов, по сравнению с древнепермским языком, в современном языке изменилось значение (*вöйпны* др.-перм. «говорить», соврем. коми— «хулить»; *вомыз'ас'ны* др.-перм. «удивляться», соврем. коми «заболеть от глаза»; *гаж* др.-перм. «желание», соврем. коми «веселье»; *мыж* др.-перм. «грех, долг», соврем. коми— «вина, провинность» и т. д.). В словарях удмуртского и коми языков, составленных в XVIII—XIX вв. (Савваитов, Лыткин, Рогов, Видеман), мы встречаем немало слов, теперь не употребительных.

Приведенный нами материал показывает, что история языка может пролить свет на происхождение и формирование народа и на его родственные связи с другими народами, восстановить существенные черты прошлой культуры, показать, с какими народами был связан данный народ, какие культурные влияния испытал он с их стороны и какое влияние оказал на них сам. Весьма видное место при разрешении этих вопросов занимает историческая лексика, ибо лексика исключительно тесно связана с историей народа, она является показателем уровня развития языка в целом на любом историческом этапе жизни народа.

В результате многовекового развития пермские языки, в частности их словарный состав, настолько обогатились, что стали могучим орудием социалистического строительства: пермские народы, как и другие народы СССР, на родном языке читают труды основоположников марксизма-ленинизма, классиков русской литературы и оригинальные романы, повести, поэмы, имеют свою периодическую печать, слышат родную речь на сцене, по радио и т. д. Несомненно, что в период постепенного перехода от социализма к коммунизму развитие этих языков пойдет еще более быстрыми темпами, ибо Коммунистическая партия и Советское правительство создали все условия для развития и расцвета национальных культур и национальных языков в нашей стране.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

О КУРСАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В связи с необходимостью улучшения подготовки наших языковедческих кадров надо признать вполне своевременной постановку вопроса о содержании и объеме курсов языкознания в высших учебных заведениях.

Нижеследующие соображения относительно курса «Общее языкознание» являются результатом научной и методической работы кафедры общего языкознания Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко за последние два года. Здесь предлагаются для обсуждения:

1. Названия основных курсов кафедры общего языкознания с распределением их по годам обучения.
2. Критические замечания относительно программы курса «Общее языкознание» (1952) и соображения по поводу желательного содержания и объема такого курса.
3. Выводы относительно содержания курса «Общее языкознание».

*

Программы курса «Общее языкознание» для филологических факультетов университетов (1951—1952 гг.)¹ необычайно перегружены материалом, который имеет отношение прежде всего к истории языкознания. Ясно, что весь этот материал невозможно изложить в течение отведенного для этого курса времени. Поэтому от курса «Общее языкознание» следует отделить, как специальный курс, «История языкознания» (который до сих пор известен у нас под названием «История лингвистических учений»), а также исключить из него элементы повторы уже пройденного в курсе «Введение в языкознание». Только в таком случае будет возможным последовательное изложение и без того огромного материала, относящегося к строению языкознания, к его наиболее актуальным проблемам и к приемам исследования языкового материала. Весьма желательно было бы также разгрузить этот итоговый

¹ В настоящее время мы располагаем только двумя программами курсов по языкознанию для филологических факультетов государственных университетов. Мы имеем в виду: 1) Программу курса «Введение в языкознание» авторского коллектива (проф. Чикобава А. С., акад. Виноградов В. В., проф. Ярцева В. Н., канд. филол. наук Серебренников Б. А., канд. филол. наук Коендрашов Н. А., отв. ред. акад. Виноградов В. В.), изд. МГУ, 1952 и 2) Программу курса «Общее языкознание» проф. А. С. Чикобава, отв. ред. акад. В. В. Виноградов, изд. МГУ, 1952. В дальнейшем у нас речь будет идти главным образом о второй программе, которая, надо сказать, удовлетворяет нас в меньшей степени, нежели первая.

курс введением специального курса «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков».

Все названные курсы могут быть расположены на филологических факультетах университетов в таком порядке: первый год — «Введение в языкознание», второй год — специальный курс «Общая фонетика», третий год — специальный курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков», четвертый год — специальный курс «История языкознания» и пятый год — «Общее языкознание».

Едва ли здесь нужно много говорить о значении курса «Общая фонетика» для обобщения опыта практического изучения звуковых систем языков. У нас для него теперь есть такие руководства, как, например, «Введение в общую фонетику» М. И. Матусевич (Л., 1948).

Известно, что в курсе «Введение в языкознание» вопросам общей фонетики уделяется очень мало места. Между тем для слушания курса сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, для слушания курса истории языкознания и для изучения вопроса о методах в языкознании (в курсе «Общее языкознание») необходима основательная подготовка в области общей фонетики.

Необходимость специального курса «Общая фонетика» обуславливается и тем, что среди других языковедческих курсов этот курс занимает особое место: во-первых, он содержит значительный материал по анатомии человека и по акустике и, во-вторых, он непременно предполагает различные виды слуховой тренировки слушателей, в том числе и практические занятия с использованием различных видов фонетической транскрипции.

Таким образом, цель курса «Общая фонетика» состоит в следующем:

- 1) Дать понятие о звуковых возможностях речевого аппарата и об общих приемах классификации звуков (подробнее, чем это делается в курсе «Введение в языкознание»).
- 2) Разъяснить все основные фонетические понятия и их соотношения, в том числе соотношения звука речи и фонемы.
- 3) Подготовить студента к научному изучению устной речи, к преподаванию фонетики различных языков.
- 4) Специально заняться вопросами соотношения звука и буквы, соотношениями между звуковыми системами языков и их орфографиями.
- 5) Создать основу для записей еще не изученных языков и диалектов.
- 6) Подготовить аудиторию к пониманию исторических изменений звуковых систем языков.

Отсутствовавший в учебных планах университетов до лингвистической дискуссии 1950 г. курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков» сейчас должен быть восстановлен в своих правах в качестве обязательного курса для языковедов. Естественно, что этот курс требует от слушателей знакомства не только с новыми, но и с древними языками (старославянским, готским, латинским, древнегреческим, санскритом)².

Курс «История языкознания» не является новым в наших высших учебных заведениях. Необходимость его в настоящее время диктуется, кроме прочих соображений, еще и тем, что ни во «Введении», ни в «Общем языкознании» нет систематического изложения истории науки и не уделяется должного внимания приоритету отечественной науки и основным достижениям советского языкознания³.

² К сожалению, для этого курса у нас еще нет необходимых пособий. Но мы думаем, что до создания их нашими советскими языковедами можно было бы воспользоваться (с соответствующими добавлениями) книгой А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», М.—Л., 1938.

³ Отсутствие учебных пособий для данного курса тем более требует от нас систематического изложения относящегося к нему материала.

*

Большим неудобством рассматриваемой программы курса «Общее языкознание» является ее «концентрическое» строение, при котором к одному и тому же вопросу приходится возвращаться по нескольку раз.

Ср., например, § 13 — «Основные положения марксистско-ленинского понимания сущности, происхождения и развития языка» и т. д. и § 18 — «Происхождение языка. Место проблемы в советском языкознании» и т. д.; §§ 26—30 о фонетике, морфологии и синтаксисе в разделе «Специальные методы языкознания» и § 31 — «Строение языкознания», — где опять идут фонетика, морфология, синтаксис, а также лексикология, этимология (как особый раздел языкознания) и стилистика. Можно ли о последних говорить мимоходом, как о чем-то уже хорошо известном?

Критика вульгарно-социологических и грубо-идеалистических теорий Н. Я. Марра может быть дана в курсах «Введение в языкознание» и «История языкознания» (отчасти и в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»), и к ней уже можно не возвращаться, во всяком случае в том объеме, как это предлагается в рассматриваемой программе, в итоговом курсе «Общее языкознание».

Несомненно, что в этом заключительном курсе следовало бы осветить основные достижения нашего советского языкознания, развивающегося в тесной связи с марксистско-ленинской теорией и с практикой социалистического строительства⁴.

Полное недоумение в рассматриваемой программе вызывает раздел «Литература», состоящий из двух названий. Почему, собственно говоря, для студентов первого курса рекомендуются некоторые специальные пособия по общему языкознанию (см. программу «Введение в языкознание», 1952), а для студентов пятого курса, которым, казалось, можно было бы рекомендовать литературу в гораздо большем объеме, упомянуты только такие источники, основательное знакомство с которыми от этих самых студентов требовалось еще на первом курсе? Конечно, в такой, обильной материалом, программе должна быть дана соответственная библиография, содержащая также произведения, предлагаемые для критического использования.

Таким образом, по нашему мнению, рассмотренная здесь программа должна быть в значительной мере видоизменена и соответственно ей должен быть и перестроен весь курс «Общее языкознание».

Прежде всего эта программа должна быть сокращена по общему объему материала. За установившиеся в практике для курса «Общее языкознание» 36 часов можно изложить в лучшем случае только ту часть данной программы, которой она наиболее отличается от программы курса «Введение в языкознание», а именно раздел «Специальные методы языкознания», исключая обширный материал по истории науки с середины XIX в. и до наших дней.

Слишком много места в программе курса «Общее языкознание» отведено не только для критики вульгарно-социологических теорий Н. Я. Марра, но и для изложения их в связи с критикой. Что же касается критики понятия «приобретенного родства», которое встречается в трудах Н. С. Т р у б е ц к о г о, то ей место, конечно, в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»⁵.

⁴ Ср. статью «Тридцать пять лет Октября и советское языкознание» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 7—24.

⁵ См. N. S. T r u b e t z k o y, Gedanken über das Indogermanenproblem. (Доклад, прочит. 14 декабря 1936 г. в Праге), «Acta Linguistica», v. I, f. 2, Copenhagen, 1939, стр. 81—89.

Что подразумевается в программе курса «Общее языкознание» под пунктом: «„Значение“ и „ценность“ в системе языка» (§ 15)? Если «ценность» надо понимать как субъективную оценку фактов и явлений известного языка (какого: своего родного или чужого?), то едва ли стоило вносить такой пункт в программу. Мне может казаться что-либо хорошим, например, в звучании слова потому, что таким я считаю его по значению, или мне кажется что-либо хорошим только по звучанию, независимо от его значения: не такой ли смысл этого пункта? Однако надо полагать, что слово «ценность» использовано здесь не в том смысле, в каком мы употребляем его в русском языке, но в значении французского слова *valeur* при противопоставлении его *signification*⁶. Так, например, некоторые языковеды считают, что личное местоимение *я* в каждом «контексте» и «конситуации» может приобретать новое значение (в зависимости от того, кто оказывается в положении первого лица единственного числа), но всегда имеет одну и ту же «стоимость» (т. е. первое лицо единственного числа, а не какое-нибудь другое лицо иного числа).

Идя по этому же пути, можно доказывать, например, что собственное имя *Иван* тоже имеет свои «значения» (их столько, сколько людей с этим именем) и свою «стоимость» (мужское собственное имя). Разумеется, языковеды интересуются не подобными «контекстуальными» и «конситуационными значениями», а «стоимостями», которые и являются с л о в ы м и з н а ч е н и я м и слов и словосочетаний, основных единиц высказывания и сообщения. Если в программе стоило упомянуть о «ценности» (соответственно «стоимости»), противопоставляемой «значению», то только для того, чтобы предупредить слушателей о невозможности и нежелательности подобного противопоставления.

Не удовлетворяет нас после классических определений сущности языка в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» еще одно дополнительное и, мы сказали бы, компромиссное, подправляющее кое в чем определение, данное в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра: «... язык как система знаков, физических по материалу (звук), социальных (коллективных) по значимости (значению? — А. Б.) и использованию (средство общения)»⁷.

В этой связи загадочным остается в программе курса «Общее языкознание» (§ 14) следующий пункт: «Идеалистическое и материалистическое понимание языка как системы знаков».

Язык как общественное явление, в котором объяснить что-либо можно только ссылками на историю каждого факта, конечно, коренным образом отличается от любой «системы знаков».

К любой «системе знаков», например арифметических, можно прибавить новые знаки, выбросить за ненадобностью старые, изменить форму знаков по соглашению между пользующимися такой системой. Язык же во много раз сложнее любой системы знаков, и составные части его исторически обусловлены, а не включены в одну систему по соглашению между пользующимися данным языком для взаимного понимания, для общения.

⁶ См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 77 и сл. и стр. 112 и сл.

⁷ К стати сказать, мы считаем неуместными в программе «Общее языкознание» такие неудачные «транскрипции» греческих слов, как данные в этом же параграфе «фюзей» и «тезей» (надо было, если нежелательно использовать здесь греческий шрифт, дать хотя бы латинскую транслитерацию: 'physei — 'thesei). Во всяком случае, здесь не обойтись без указания места ударения в транскрибированных или транслитерированных формах.

Диалектико-материалистическое понимание языка мы, естественно, находим у классиков марксизма-ленинизма, но они нигде не определяют язык как «систему знаков». Очевидно, под «материалистическим пониманием языка как системы знаков» в программе подразумевается по существу не законченная в нашей печати дискуссия о «знаковости» в языке⁸.

Так же, как в отношении термина «система», надо сделать оговорку в отношении термина «структура». Если речь идет о «структуре языка», то в современном нам буржуазном зарубежном языкознании под этим термином подразумевается некая отвлеченная взаимосвязь составных частей языка, определяющая именно данный язык, но не как реальность, а как схему (это будет система «чистых отношений в языковой схеме независимо от проявлений или реализации ее»). Напротив, в нашем советском языкознании структурой языка, его строением или строем называется самое основное в языке, его грамматический строй и его основной словарный фонд: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»⁹. Можно предположить, что в названной программе слово «система» (соответственно — выражение «система языка» §§ 15, 25, 31) употребляется в смысле противопоставления данного состояния языка пройденным ступеням его развития. Если это действительно так, то необходимо подчеркнуть в курсе «Общее языкознание» различие понятий, выражаемых термином «система» в советском и в буржуазном зарубежном языкознании. Надо указать на то, что термин «система» в упомянутом выше его понимании нельзя считать синонимом термина «структура» в том понимании, в котором мы находим его у так называемых структуралистов¹⁰.

В нашем советском языкознании, которое последовательно соблюдает принцип историзма, «система языка» не может пониматься как нечто законченное, завершенное, неизменное, замкнутое в самом себе и независимое от развития коллектива, пользующегося этой «системой».

Совершенно очевидно, что в курсе «Общее языкознание» значительное место должно быть отведено вопросу о «специальных методах языкознания», среди которых следует выделить сравнительно-исторический метод как совокупность приемов, обеспечивающую нам исторический подход к языку.

В программе курса «Общее языкознание» вопрос о сравнительно-историческом методе занимает два параграфа (§§ 21, 22), с чем мы согласились бы, если бы до слушания названного курса студенты могли иметь возможность выслушать специальный курс — «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков». Едва ли, однако, можно согласиться с тем, что столько же параграфов (см. §§ 23, 24), сколь-

⁸ См. А. С. Чико́ва, Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке, «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 22—39; Б. А. Се́ребреннико́в, Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 245—288; Е. М. Га́лкина-Федо́рук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 3—11.

⁹ И. Ста́лин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 26.

¹⁰ Основы структурализма весьма последовательно со структуралистической же точки зрения изложены в «Очерке общего языкознания» Т. Милевского (см. T. Mi-lew-ski, Zarys językoznawstwa ogólnego, część. I, Teoria językoznawstwa, Lublin — Kraków, 1947).

ко было посвящено вопросу о сравнительно-историческом методе, надо посвящать вопросу о так называемом «палеонтологическом методе анализа по четырем элементам». «Метод гадания на кофейной гуще» едва ли может быть назван собственно совокупностью приемов научного исследования наряду со сравнительно-историческим методом, которому, несмотря на его ограниченность, в значительной мере зависящую от качества и полноты исследуемого материала, — классики марксизма-ленинизма дали высокую оценку.

Нельзя согласиться также с тем, что «специальному методу статического анализа» отведен всего лишь один параграф, смысл которого в том, что применение этого метода наталкивается на большие трудности и что вопрос об этом методе вообще еще не решен. Что такое «статический метод» наряду со сравнительно-историческим методом? «Статический метод» — это совокупность приемов описания языков.

Невозможно применять сравнительно-исторический метод к тем языкам, которые предварительно не были уже научно описаны. Отсюда понятно, что приемы научного описания языков имеют большое значение для нашей науки. Нет сомнения в том, что эти приемы описания неправильно называются «статическим методом». Это название непосредственно связано с предложенным в свое время Ф. де Соссюром разделением языкознания на «статическую» (соответственно — внутреннюю и синхроническую) и «динамическую» (соответственно — внешнюю и диахроническую) лингвистику. Наше советское языкознание, основанное на общем методе материалистической диалектики с его историзмом, не признает такого разграничения областей исследования в науке о языке. Однако этим нисколько не уменьшается значение совокупности приемов научного описания языков, без которого невозможной была бы не только сравнительно-историческая, но и нормативная грамматика каждого языка.

В рассматриваемой программе (см. § 9) подчеркивается «нерешенность основных вопросов статического анализа системы языка». Если бы с этим можно было согласиться, то едва ли нас могла бы теперь удовлетворить какая-нибудь из ныне существующих нормативных грамматик. Следует признать, что с описанием языков дело обстоит не так катастрофически, как это можно предположить на основании данной программы. Неужели все достижения инструментальной или экспериментальной фонетики не дают теперь нам возможности достаточно обстоятельно и последовательно описывать звуки и звуковые типы (фонемы) изучаемых языков?

Надо полагать, что и в описании грамматического строя языков (учитывая к тому же тесную связь фонетики с морфологией и с синтаксисом) имеются определенные достижения, обусловленные тем, что нам доступен теперь обширный материал различных языков мира. Это наше преимущество, например, перед древнегреческими и древнеиндийскими грамматиками.

При описании родного языка мы можем использовать прием сравнения его с чужими языками (как родственными, так и неродственными) и, наоборот, при описании чужих языков всегда можем воспользоваться опытом изучения родного языка. Само собою разумеется, что совокупность приемов, применяемая в настоящее время для описания языков, нуждается в дальнейшем уточнении и усовершенствовании. Именно это обстоятельство заставляет нас высказать свое убеждение в том, что приемам «синхронического описания» (эпитет «синхронический» является более подходящим в данном случае, чем «статический») надо уделить должное внимание в курсе «Общее языкознание» и особенно в желательных для этого курса практических занятиях.

Общее языкознание немислимо без ознакомления изучающих его с языками различного грамматического строя. Мы думаем, что уже прошло то время, когда с проблемами языкознания знакомились только на материале родного языка. Совершенно ясно и то, что все эти проблемы не могут решаться в пределах одного какого-либо языка, даже при учете его разновидностей и его документальной истории¹¹.

Ценность приобретенных теоретических знаний особенно станет наглядной для студентов-языковедов, когда они смогут проверить свои знания на практике. Среди возможных видов практики у них должна быть и такая, как научное описание определенного языкового материала. Такое описание может быть прекрасной темой курсовой или дипломной работы.

Остальные параграфы раздела «Специальные методы языкознания» (§§ 26—30), как упоминалось выше, связаны уже не с вопросами о приемах исследования, но с отделами языкознания (фонетика, морфология, синтаксис), с определением грамматических категорий (части речи, члены предложения, слово, словосочетание, синтагма, предложение и т. д.), а также с историей науки.

Здесь вновь перед нами обычный для общих курсов калейдоскоп собственных имен: Потебня, Пешковский, Фортунатов, Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов (ср. § 27); Вундт, Иерузалем, Бренгано, Марбе, Пауль, Дельбрюк, Свит (может быть, Суит? — А. В.), а также — Петерсон, Будде, Державин и еще раз некоторые из уже названных выше. Между прочим, вместо того чтобы в разделе «Специальные методы языкознания» нашего курса «Общее языкознание» просить студентов не путать «статического» метода со «статистическим» методом, почему не сказать им о том, что в нашей науке действительно существует и находит многообразное применение прием подсчетов, т. е. «статистический» метод?

Действительно, студентам полезно было бы знать, что калькуляция бывает нужна не только, например, в фонетике, в морфологии, в синтаксисе, в лексикологии, но даже в стилистике, при изучении особенностей языка авторов или их произведений. Здесь же можно было бы предупредить их о возможных методологических ошибках при злоупотреблении статистическим методом.

Важные общие положения о применении статистического метода для определения степени родства языков разработал в свое время известный польский языковед Я н Ч е к а н о в с к и й¹².

Часто, однако, применение статистического метода в такой области, как установление степени родства языков, не дает ничего нового при сопоставлении с уже известным из сравнительно-исторической грамматики и документальной истории языков¹³.

Странным образом из программ курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» выпало такое важное для нашей науки понятие, как понятие «ф о р м ы с л о в а». Относительно его определения нам едва ли нужно здесь говорить теперь, когда нашим читателям известна итоговая статья «О формах слова» акад. В. В. Виноградова¹⁴.

¹¹ Мы считаем, что исключительно ценным пособием для изучения общего языкознания являются брошюры из серии «С т р о й я з ы к о в», изданные Ленинградским государственным университетом. Остается лишь пожалеть, что в этой прекрасной по своему замыслу серии не было издано описаний грамматического строя языков народов и народностей Советского Союза.

¹² J. C z e k a n o w s k i, Na marginesie recenzji P. K. Moszyńskiego o książce: Wstęp do historii Słowian, «Lud», serja II, t. VII, zeszyt I—IV, Lwów, 1928, стр. 41—56.

¹³ См., например, «Language», v. XIII, Baltimore — 2, Md., 1937, стр. 83—103.

¹⁴ См. В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», М., 1944, вып. 1, стр. 31—44.

В первой из названных программ о слове говорится (§§ 9—11) в связи с семантикой и лексикологией, а во второй (§§ 26, 27) — в связи со «специальными методами языкознания», где, правда, имеется абзац: «Учение о слове и частях речи в русской грамматической литературе» (Потебня, Пешковский, Фортунатов, Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов). При этом указывается на «невозможность единого морфологического определения слова для языков различного морфологического строя» (§ 27). Ну, а разве возможно такое же, например, фонетическое или синтаксическое определение? Кроме того, если невозможно единое для всех языков определение (разумеется, не одностороннее, а многостороннее), то разве уже есть у нас бесспорные определения слова для отдельных языков?

Неудачным — даже в стилистическом отношении, а не только по общему смыслу — является определение предмета синтаксиса (§ 30 той же программы): «Учение о строе сочетания слов как предмет синтаксиса». Известно, что ведению синтаксиса подлежат не только сочетания слов в предложении, но и сочетание предложений: например, главных и придаточных. Что такое «строй сочетания», остается непонятым. Как понимать в программе «Общее языкознание» (§ 31) противопоставление «функциональных и структурных понятий языкознания» (их характер и взаимоотношение)? Что может дать нам такое противопоставление и какие «функции» и «структура» имеются в виду?

Мы, конечно, понимаем, что оба названных в программе термина не следует смешивать с их однозвучными соответствиями в зарубежном буржуазном языкознании (где «функция» употребляется в математическом значении — «величина, изменяющаяся по мере изменения другой величины, так называемого аргумента», и «структура» — в уже упомянутом значении: нем. *Gestalt*, франц. *structure*, англ. *structure* и *pattern*).

Но если даже понимать «функцию» в смысле «действия, употребления, применения, использования», а «структуру» в смысле «строения, строя», то разве не будет большинство наших терминов одновременно и «функциональными», и «структурными»?

Так, например, такой термин, как морфема, не будет ли одновременно «структурным» (если мы говорим, что слово в индоевропейских языках может состоять из таких морфем, как префикс, корень, словообразовательный суффикс и формообразовательный суффикс) и «функциональным» (если мы говорим, что морфема, называемая корнем, выражает понятие вообще или лексическое понятие, а прочие морфемы могут выражать специальные грамматические понятия)?

Наконец, если под структурными терминами подразумеваются такие, как фонетика, морфология, синтаксис, лексикология, семантика, а под функциональными такие, как фонема, морфема, синтагма, предложение, слово, словосочетание, понятие, смысловое значение и т. д., можно было просто указать на то, что в нашей науке одними терминами называются разделы науки, а другими — те факты и явления, которые в каждом разделе изучаются.

*

Таким образом, мы полагаем, что заключительный в ряду языковедческих курсов курс «Общее языкознание» должен состоять из таких основных разделов:

1. Изучение проблем общего языкознания в свете основополагающих трудов классиков марксизма-ленинизма.

2. Основные достижения советского языкознания после дискуссии 1950 г. и обзор новейшей литературы по общему языкознанию.

3. Марксистский диалектический метод как основной метод всякого научного исследования и специальные методы: а) сравнительно-исторический, б) описательный («статический»), в) статистический, г) метод эксперимента, о котором писал акад. Л. В. Щерба, и д) прочие методы.

4. Вопросы планирования и преподавания дисциплин кафедр общего языкознания (элементы методики преподавания общего языкознания).

Для нас нет сомнения в том, что курс «Общее языкознание» должен слушаться теми студентами, которые уже слушали курс «История языкознания».

А. М. ФИНКЕЛЬ

**О СОДЕРЖАНИИ И МЕТОДИКЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ
ПО КУРСУ «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1

В то время как программа курса «Введение в языкознание» разрабатывается в течение многих лет, всё совершенствуясь и улучшаясь, содержание и объем практических занятий по данному курсу никогда еще официально не утверждались, даже если подобные занятия и были предусмотрены учебными планами вузов (что бывало не всегда). Вследствие этого содержание и направление практических занятий по языкознанию всецело зависело от преподавателя — его эрудиции, методической опытности и даже личных склонностей к той или иной лингвистической проблеме. Естественно, что такое положение не может считаться нормальным. Необходимо устранить имеющийся в данной области разрыв, а для этого нужно составить программу практических занятий. Совершенно правы Н. А. Слюсарева и Е. И. Шендельс, заканчивающие свою статью на эту тему словами: «... интересно было бы обсудить не только построение курса „Введение в языкознание“..., но также и содержание и методику проведения семинарских занятий по этому курсу»¹.

В настоящей статье мы представляем на обсуждение наш проект методической разработки содержания и объема практических занятий по данной дисциплине.

2

Первый вопрос, нуждающийся в разрешении, это вопрос о соотношении лекций и практических занятий и о тематике последних. В программах курса «Введение в языкознание» для филологических факультетов государственных университетов издания 1951 и 1952 г. указано лишь число лекционных часов (68); число часов для практических занятий не установлено. В программе 1950 г. для филологических факультетов университетов, пединститутов и институтов иностранных языков даны более детальные указания: лекций — 68 часов, практических занятий — 34 часа. Из этих цифр мы и исходим, с той лишь поправкой, что годовое количество часов равно не 102, а 100 и на практические занятия отводится в связи с этим не 34 часа, а 32. Таким образом, как количество часов, уделяемых лекционному курсу, так и содержание этого курса являются одинаковыми для тех вузов, где предусмотрены практические занятия, и для тех, где их нет (по 2 лекционных часа в неделю круглый год). Это дает возможность всем вузам работать по одной и той же программе (включая сюда и учительские институты).

¹ Н. А. С л ю с а р е в а и Е. И. Ш е н д е л ь с, К обсуждению курса «Введение в языкознание», «Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 103.

Что касается тематики практических занятий, то в программе 1950 г. она распределена следующим образом:

I. Язык как общественное явление	4 ч.
II. Фонетика	10 ч.
В том числе:	
а) классификация звуков	6 ч.
б) звуковые изменения	4 ч.
III. Значение слова и его изменение	4 ч.
IV. Грамматика	12 ч.
В том числе:	
а) классификация аффиксов и классификация основ	4 ч.
б) грамматические категории, части речи	4 ч.
в) формы синтаксической связи слов, части сужде- ния и члены предложения, разнообразие синта- ксического строя предложения в разных языках	4 ч.
V. Классификация языков: морфологическая, генеало- гическая; языки народов Советского Союза	4 ч.
Итого	
34 ч.	

Не все приемлемо в подобном распределении. Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие практических занятий по лексикологии и лексикографии — темам очень важным и не более знакомым студентам, чем фонетика или грамматика. Мало времени уделено ознакомлению с языками мира. А количество времени, уделяемого фонетике и грамматике, слишком велико (в данных масштабах). О содержании занятий будет сказано ниже.

Предлагаем взамен этого такое распределение часов практических занятий:

I. Язык как общественное явление	4 ч.
II. Фонетика	8 ч.
III. Семасиология	2 ч.
IV. Лексикология	2 ч.
V. Лексикография	2 ч.
VI. Грамматика	8 ч.
VII. Языки мира и их классификация	6 ч.
Итого	
32 ч.	

При подобном распределении часов обеспечивается прежде всего проработка всех важнейших частей курса (для которых практические занятия возможны) и соблюдаются, как нам кажется, более правильные пропорции между ними.

3.

Следует поставить и такой вопрос: когда рациональнее проводить практические занятия — после окончания всего лекционного курса или же перемежая лекции и практические занятия так, чтобы соответствующая тема охватывала и то, и другое? Каждая из этих возможностей имеет свои плюсы и минусы как методического, так и организационного порядка.

Не анализируя здесь аргументации того или иного решения вопроса, отметим только, что мы, со своей стороны, склоняемся к мысли, что лекции и практические занятия должны перемежаться, дополняя друг друга, причем практические занятия должны следовать непосредственно за соответствующей лекцией. Например: занятия на тему «Классификация звуков» должны быть проведены не после всей темы «Фонетика», а после лекции, посвященной классификации звуков. Могут быть, конечно, слу-

чай, когда в силу различных причин, главным образом организационного характера, этот порядок будет нарушаться. Однако в принципе желателен именно он, как наиболее целесообразный и полезный.

4

Попытаемся теперь определить непосредственную задачу практических занятий по каждой теме в отдельности, а также их содержание и характер. Было бы громоздко описывать каждое занятие во всех его деталях, да в этом нет и надобности. Поэтому мы позволим себе изложить наши соображения в форме программы с краткими пояснениями.

К числу общих методических требований относится прежде всего следующее: студенты должны заранее знать содержание очередного занятия, перечень основных вопросов, подлежащих рассмотрению, и литературу по данной теме. Иными словами, к каждому занятию должны готовиться не только преподаватели, но и студенты. Только при этом условии занятия будут успешными и плодотворными.

Так как характер занятий зависит от их содержания, то форма их может видоизменяться, о чем несколько подробнее будет сказано ниже.

Следует, наконец, отметить и то, что предлагаемая нами программа занятий является лишь примерной. Иными словами, мы не думаем, что каждое занятие должно обязательно охватить все намечаемые нами вопросы, что преподаватель не вправе ни сократить их количество, ни придать им иную формулировку. Естественно, что в зависимости от данной в каждом отдельном случае ситуации эта программа может быть несколько видоизменена.

Переходим к отдельным темам.

Тема 1-я. Язык как общественное явление — 4 ч.

В лекционной части тема эта охватывает большое количество вопросов². Не все из них могут быть вынесены на практические занятия. Поэтому здесь намечается проработка всего двух вопросов, а именно:

- А. Отличие языка от надстройки 2 ч.
 Б. Язык — явление не классовое, а общенародное . . . 2 ч.

Разработка обоих вопросов достигается детальным изучением соответствующих разделов труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и дополнительной литературы по указаниям преподавателя. Занятия проводятся в форме собеседования преподавателя со студентами.

Примерный круг вопросов здесь таков:

А. *Отличие языка от надстройки*

- 1) К явлениям какого рода относятся базис, надстройка и язык?
- 2) Что такое базис и в чем его специфика? 3) Что такое надстройка и в чем ее специфика? 4) Каково отношение проблемы базиса и надстройки к языкознанию? 5) К явлениям какого рода относил язык Н. Я. Марр и в чем его ошибка? 6) В чем заключаются отличия языка от надстройки: первое отличие, второе отличие, третье отличие, четвертое отличие? 7) Можно ли считать язык явлением промежуточным между базисом и надстройкой? 8) Какие ошибочные следствия вытекали для языкознания из отнесения языка к надстройке?

² См. «Программу по введению в языкознание», М., 1952, разд. II, пп. 1—12.

Б. Язык — явление не классовое, а общенародное

1) Какое содержание вкладывали Н. Я. Марр и его последователи в выражение «классовый язык»? 2) Правомерно ли говорить о классовой дифференциации языка в первобытном, доклассовом обществе? 3) Каково было языковое состояние империй рабского и средневекового периодов и почему такие империи не могли иметь единого общеимперского языка? 4) Какими были языки народностей, входивших в состав подобных империй: классовыми или общенародными? 5) Являются ли национальные языки классовыми или общенародными? 6) Классики марксизма-ленинизма о единстве национального языка. 7) В чем проявляется небезразличное отношение людей (социальных групп, классов) к языку? 8) Жаргоны и местные диалекты, различие между ними и их взаимоотношение с национальными языками. 9) Служит ли наличие жаргонов («классовых» диалектов) доводом в пользу классовости языка? 10) В чем корни ложного понимания языка как явления классового? 11) Определение языка у классиков марксизма-ленинизма.

Тема 2-я. Фонетика — 8 ч.

Из всех вопросов, входящих в данный раздел курса³, на практические занятия целесообразно вынести те, которые содействуют закреплению соответствующего материала, например:

- А. Звуки и буквы. Овладение фонетической транскрипцией 2 ч.
- Б. Классификация гласных и согласных 2 ч.
- В. Звуковые изменения 2 ч.
- Г. Взаимоотношения языка и письма. Принципы орфографии 2 ч.

Здесь больше, чем в других частях курса, может возникнуть соблазн использовать часы практических занятий для тем, не входящих в программу, как, например, для ознакомления студентов с содержанием и приемами экспериментальной фонетики, в особенности там, где имеется соответствующая аппаратура. Нам это не представляется целесообразным. В частности, если в данном вузе имеется кабинет экспериментальной фонетики, то значительно полезней организовать спецсеминар, выделив для этого особые часы и привлекая к участию в семинаре студентов всех курсов. Поскольку же соответствующая аппаратура имеется далеко не везде, то общая программа практических занятий такой темы включать не может.

Некоторые примечаний требует первое из занятий по данной теме. Хотя вопрос о взаимоотношении звуков и букв и о фонетической транскрипции помещен в программе в конце раздела «Фонетика», тем не менее мы считаем полезным начинать практические занятия по фонетике именно с этого. Если студенты не будут уметь пользоваться фонетической транскрипцией, занятия по фонетике примут чрезвычайно упрощенный, школьный характер (чего допускать не следует). К тому же на факультетах и в институтах иностранных языков студенты сразу же знакомятся с фонетической транскрипцией и независимо от курса «Введение в языкознание». То же самое можно сказать и о студентах филологического факультета, изучавших или изучающих английский язык (а их не меньше 50%). Таким образом, практических трудностей здесь не предвидится, а методически это чрезвы-

³ См. «Программу...», разд. III, пп. 2—8.

чайно полезно. Возможно, что соответствующую перестановку следовало бы произвести и в программе, однако это вопрос особый, которого мы здесь не касаемся.

Разработка важнейших вопросов на занятиях по этой теме, примерно, такова:

А. Звуки и буквы. Овладение фонетической транскрипцией

1) Различие между звуками и буквами. 2) Сколько букв и сколько звуков в словах типа: русск. *сад, сядь, яма, пью, вещь*; нем. *Schatz, ziehen*; франц. *mais, eau*; англ. *these, night* и т. п. 3) Фонетическая запись отдельных слов и связных текстов. 4) Чтение фонетически транскрибированных текстов ⁴.

Б. Классификация гласных и согласных

1) Чем отличается акустическая классификация звуков от физиологической? 2) Различия между гласными и согласными (акустические и физиологические). 3) Что означают термины «ряд», «подъем», «лабиализация»? 4) Характеристика гласных звуков разных типов. 5) Гласные лабиализованные. 6) Редукция гласных. 7) Различие согласных по участию голоса и шума, по способу и месту образования преград. 8) Характеристика согласных звуков разных типов. 9) Палатализация согласных. 10) Характеристика гласных и согласных звуков в словах типа *нюх, часы, щeka*; укр. *дзвін, бджола*; нем. *schön*; англ. *through, with* и т. д.

В. Звуковые изменения

1) Разъяснить расхождение между написанием и произношением согласных в словах типа *улыбка, овца, сговор, сделка, визг, экзамен* и т. п. 2) В результате каких звуковых изменений появились такие формы, как русск. *чечевица* при укр. *сочевиця*; укр. *залізо* при русск. *железо* и т. п.? 3) Какие звуковые изменения привели к образованию форм *секлетарь* вместо *секретарь*; укр. *срібло* при русск. *серебро*; лат. *pluralis* при *singularis*; русск. *блин* при укр. *млинці* и т. д.? 4) Какие звуковые изменения привели к образованию форм *сыворотка* при укр. *сирватка*; *марганец* при нем. *Manganerz*; укр. *суворий* при русск. *суровый*; *канифоль* при греч. *Kolorphonia*; польск. *pehła* при русск. *блоха*? 5) Как образовались формы *гончар* от стар. *горнчар*; *закоулок* при стар. *заколоулок* и т. п.? 6) Чем объясняется произношение звука *o (é)* в словах *звёзды, гнёзда, вёдра* (где был *ъ*), *пёсик, тётя* (где последующий согласный мягок)? 7) Как объяснить появление формы *октябрь* при лат. *October* и т. п.?

Г. Взаимоотношения языка и письма. Принципы орфографии

1) Какие существуют принципы орфографии и на чем они построены? 2) Какой орфографический принцип соблюден в словах *рос, мак, кот* и какой в словах *роз, маг, код*? 3) Почему при различном произношении кор-

⁴ Упражнения в записи и чтении транскрипции должны проводиться на разнообразном языковом материале. Выбор примеров для различного рода наблюдений и упражнений не должен быть ограничен приведенными языками. В зависимости от конкретных условий преподаватель должен привлекать материал из других языков, в первую очередь—родного языка студентов. Это относится и ко всем прочим занятиям по фонетике, семантике, лексикологии и грамматике.

ня в словах *приход, выход, ходить, ходовой, расходный* он пишется одинаково? 4) Почему при различном произношении одинаково пишется приставка в словах *отдых, отдохнуть, отбой, отпустить, отпуск* и т. п.? 5) На каких принципах основано различное написание слов *свадьба* и *молотьба*? 6) Единый ли принцип проведен в написании русских и украинских слов *сердце — серце, солнце — сонце, честный — чесний, счастливый — щасливий* и т. п.? 7) Транскрипция текста, сравнение его с обычной орфографией, указание на то, в чем проявились в орфографии принципы фонетический, морфологический и исторический.

Занятия по фонетике носят характер более практический, чем занятия по первой теме, и представляют собой ряд упражнений, направленных на выработку некоторых практических навыков. Необходимо, однако, и здесь обеспечить теоретическое осмысление явлений и воспитать у студентов наблюдательность и способность к обобщениям.

Тема 3-я. Семасиология — 2 ч.

Выделяя основное из всей совокупности вопросов, освещаемых в лекциях по этой теме, считаем, что на практических занятиях полезно проделать следующее:

- 1) Сравнить толкование значения одного и того же слова в словарях толковом и энциклопедическом и разъяснить различия этих толкований.
- 2) Произвести наблюдения над многозначностью (полисемией) слова.
- 3) Привести примеры омонимов и указать различия в их значении.
- 4) Провести наблюдения над употреблением слов в переносном значении.
- 5) Указать сходство и различие в значении синонимов.
- 6) Установить, какие изменения значений наблюдаются в словах: *доктор* (= врач), *человек* (= офицант, лакей), *мушка* (= мушка ружья), *матрешка* (= кукла), *ручка* (= вставочка), *юпитер* (= осветительный прибор), *коньки* (спортивные) и т. п.
- 7) Дать примеры расширения и сужения значения слова и перехода собственных имен в нарицательные.

Тема 4-я. Лексикология — 2 ч.

Занятия по данной теме целесообразно провести в форме наблюдений над лексическим составом какого-либо одного произведения или отрывков из нескольких разнообразных литературных произведений с такими, например, вопросами:

- 1) Какие слова (из данного текста) можно отнести к основному словарному фонду? 2) Какие слова в данном тексте исконно русские, а какие заимствованные? 3) Какие фонетические, морфологические и семантические изменения произошли в этих заимствованных словах? 4) Выделить в данном тексте архаизмы и определить их функции.
- 5) Выделить неологизмы советской эпохи и указать способы их образования.
- 6) Найти диалектизмы и разъяснить их значение и функции.
- 7) Провести наблюдения над словоупотреблением различных социальных групп (у Гоголя, А. Н. Островского и др.).

Тема 5-я. Лексикография — 2 ч.

- 1) Сопоставление различных толковых словарей: словаря В. И. Даля, словаря 2-го отделения Академии наук, словаря Д. Н. Ушакова, четырнадцатитомного академического словаря современного русского литературного языка, словаря С. И. Ожегова и др. с точки зрения их полноты, по-

строения словарных статей, привлечения иллюстративного материала и т. д. 2) Рассмотрение фразеологических словарей. 3) Этимологические словари. 4) Словари иностранных слов. 5) Переводные словари (дву- и более язычные) ⁵.

Тема 6-я. Грамматика — 8 ч.

Из круга вопросов, предусматриваемых программой⁶, практическими занятиями целесообразно охватить следующие темы:

А. Строение слова; выделение морфем и их классификация	2 ч.
Б. Способы выражения грамматических значений в разных языках. Изменение морфологических категорий	2 ч.
В. Формы синтаксической связи слов и способы их выражения в разных языках	2 ч.
Г. Типы предложений и разнообразие синтаксического строя	2 ч.

По каждой из названных тем желательно проработать, в основном, следующие вопросы:

А. Строение слова; выделение морфем и их классификация

1) Расположить по группам приведенные слова (дать 20 слов, образованных от 4—5 корней): а) с одинаковыми корнями; б) с одинаковыми префиксами; в) с одинаковыми суффиксами; г) с одинаковыми флексиями. 2) Указать имеющиеся в рассматриваемом материале случаи чередования звуков. 3) Определить условия и методы выделения морфем в слове. 4) Найти нулевые морфемы и указать их грамматическое значение. 5) Произвести наблюдения над морфемами-омонимами (корнями и суффиксами) и указать различия в их значении. 6) Указать продуктивные и непродуктивные морфемы. 7) Рассмотреть сложные слова и их структуру.

Б. Способы выражения грамматических значений в разных языках. Изменение морфологических категорий

1) Какими грамматическими способами осуществлен переход от единственного числа к множественному в следующих парах слов: лат. *homo* — *homines*; кирг. *киши* — *кишилер*; русск. *человек* — *люди*; англ. *man* — *men*; нем. *Mensch* — *Menschen*; малайск. *orang* — *orangorang*? 2) Наблюдения над проявлениями аффиксации и внутренней флексии в разных языках. 3) Наблюдения над ролью ударения как способа выражения грамматических значений в словах типа: русск. *носите* — *носите*; англ. *réfund* «уплата» — *refúnd* «уплачивать»; греч. *tómos* «порез» — *tomós* «режущий» и т. д. 4) Грамматическая роль порядка слов в разных языках. 5) Наблюдения над явлениями переразложения, опрощения и грамматической аналогии в разных языках. 6) Явления перехода самостоятельных слов в служебные и одних частей речи в другие.

⁵ При рассмотрении переводных словарей необходимо, чтобы одним из языков каждого словаря являлся язык данной союзной или автономной республики. То же по мере возможности необходимо практиковать и при рассмотрении словарей иных типов.

⁶ См. «Программу...», разд. III, пп. 14—23.

*В. Формы синтаксической связи слов и способы их выражения
в разных языках*

1) Способы выражения предикативности в разных языках. 2) Структура составного сказуемого в разных языках. 3) Способы выражения атрибутивности в разных языках (определения согласованные и несогласованные, приложение, изафет и т. д.). 4) Управление и примыкание в разных языках. 5) Наблюдения над членением предложения на синтаксические группы, словосочетания и синтагмы. 6) Наблюдения над ритмо-мелодикой предложения и разными интонационными типами предложения.

Г. Типы предложений и разнообразие синтаксического строя

1) Предложения двусоставные и односоставные. 2) Выражение безличности в разных языках. 3) Предложения односоставные и неполные; сходство и различие между ними. 4) Наблюдения над конструкцией предложения в языках синтетического и аналитического строя; перевод с одного языка на другой. 5) Наблюдения над историческими изменениями строя предложения. 6) Наблюдения над развитием сложного предложения от паратаксиса к гипотаксису и появлением новых способов подчинения.

Тема 7-я. Языки мира и их классификация — 6 ч.

Принципы и основы генеалогической и морфологической классификации языков, равно как и критика стадияльной классификации Н. Я. Марра даются в лекционной части курса. На практические занятия следует вынести изучение лингвистической карты мира, в частности языков Советского Союза, давая при этом необходимые классификационные, этнографические, историко-культурные и статистические сведения. Из двух возможных путей — чисто географического (языки Европы, Азии и т. д.) и генеалогического (языки индоевропейские, тюрко-татарские и т. д.) — предпочтительней использовать второй; впрочем, в отдельных случаях полезным оказывается и первый (языки Австралии, Южной Америки и т. п.).

Содержание занятий может быть представлено в таком виде:

- А. Индоевропейские языки (живые и мертвые) в Азии и Европе, в частности в СССР. Распространение индоевропейских языков во всем мире. Языки семитские и хамитские 2 ч.
- Б. Языки финно-угорские. Языки тюркские, в том числе в СССР; языки монгольские и маньчжуротунгусские. Языки иберийско-кавказские. Языки китайско-тибетские 2 ч.
- В. Языки дравидские и индонезийские. Туземные языки Африки, Северной и Южной Америки, Австралии. Языки СССР (сводные данные) 2 ч.

Более подробной детализации данная тема не требует.

5

Таковы в общих чертах содержание и объем практических занятий по курсу «Введение в языкознание». Для успешного их проведения необходим ряд условий. Первое из них — наличие материала для проработки, т. е. специальные пособия. В настоящее время таких пособий не имеется.

Вышедший в 1912 г. «Сборник задач по „Введению в языкознание“» И. А. Бодуэна де Куртенэ (являющийся библиографической редкостью) при всей своей оригинальности и даже занимательности в настоящее время использован быть не может.

Руководителям практических занятий надлежит самим составлять чуть ли не все материалы для проработки, вплоть до карт для изучения языков мира (ввиду отсутствия специальных карт и атласов). Впрочем, некоторые существующие пособия частично можно использовать на занятиях по отдельным темам. Среди них следует назвать работы А. Н. Гвоздева («Очерки по стилистике русского языка» и «Сборник упражнений по современному русскому языку»), некоторые пособия по русскому, национальным и иностранным языкам, но все же ни одно из них и даже все они вместе взятые не заменяют специального пособия; к тому же в сборник упражнений по «Введению в языкознание» должен быть привлечен такой разнообразный языковой материал, какого ни одно пособие, рассчитанное на один какой-то язык, дать не может, да и не должно. Вот почему немедленно после того, как программа практических занятий по «Введению в языкознание» получит свое утверждение и оформление, руководящим органам надо будет позаботиться о составлении специального пособия, ибо без него даже самая лучшая программа рискует остаться неосуществленной или будет осуществлена в упрощенном и искаженном виде.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ

(Две концепции грамматики в Пражском лингвистическом кружке)

Труды И. В. Сталина по языкознанию нанесли сокрушительный удар по всем идеалистическим и вульгаризаторским антимарксистским концепциям в науке о языке. И. В. Сталин не только разоблачил ненаучную, антимарксистскую теорию Н. Я. Марра, но и создал стройную систему марксистского языкознания.

Внедрение марксизма в языкознание органически связано борьбой против остатков старых лингвистических воззрений. При этом первоочередное значение имеет критика зарубежного языкознания, находящегося в плену реакционной идеологии и часто фактически служащего ей. И. В. Сталин учит, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами»¹. А. А. Жданов говорил, что «современная буржуазная наука снабжает поповщину, фидеизм новой аргументацией, которую необходимо беспощадно разоблачать»².

Глубокие экономические и политические преобразования, осуществленные в странах народной демократии, привели к идеологической и организационной перестройке также и языковедческой работы. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания перед языковедами стран народной демократии со всей остротой встала задача внедрения марксизма в языкознание и борьбы с пережитками немарксистских лингвистических концепций.

«Новое учение» о языке препятствовало не только разработке марксистского языкознания, но и тормозило критику реакционных буржуазных направлений в лингвистике; некоторые положения учения Марра по существу совпадали с установками буржуазного зарубежного языкознания, а иногда просто заимствовались с Запада.

Наиболее распространенным направлением в зарубежном языкознании последних десятилетий является так называемая структуральная лингвистика, представленная в настоящее время лингвистическими обществами в Дании (Копенгаген), в Швейцарии (Женева) и в Америке (Нью-Йорк); до недавнего времени подобным организационным центром являлся и Пражский лингвистический кружок; в других странах, например в Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Японии, Франции и некоторых других, многие языковеды относились или относятся к принципам структуральной лингвистики сочувственно.

Научная критика структурализма тем более необходима, что и в советском языкознании можно найти случаи, правда единичные, влияния структуральной методологии. К сожалению, у нас еще мало работ, посвященных раскрытию научной несостоятельности структуральной лингвистики (серьезные критические замечания содержатся лишь в трудах, развивающих основные положения сталинского учения о языке, прежде всего в работах акад. В. В. Виноградова и проф. А. С. Чикобава и нескольких статьях, посвященных разбору структуральной теории)³. В настоящей статье нами кратко охарактеризована история возникновения Пражского лингвистического кружка (ПЛК), а подробнее мы останавливаемся на двух попытках членов этого кружка создать теорию грамматики.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 307.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1953, стр. 30.

³ См. статью О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания», «Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 25—47.

Современное буржуазное языкознание (и, в частности, структуральная лингвистика) в своих основных положениях оформилось как реакция на господствовавшие с 70-х годов XIX в. позитивистские воззрения младограмматиков, по отход от их теории, обусловленный всем общественным развитием, был длительным и сложным; преодоление младограмматических взглядов не везде совершалось одинаково и во многом зависело от местной языковедческой традиции (ср., например, французскую «социологическую» школу, которая во многом заводит от младограмматизма, и немецкую идеалистическую нефилологию Фосслера); известную роль сыграли при этом и ранние критики младограмматизма (например, Г. Шухардт). Понимание языка как «социального факта», с одной стороны, и психологизм — с другой, направленные против эмпиризма младограмматиков, во многом подготовили почву для структурального языкознания (ср., например, интерес к соотношению слова и обозначаемого предмета, усиленное внимание к изменениям в семантике). Тяготение к общим проблемам языкознания становится характерной чертой лингвистической науки.

Если и раньше можно было встретить критику младограмматических положений, то с начала XX в. критические голоса раздаются все чаще и чаще, что особенно ярко проявилось на I Международном съезде лингвистов в 1928 г. На съезде выяснилось также, что в различных странах независимо друг от друга возникают близкие идеи⁴, которые роднит между собой недоверчивое отношение к фонетическим законам и действию аналогии, т. е. к основным положениям теории младограмматиков, стремление к целостному пониманию языка (в отличие от младограмматического атомизма)⁵, ослабление интереса к историзму и к решению генетических вопросов. Не удивительно поэтому, что при формировании структуральной лингвистики в особое течение большую роль сыграл своими лекциями по общему языкознанию Ф. де Соссюр.

В «Курсе общей лингвистики»⁶ Ф. де Соссюр сформулировал ряд основных положений своей лингвистической концепции, в частности метафизическое противопоставление языка как индивидуальной системы (*langue*) отдельному конкретному использованию (*parole*), положение о знаковом характере языковых средств и о языковой системе (структуре), как системе взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, с чем связано утверждение де Соссюра, что «в лингвистической системе существуют только отношения» и что «язык является формой, а не субстанцией». Синхронный разрез языка, показывающий систему сосуществующих элементов (подчеркивается именно исследование в плане синхронии), противопоставляется им разрезу диахронному, фиксирующему отдельные изменения в процессе развития языка, которые происходят якобы случайно, тем самым нарушают структурные связи в системе и приводят систему в движение, которое и восстанавливает ее равновесие. Только ряд синхронных разрезов может дать представление о развитии языка.

Соссюрианская система во многих пунктах внутренне противоречива. Это находит выражение в том, что не все сторонники структуральной лингвистики подчеркивают одни и те же ее положения и не все толкуют их одинаково. Поэтому, несмотря на всю близость к идеалистической концепции де Соссюра, построения современной структуральной лингвистической теории с нею не тождественны.

И. А. Бодуэн де Куртэн ввел в языкознание принцип функциональности, т. е. принцип, согласно которому следует рассматривать и оценивать языковые средства с точки зрения выполняемых ими задач (функций). В области фонетики функциональный принцип привел к появлению понятия фонемы. Искаженное понимание этого принципа часто можно встретить в работах структуралистов. Но не во всех разделах науки о языке этот принцип применялся в одинаковой степени и не все лингвисты оценивали его одинаково⁷.

Стремление реакционной буржуазии оторвать научное исследование от действительности, увести его от общественной жизни, чтобы превратить науку в послушное орудие для достижения классовых целей, проявляется и в языкознании. Возникновение Пражского лингвистического кружка по времени совпадает с периодом победы буржуазии над рабочим движением Чехословакии. Пролетариат собирал тогда свои силы для нового натиска на буржуазию⁸. Борьба против «голового эмпиризма» (характерного прежде всего для позитивистских направлений в науке) и стремление подве-

⁴ См. V. Mathesius, Ziele und Aufgaben der vergleichenden Phonologie, сб. «Xenia Pragensia», Prague, 1929, стр. 432.

⁵ Взаимосвязь языковых явлений признавалась, в общем, всегда, но практика лингвистической работы не благоприятствовала познанию целостного (системного) характера языка.

⁶ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922 (русск. перевод: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933).

⁷ Ср. V. Skalička, Kodaňský strukturalismus a «pražská škola», «Slovo a slovesnost», R. XI, č. 3, Praha, 1948.

⁸ Ср. P. Sgall, Stalinovy práce o jazykovědě a pražský linguistický strukturalismus, «Tvorba», R. XX, č. 28, Praha, 1951, стр. 674.

сти «прочную философскую базу»⁹ под лингвистическое исследование поэтому служили ширмой для протаскивания в языковедение чуждых науке истрепанных идеалистических идей. Об этом свидетельствует, например, принятие Р. Якобсоном и В. Брёндалем феноменологии Гуссерля (имеющей своим предметом анализ явлений «чистого» сознания в их отношении к «идеальным» объектам) и проповедь логицизма (логического позитивизма) у различных авторов¹⁰. О характере аргументации этих лингвистов и философов можно судить по словам Л. Ельмслева (в одной из его последних статей), которые он приводит в связи с пропагандой глоссематики, «чистой» лингвистики отношений (в отличие от «традиционной» лингвистики): «... надеюсь, что я не ошибаюсь, говоря, что физическая теория сама по себе не высказывается никогда о субстанции или материи, кроме как в критическом духе»¹¹. Далее, в вводной статье журнала «Slovo a slovesnost» подчеркивается, что «вся действительность, начиная с ощущения и кончая наиболее абстрактной мыслительной конструкцией, раскрылась перед современным человеком как необъятное, сложно организованное царство знаков»¹². Этому выводу способствовало «создание» особой науки — семиологии (науки о системах знаков, одной из которых является, по структуральной теории, и язык, наряду, например, с системой световых сигналов, употребляемых при уличном движении).

Многие честные ученые, примкнувшие к структурализму, иногда и не подозревали об идеалистической, вредной философской подоплеке структуральной теории; их убавкивали разговоры о социальной природе языка, о его социальном расщеплении, их привлекали мнимая диалектичность устанавливаемых в языковой системе противопоставлений и расширение лингвистической тематики. Стремление к стройной систематике и точной терминологии придавало структурализму наукообразный вид¹³. В то же время к структуральной теории примкнули и заядлые враги марксистской философии и социализма, сознательно проповедовавшие идеалистический бред (например, Р. Якобсон)¹⁴.

Именно в этих условиях в Праге вокруг проф. В. Матезиуса сгруппировался ряд лингвистов (Б. Гавранек, Б. Трика, С. Карчевский, Р. Якобсон), которых вначале объединял скорее интерес к некоторым проблемам общего языковедения, чем их однозначное решение. Вскоре, осенью 1926 г., на основе этой группы и возник Пражский лингвистический кружок (ПЛК)¹⁵, уже в 1928 г. активно выступивший на I Международном съезде лингвистов. ПЛК стал известен в первую очередь как «Пражская фонологическая школа» в связи с изданием членами кружка ряда работ по фонологии (прежде всего, работ Р. Якобсона и Н. Трубенкокого); менее известны труды его членов по теории литературного и поэтического языка, по стилю и по культуре речи.

Несмотря на большое влияние, которое оказал пражский структурализм на чехословацкую лингвистику (и не только на чехословацкую), она представляла тогда довольно пеструю картину: ряд языковедов остался на своих прежних позициях (например, Ф. Рышанек, Кв. Годура, в общем и акад. Ф. Травничек), некоторые примкнули к ПЛК лишь на время и потом отошли от него (например, М. Вейнгарт, Фр. Илек-Оберпфальцер).

Дифференцированно следует подходить к каждому члену ПЛК. Так, например, центр тяжести работы акад. Б. Гавранека в ПЛК лежал в области теории и истории

⁹ Ср. V. B r ø n d a l, *Linguistique structurale*, «Acta Linguistica», Copenhagen, 1939, v. I, f. 1, стр. 2 и сл.

¹⁰ Попытка проповеди логицизма в ПЛК имела место и в послевоенный период; см. В. T r i n k a, *Jazykozpyt a myšlenková struktura doby*, «Slovo a slovesnost», R. X, c. 2, Praha, 1947, стр. 73 и сл.

¹¹ Л. Е л ь м с л е в, *Метод структурного анализа в лингвистике*, «Acta Linguistica», Copenhagen, 1950—51, v. VI, f. 2—3, стр. 57 и сл.

¹² «Úvod», «Slovo a slovesnost», R. I, č. 1, Praha, 1935.

¹³ См. J. M u k a ř o v s k ý, *Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě*, «Tvorb», R. XX, č. 40, Praha, 1951, стр. 964.

¹⁴ См. P. S g a l l, *Stalinovy práce o jazykovědě a pražský linguistický strukturalismus*, стр. 674.

¹⁵ См. об этом V. M a t h e s i u s, «Slovo a slovesnost», R. II, č. 3, Praha, 1936, стр. 137—145. Отметим, что словацкие структуралисты создают самостоятельную лингвистическую организацию — Братиславский лингвистический кружок (БЛК) — только в 1946 г.

ПЛК с 1929 г. до 1939 г. издавал в Праге «Travaux du Cercle linguistique de Prague» («TCLP»), а с 1934 г. журн. «Slovo a slovesnost», прекращенный в 1944 г. и возобновленный только в 1947 г.; БЛК издал в 1947 г. в Братиславе «Recueil du Cercle linguistique de Bratislava», I, а в 1946—1950 гг. в Братиславе издавался журн. «Slovo a tvar».

литературного языка (а отчасти и языка поэтического) и культуры речи¹⁶. Другие его труды, посвященные преимущественно вопросам славистики, продолжают и развивают дело его учителей И. Зубатого и О. Гуйера. По-разному подходили к языку, например, В. Матезиус и В. Скаличка. Для проф. Матезиуса характерно сочетание изучения конкретного материала со стремлением показать место исследуемых фактов в языковой системе и придать разбираемому вопросу общелингвистическую перспективу. Проф. В. Скаличка, наоборот, стремился охватить лингвистическую систему в целом и дать общее решение основных вопросов теории языка. Близостью к копенгагенской школе от других членов кружка отличался Б. Трика. Не было в ПЛК полного единства взглядов и на вопросы фонологии, хотя фонология была наиболее детально разработанной областью. Н. Трубенкой стремился создать общую фонологическую систему¹⁷; в отличие от него проф. Матезиус всегда интересовался составом фонем конкретного языка и их использованием в его лексике. Неодинаково было отношение и к некоторым частным вопросам, например, к теории нейтрализации фонологических противопоставлений, к архифонеме. Идеиные позиции отдельных членов ПЛК были различные; нельзя, например, ни в коем случае предполагать, что все относились к феноменологии Гуссерля, как Р. Якобсон; напротив, многие члены ПЛК в условиях буржуазной республики принадлежали к прогрессивной интеллигенции.

Для ПЛК было характерно, что основные понятия структурального исследования (понятия структуры, знака, функции, имманентности движения) переносились в другие области, главным образом в литературоведение, связанное своим материалом с языкознанием; кроме литературоведения, принципы структурального исследования применялись также, например, в этнографии. Что касается структурализма в литературоведении, то в этом отношении, кроме местной традиции, сказалось влияние и русских формалистов¹⁸. В отличие от формализма, который ограничивался вопросами поэтики¹⁹, структурализм распространяется и на область истории литературы. Таким образом, структурализм перерастает рамки языкознания и становится в конце концов «мировоззренческой» позицией исследователя²⁰. Эта всеобщность является одной из характерных черт пражского структурализма, который и в области лингвистической теории имеет свою специфику по сравнению, например, с женевской или копенгагенской школами.

Лингвистическая программа ПЛК сформулирована в первом томе «Travaux du Cercle linguistique de Prague», посвященном I съезду славистов²¹.

Язык определяется в «Тезисах» Пражского лингвистического кружка как «система целесообразных средств выражения»; этим определением подчеркивается его системный характер и указывается на необходимость функциональной точки зрения при исследовании²². В отличие от де Соссюра подчеркивается не только системный характер языка в его синхронном разрезе, но и необходимость в связи с системой проследить также исторические изменения, так как они выступают не в одиночку, не случайно и не безотносительно к системе. При историческом исследовании должен

¹⁶ Близко к этому кругу вопросов стоял и проф. В. Матезиус. Следует отметить также издание членами ПЛК сборника «Spisovná čeština a jazyková kultura» (Praha, 1929), который сыграл важную роль в борьбе с лувизмом.

¹⁷ См., например, его «Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme», «TCLP», t. I, Prague, 1929, стр. 39—67; «Grundzüge der Phonologie», Prague, 1939.

¹⁸ В ПЛК с докладами выступали Г. Вишокур, Б. Томашевский, Ю. Тынянов.

¹⁹ См. Б. М. Энгельгардт, Формальный метод в истории литературы, Л., 1927.

²⁰ См. J. Mukařovský, Strukturalismus v estetice a ve vědě o literatuře, «Kapitoly z české poetiky», d. I, 2-е изд., Praha, 1948, стр. 14.

²¹ Thèses, «TCLP», t. I.

²² Данное определение далеко не отражает сущности языка и допускает возможность разного толкования. Ср., например, предисловие к сб. «Čtení o jazyce a poesii» (Praha, 1942), где говорится: «Язык является нашим постоянным спутником в повседневной жизни со всеми ее требованиями, радостями и заботами, так что ее даже нельзя себе представить без этого средства общения; язык является неотъемлемой составной частью человеческой мысли, так что неотступно следует за ней в ее развитии от примитивных ее форм к сложному научному мышлению. Для нас существование языка разумеется само собой, так что мы даже не замечаем, как сложна его структура и какой сложной она должна быть, чтобы удовлетворять всем своим многообразным задачам. Только различия между языками не ускользают от нашего внимания, и поэтому язык стал важным признаком национальной самобытности». И далее: «Современная наука о языке видит в языке сложную, но целостную структуру, служащую многообразным задачам и определяемую ими; структуру, явления и отдельные части которой можно объяснять и оценивать только в связи с этой целостной структурой и только тогда, когда принимаются во внимание соответствующие им (этим явлениям и частям.— О. Л.) задачи».

иметь место принцип системности и функциональности; с другой стороны, и синхрония не может исключить момент развития, так как в системе сосуществуют элементы исчезающие, живые и нарождающиеся.

Однако эта попытка снять противоречие между синхронией и диахронией на практике разрушается общей тенденцией к исследованиям в плане синхронном²³ и постановкой метода «аналитического сравнения»²⁴ наряду с методом сравнительно-историческим (историческим). Так, например, «лингвистическая характеристика» современного состояния славянских языков (нужно иметь в виду, что «Тезисы» посвящены съезду славянских филологов) считается предпосылкой исторического исследования.

Та же противоречивость заключается и в том, что наряду с вопросами исследования родственных языков (т. е., в сущности, вопросами генетическими) ставится и вопрос о так называемых «языковых союзах», т. е. группах языков родственных и неродственных, обнаруживающих общие структурные черты, которые возникают в результате взаимодействия²⁵.

В том, что способность общих изменений в генетически неродственных языках ставится наряду с вопросом о языке, отражается скептицизм в отношении языковой теории. Логическим выводом из такой связи языковой теории и языковых союзов является работа Н. Трубецкого «Gedanken über das Indogermanenproblem»²⁶. Хотя Трубецкий и не исключает возможности генетического родства индоевропейских языков, его статья является попыткой объяснить происхождение индоевропейской языковой общности на основе теории языковых союзов, т. е. путем взаимовлияний и скрещений.

При исследовании звуковой стороны языка в «Тезисах» подчеркивается роль простого наблюдения, в особенности акустической стороны звуков (в противовес увлечением экспериментальной фонетикой). Прежде всего, сказано там, необходимо установить фонологическую систему данного языка и возможности фонематических комбинаций.

Вместо привычного деления науки о языке на лексику с фразеологией и грамматику (морфологию и синтаксис) предлагается следующее деление: учение о слове (и устойчивых словосочетаниях — эквивалентах слова) и учение о свободных словосочетаниях — синтагматика²⁷. Морфология как учение о формах словоизменения проходит как через учение о слове, так и через синтагматику.

²³ Ср., например, точку зрения по тому же вопросу в статье Б. Трнки «Méthode de comparaison analytique et grammairale comparée historique», «TCLP», t. I, стр. 33—38.

²⁴ Под «аналитическим сравнением» понимают сравнение родственных и неродственных языков, имеющее целью установить их характерные черты.

²⁵ Наиболее детально исследован так называемый «балканский союз языков»; кроме того, указывалось на «среднеевропейский» и «евразийский» союзы языков. Империалистическим устремлениям США служит теория «атлантического языкового союза», усиленно распространяющаяся в последнее время на Западе и выражающаяся в стремлении создать миф об особой «западной» области со своей культурой и языком. Об этом в последний раз в ПЛК говорил В. П о л а к (см. «Slovo a slovesnost», R. X). Нужно сказать, что теория «атлантического языкового союза» является далеко не первой попыткой противопоставить языки Западной Европы другим европейским языкам.

Больше всех в ПЛК занимался вопросом языковых союзов Р. Я к о б с о н. См., например, его работу «Über die phonologischen Sprachbündel», «TCLP», t. IV, стр. 234 и сл.

В основу этих «теорий» часто кладутся черты фонологической системы. Консервативность грамматики, ее медленное развитие, а поэтому и недостаточную грамматическую характеристику языковых союзов отмечает В. С к а л и ч к а. См. его работы: «Zur ungarischen Grammatik» (Praha, 1935, стр. 63); «Zur Charakteristik des eurasischen Sprachbundes», «Archiv Orientální», R. VI, sv. I, Praha, 1933, стр. 272 и сл. О развитии склонения в связи с характеристикой языковых союзов см. у Н. Т р у б е ц к о г о в работе «Gedanken über die slovakische Deklination», «Sborník Matice Slovenskej», R. XV, s. I, стр. 39 и сл.

Более подробно о языковом союзе в последнее время писал Г. Б е к к е р (Н. В е с к е г) в книге «Der Sprachbund» (Leipzig — Berlin, 1948). Интересен генезис теории языковых союзов (ее отношение к теории волн и к теории так называемых «культурных областей»).

²⁶ «Acta Linguistica», v. I, f. 2, стр. 81 и сл. Само собой разумеется, что проблема общих черт, например в балканских языках, не снимается, но, с другой стороны, ясно, что ее не решает теория языковых союзов в разработанном до сих пор виде.

²⁷ Синтагматика в том виде, в каком она сформулирована в «Тезисах», не совпадает полностью с синтагматикой Кардевского и де Соссюра, хотя влияние последних несомненно; на первое место здесь ставится изучение «предикативных синтагм».

Важное место в изучении многообразного функционального (в самом широком смысле) расслоения языка занимают вопросы интеллектуального и аффективного характера высказывания, форм высказывания (устной, письменной), вопросы социальной диалектологии²⁸. Центральное место среди этих вопросов занимал литературный язык во всем его многообразии, а также вопросы культуры речи.

Особенности, диктуемые зависимостью высказывания от выполняемой функции и ситуации в самом широком смысле, некоторые особые закономерности развития того или иного пласта языка²⁹ приводили к тому, что за этими особенностями и отличиями терялось единство общенационального языка.

Наибольшее внимание структуралистов привлекал поэтический язык; его специфика формулируется в согласии с теорией формализма как «установка на выражение»; теория языкового выражения как самодели является основой утверждений об особых якобы закономерностях поэтического языка и защиты всех реакционных направлений в художественной литературе, например поэтизма, сюрреализма; обесмысливание языка, систематическое разрушение его нормы объяснялось как деформация языка, выполняющая особую функцию.

Слишком большое значение придавалось и противопоставлению «актуализации», как стремления к непосредственному, особому, новому, и «автоматизации» языковых средств³⁰.

Тезисы ПЛК содержат и программу исследования вопросов, связанных со старославянским языком и его судьбами; ставится вопрос об исследовании дошедших до нас памятников именно как памятников литературного языка; с этим его специальным назначением связан ряд особенностей его состава и развития. Наряду с таким исследованием должно идти, как указывается в «Тезисах», исследование вопроса о происхождении старославянского языка, что только и может создать прочную базу для сопоставления отдельных вариантов в разных рукописях. Предполагается довести историю церковнославянского языка до нового времени, причем особое внимание должно быть обращено на роль старославянского (церковнославянского) языка при создании отдельных славянских языков и на историю церковнославянских элементов в этих языках.

В «Тезисах» выдвигается и положение о лингвистической географии как о вспомогательной дисциплине, фиксирующей в пучках изоглосс границы распространения явлений, взаимно обусловленных системой языка; нужно, чтобы лингвистическую карту дополняли изоглоссы явлений «антропо-географических» и физико-географических. ПЛК предлагает создать лингвистический атлас славянских языков (так как этимологические исследования нуждаются в точном установлении границ распространения отдельных слов) и планировать лексикографическую работу, исходя из понимания словарного состава языка как системы.

Тезисы ПЛК, в основных положениях внутренне противоречивые, в ряде случаев находятся в разладе и с практикой кружка; задуманные предприятия, о которых говорится в «Тезисах», большей частью не были осуществлены; но тем не менее «Тезисы» дают приблизительное представление о профиле ПЛК и о его отличиях от женевской школы [представители которой, с одной стороны, стремились к решению вопросов стилистики в понимании Байя, а с другой стороны, занимались общими вопросами теории языка (А. Сешье)]³¹ и тем более об отличиях от школы копенгагенской. Л. Ельмслев — представитель датского структурализма — упрекает между прочим прагматов в том, что они из разнородной сосюррианской теории берут как раз то, что ближе всего стоит к лингвистической традиции и не отражает новые идеи де Соссюра (недооцениваются главным образом: знаковый характер языковых средств — семиология, различие *langue* и *parole*, мысль о том, что в лингвистической системе существуют одни только отношения)³². «Поэтому они переняли у него (т. е. у де Соссюра. — О. Л.), в первую очередь, те места его книги, где понятие *langue* выступает не как чистая форма, но где язык понимается как форма в субстанции, а совсем не как нечто от субстанции независимое»³³. Ельмслев защищает «...понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает

²⁸ Из наиболее систематических работ по социальной диалектологии можно указать Fr. Oberpálser, «Argot a slangu», «Československá vlastivěda», d. III, Jazyk, Praha, 1934, стр. 311—375.

²⁹ См. работу Б. Гавранека «Influence de la fonction de la langue littéraire», «TCLP», t. I, стр. 106—120.

³⁰ См. сб. «Spisovná čeština a jazyková kultura», стр. 52 и сл.

³¹ См. A. Sechehaye, L'école genevoise de linguistique générale, «Indo-germanische Forschungen», B. 44, H. 3—4, Berlin — Leipzig, 1927, стр. 217—241.

³² Там же. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике.

³³ Там же, стр. 61.

эта схема»³⁴, так как, по его мнению, «... реальными языковыми единицами являются представленные звуками или знаками и значениями элементы соотношений»³⁵. При установлении этих соотношений играет большую роль проекция логических категорий, и поэтому установленная система не соответствует языковой действительности, является искусственной, мертвой, оставляет без внимания все существенные для языка связи. Ельмслев старательно подчеркивает значение семиологии для лингвистики, которая якобы может внести серьезные коррективы в определение языка³⁶.

Нужно подчеркнуть, что все специфические черты пражской школы не противостоят основным принципам структурализма³⁷. Реализм во взгляде на языковую действительность, который при всех недостатках пражской школы отличает ее от других школ, все же не преодолевает неправильные основные положения, во многом восходящие к идеалистическому сосюррианству.

Отдельные разделы науки о языке разрабатывались структуральным языковедением очень неравномерно. Если в области фонологии была все же выработана определенная система, то в других разделах языковедения наблюдается совершенно иная картина: в области грамматики существует лишь ряд попыток создать теорию структуральной грамматики, вопросы же лексики почти совсем не разрабатывались.

Очень трудно дать сколько-нибудь подробную общую характеристику довольно разнообразных попыток создать структуральную грамматику; общим для них является то, что все они — одна в большей, другая в меньшей степени — страдают недостатками, свойственными структуральной методологии в целом: чем меньше внимания уделяется материалу, чем больше априоризма и спекулятивности в построениях, имеющих целью охватить систему языка в целом, тем ярче выступают эти недостатки; и наоборот, чем полнее охвачено все многообразие языковых явлений, наблюдаемое на самом материале, тем меньше сказываются принципы структурального исследования. В дальнейшем мы остановимся на концепциях грамматики, выдвинутых проф. В. Матезиусом и проф. Вл. Скаличкой.

*

Основоположник ПЛК проф. В. Матезиус занимался разработкой теории грамматики наиболее систематически и наиболее самостоятельно³⁸; ему принадлежит и многое из соответствующих разделов «Тезисов» ПЛК. Прежде чем приступить к разбору грамматической теории В. Матезиуса, нужно коснуться некоторых общих ее положений, относящихся к лингвистическому анализу языка в целом:

1. «К правильному научному анализу данного языка можно прийти только на статической (синхронной) основе, т. е. путем всестороннего анализа языка в данный отрезок времени». «Структуральная лингвистика, правда, считает своей важнейшей задачей исследование проблем синхронного порядка, которые младограмматическая школа, за исключением фонетики, систематически оставляла в стороне, но структуральная лингвистика, с другой стороны, хорошо осознает, что полного научного познания языка можно достигнуть лишь в случае комбинации методов синхронического и диахронического».

2. «При этом нужно пользоваться методом „аналитического сравнения“, т. е. сравнения языков родственных и неродственных, имеющим целью ярко показать существенные черты того или иного языка» (лингвистическая характеристика).

3. «Методом „аналитического сравнения“ можно с успехом пользоваться только тогда, когда мы стоим на функциональной точке зрения, т. е. тогда, когда мы исходим из общих потребностей общения и исследуем, как отдельные языки, каждый по-своему, эти общие потребности удовлетворяют».

4. «Наконец, анализ, который проводится на этой основе и при помощи этих методов, должен ставить себе целью установление причинных связей между отдельными сосуществующими явлениями данного языка»³⁹.

³⁴ Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 61.

³⁵ Там же, стр. 57.

³⁶ «Де Соссюр ясно понимал, что структурное определение языка должно было привести к тому, что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые, и что те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще» (там же, стр. 65).

³⁷ Нельзя поэтому целиком согласиться со статьей В. Скалички «Kodaňský strukturalismus a „pražská škola“».

³⁸ См., например, его статью «O soustavném rozboru gramatickém, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 157 и сл., и статьи: в «Casopis pro moderní filologii», (R. XIII, Praha, 1927) и в сб. «MHNMA», посв. проф. И. Зубатому (Praha, 1926).

³⁹ V. M a t h e s i u s, Pokus o teorii strukturální mluvnické, «Slovo a slovesnost», R. II, Praha, 1936, стр. 48.

Функциональное рассмотрение средств языка, как рассмотрение с точки зрения их функций при речевом общении, направляет внимание исследователя на конкретный языковой материал и его многосторонние связи с внеязыковой действительностью и устрояет, таким образом, опасность подхода к языку с заранее готовыми схемами. Именно поэтому такое рассмотрение и считается одним из важных достижений русской лингвистической мысли. Однако в той форме и в той связи, в которой его формулирует выше В. Матезиус, функциональный принцип тесно сопрягается с вопросом различий между языками, с лингвистической характеристикой⁴⁰, а тем самым и с методом аналитического сравнения, который служит лингвистической характеристике. Этот момент существенно ограничивает функциональное рассмотрение языка, которое оказывается наиболее плодотворным в границах материала одного языка или языков родственных. Определение отношений в системе просто как причинных затушевывает их сложность и разнообразие.

Что касается метафизического противопоставления синхронии (статика) и диахронии, то у Матезиуса оно представлено в менее резкой форме, чем у де Соссюра. Резкая грань между так называемой исторической грамматикой и грамматикой современного языка исчезает только при понимании современного состояния языка как момента его развития.

Каждый язык складывается в течение своего развития в самобытную систему, и поэтому ее черты можно выявить только на материале данного языка (изучаемого в тесной связи с историей народа) или на материале языков, генетически с ним связанных (причем нужно различать степень родства) путем применения сравнительно-исторического метода. Сравнительно-историческому методу противостоит метод аналитического сравнения⁴¹, сфера применения которого узко ограничена задачей оттенить, подчеркнуть, показать более рельефно особенности того или иного языка. Между тем Матезиус неправомерно ставит метод аналитического сравнения наряду с методом историческим; поэтому «лингвистическая характеристика», добытая этим методом, не может в той или иной степени не исказить состояние его системы.

Наши высказывания, по мнению проф. Матезиуса, не простые снимки окружающей нас действительности (хотя прямая связь языковых средств с действительностью не подлежит для него сомнению); высказывание в известном смысле упрощает действительность, о которой что-либо говорится; однако семантический разбор любого высказывания показывает, что его семантическая структура содержит, с другой стороны, и такие элементы, которых нет в «вещественном содержании» высказывания: отношение говорящего к данной реальности, отношение к собеседнику, действительности или воображаемому; кроме того, каждое высказывание возникает в определенной ситуации, в зависимости от которой также формируется его семантическая структура⁴². Основной функцией языка является функция коммуникативная, и все известные нам языковые системы построены на коммуникации (а не на экспрессии).

Для того чтобы сказать что-либо собеседнику, нам нужны слова (наименования) и средства, служащие для установления связи между ними, для построения предложения. «Фоном для „акта наименования“ служит совокупность употребляемых в языке наименований, составляющая словарный запас языка. Фоном для „акта образования предложения“ служат конструкции предложений, по образцу которых в данном языке образуются предложения разных типов, и вообще все то, что в общем касается образования предложений»⁴³. На этом основании проф. Матезиус выделяет две основные области исследования — ономотологию и функциональный синтаксис. Он говорит: «Таким образом, мы приходим к двум основным областям лингвистического исследования: в одной из них исследуются средства и способы языкового наименования, которое закрепляет отдельные отрезки действительности, в другой — средства и способы, при помощи которых наименования, выбранные для обозначения отрезков данной действительности (актуальной ситуации), сочетаются в предложении»⁴⁴. Кратко можно было бы обе области — ономотологию и функциональный синтаксис — охарактеризовать как учение о слове вообще и учение о предложении⁴⁵.

Более или менее ясно можно себе представить функциональный синтаксис, центральным объектом которого является предложение. Содержание учения о предложении зависит всегда от понимания самого предложения. Проф. Матезиус дает следующее определение его: «Предложение — это элементарное коммуникативное высказы-

⁴⁰ V. M a t h e s i u s, Stilistická a lingvistická charakteristika, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 9 и сл.

⁴¹ Поэтому в последнее время некоторые советские языковеды различают с р а в н е н и е языков и сопоставление языков.

⁴² См. V. M a t h e s i u s, Řeč a sloh, сб. «Čtení o jazyce a poesii», стр. 13—14.

⁴³ Там же, стр. 17.

⁴⁴ V. M a t h e s i u s, O soustavném rozboru gramatickém, стр. 160.

⁴⁵ Тезисы ПЛК говорят еще о синтагматике (Théorie des procédés syntagmatiques).

вание, в котором говорящий активно и способом, оставляющим со стороны формальной впечатление обычности и субъективной полноты (завершенности), относится к какому-нибудь факту»⁴⁶. Основной чертой этого определения является его функциональность, внимание к связи с действительностью; важно также то, что оно не ограничивает предложение каким-либо одним типом конструкции. Недостатком является отсутствие внимания к соотношению категорий грамматических и логических, тогда как выяснение этого соотношения для определения сущности предложения необходимо.

Наоборот, ономотология, учение о наименовании, представляет собой область гораздо более разнородную, а вместе с тем и спорную, как один из разделов науки о языке. Прежде всего, к ономотологии относится учение о лексическом значении слова (и фразеологических сочетаний — эквивалентов слова) и о соотношении лексического значения слова и его контекстуальных модификаций; сюда же входит и вопрос о словообразовательных возможностях языка, о путях пополнения словаря, короче говоря, все то, чем обыкновенно занимается лексикология⁴⁷. Словарный состав языка, по мнению проф. Матезиуса, представляет собой систему, сложно организованную на основании нескольких, взаимно перекрещивающихся принципов⁴⁸. На основе общих словообразовательных элементов (префиксов, суффиксов) слова образуют ряды, общность основы (или корня) объединяет производные слова в так называемые гнезда; на основании того же (или почти того же) значения выделяются синонимические ряды, антонимы ассоциируются на основе противоположного значения (*теплый ~ холодный; быстрый ~ медленный; черный ~ белый* и т. п.). «Но наименования группируются не только попарно или в ряды, а также в круги вокруг основного представления»⁴⁹.

Все эти принципы классификации создают, правда, систему, но они не являются самой важной классификацией, которая глубже всего проникала бы «в самую сущность языковой системы». Такой классификацией являются, по проф. Матезиусу, части речи: «Части речи являются основой классификации, которая дает говорящему возможность владеть словарным запасом своего языка»⁵⁰. Таким образом, ономотология охватывает также сложную проблематику частей речи, которые не ограничиваются только классификацией предметов окружающей нас действительности; они являются вместе с тем и носителями показателей своих синтаксических функций⁵¹. Они опираются, следовательно, на двоякую, перекрещивающуюся классификацию: классификацию предметов внешнего мира (предметы с их постоянными и изменяющимися признаками) и классификацию по синтаксическим функциям. Части речи не простые категории, внутри них классификация продолжается на основании признаков (различий), в той или иной степени функционально (семантически) нагруженных⁵²; иногда они носят чисто формальный характер, (ср., например, грамматический род имен существительных в таких случаях, как *дом ~ школа ~ поле*), иногда занимают совершенно определенное место в семантической структуре языка (ср. ту же категорию рода в таких случаях, как *учитель ~ учительница* или чешское *kluk nezbedný* «озорной мальчик», *kluk nezbedná* «озорной мальчица» — с экспрессией; *ta špína* «грязь» ~ *ten špína* «шкурник, мошенник»).

В работе «О систематическом грамматическом анализе» проф. Матезиус различает два ряда классификационных признаков: в одних случаях при переходе из одной вторичной категории в другую ядро семантики слова остается незатронутым, не меняется — тогда перед нами «аспектовые модификации»; в других случаях при переходе из одной вторичной категории в другую целиком меняется значение слова. Классификационные признаки этого типа Матезиус называет «категориальными»⁵³. (Так, например, у существительных Матезиус считает аспектовыми модификациями число — *камень ~ камни, каменья*; партиципальность — франц. *un pain ~ du pain; les pains ~ des pains*; определенность — англ. *man ~ a man ~ the man*; род — чеш. *kluk nezbedný ~ kluk nezbedná*; степени сравнения прилагательных — *красивый ~ красивее*; у глаголов: время — *делает ~ делал*; наклонение — *делайшь ~ делай* ~ *делал бы*; вид — *делает ~ сделать ~ проделывать* ~ *проделывать*). Категориальным различием Матезиус считает, например, одушевленность и неодушевленность в таких случаях, как чеш.

⁴⁶ V. M a t h e s i u s, Několik slov o podstatě věty, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 231.

⁴⁷ См. Thèses, «TCLP», t. I.

⁴⁸ Ср. «Řeč a sloh», стр. 43 и сл.

⁴⁹ Ср. там же, стр. 45; например: курица *кудахтает, копается, клюет, несет яйца, выводит цыплят, созывает цыплят* и т. д.

⁵⁰ V. M a t h e s i u s, O soustavném rozboru gramatickém, стр. 164.

⁵¹ Ср. F. S l o t t y, Wortart und Wortsinn, «TCLP», t. I, стр. 93—106.

⁵² Выделяемые ряды проф. Матезиус называет «вторичными категориями» (ср. «O soustavném rozboru...»).

⁵³ Ср. V. M a t h e s i u s, O soustavném rozboru gramatickém, стр. 165.

balčky «посылки, пакеты» ~ *balici* «провинциалы»; *té špině — tomu špinovi*, переносимость и непереносимость в славянских языках.) При этом проф. Матезиус подчеркивает, что каждый язык имеет свою систему частей речи; «аспектовые модификации» и «категориальные различия» видоизменяются по их взаимоотношениям в системе.

Из сказанного уже видно, что, согласно Матезиусу, формальные признаки слов имеют различное содержание; если сопоставить вышеприведенные примеры, например, с функциями форм прилагательных (добрый, *-ая, -ое, -ие*; добрый, *ого, ому...*), то становится ясным, что «морфология, которая занимается группировкой языковых средств системы, основанной на формальной близости, проходит через обе эти области»⁵⁴, т. е. выходит за пределы ономотологии и переходит в функциональный синтаксис. Морфология имеет при этом свою специфику, свой предмет исследования. На фоне сказанного вырисовывается и взаимоотношение отдельных разделов науки о языке.

О грамматической системе проф. Матезиуса, оставшейся недоработанной и не проверенной на практике, нельзя сказать, что она смешивает грамматические и лексические категории в том смысле, как это имело место в так называемом «повом учении» о языке, но «ономотология» несомненно стирает границу между лексикологией и грамматикой, затушевывает специфику той и другой⁵⁵. Ведь части речи как лексико-грамматические разряды слов в корне отличаются от всех пластов (рядов) лексик, выделяющихся из словарного состава на основе различных и е г р а м м а т и ч е с к и х признаков. В этой нечеткости разграничения, проведенного В. Матезиусом, заключается основной порок его грамматической системы, который усугубляется также преувеличенным вниманием к синхронному анализу.

Общее признание получило учение Матезиуса об «актуальном членении предложения»⁵⁶. Оно разрабатывалось в связи с основным вопросом отношения языка к выражаемым действительности и отношения высказывания к конкретной ситуации. Сама постановка вопроса и ее решение не связаны со структуральной теорией языка, но актуальное членение предложения считается достижением ПЛК и поэтому следует упомянуть и о нем. Актуальное членение предложения следует пристоупоставлять его формальному (грамматическому) членению. Формальное членение касается строения предложения из элементов грамматических (членов предложения); в отличие от него актуальное членение предложения касается того, как включается предложение в конкретную ситуацию, из которой оно возникло. Основными моментами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат; основными элементами актуального членения предложения являются его «исходный пункт» (*východiště věty*)⁵⁷, т. е. то, что в данной ситуации известно или по крайней мере очевидно и из чего говорящий исходит, — и «ядро высказывания», т. е. то новое, что говорящий высказывает об «исходном пункте» или в связи с ним⁵⁸.

Связь высказывания с конкретной ситуацией и контекстом, а тем самым и семантическая структура и актуальное членение предложения могут быть весьма разнообразными в зависимости от разнообразия возможных ситуаций и контекста. В качестве примера представим себе предложение *Papa idem!* произнесенным в двух разных ситуациях: 1) дети ожидают отца — слышались шаги; 2) дети слышат шаги — оказывается, идет отец. В обоих случаях говорится о приходе отца, но семантическая структура в зависимости от конкретной ситуации меняется; в первом случае *papa* — основа высказывания, *idem* — ядро высказывания (актуальное членение основа ~ ядро совпадает с членением грамматическим); во втором случае, наоборот, *papa* — ядро высказывания, *idem* — основа высказывания. Важно не только само расчленение предложения на основу и ядро высказывания, но и порядок, в котором следуют основа и ядро высказывания один за другим. В повествовательном предложении обычным является порядок от основы (т. е. того, что известно) к ядру высказывания. В таком случае проф. Матезиус говорит об «объективном порядке» (например: *Za эту книгу*

⁵⁴ Там же, стр. 161; ср. также «Тезисы», о которых говорилось выше.

⁵⁵ Об этом свидетельствует и интерпретация таких фактов, как чеш. *ta špina — ten špina*.

⁵⁶ Ср. в особенности его работы: «O tak zvaném aktuálním členění větném», сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 243 и сл.; «Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbou», там же, стр. 360 и сл.; «Základní funkce českého pořádku slov», там же, стр. 327 и сл.; «O srozumitelnosti a působivosti mluveného slova v rozhlase», там же, стр. 137 и сл.; «Řeč a sloh». Учение об актуальном членении предложения нашло доступ и в школьные учебники. См., например, «Cvičebnice jazyka českého pro I. třídu gymnasií a vyšších odborných škol», Praha, 1951.

⁵⁷ В других работах употребляется вместо термина «východiště» термин «základ» (основа).

⁵⁸ V. M a t h e s i u s, O tak zvaném aktuálním členění větném, стр. 234.

я заплатил двадцать рублей) в отличие от «субъективного порядка», когда вследствие особой мотивировки (например, взволнованности, стремления особо подчеркнуть тот или иной момент высказывания) говорящий начинает с ядра высказывания (т. е. в самом начале высказывания не устанавливает связь с ситуацией или контекстом) и только потом добавляет его основу (например: *Двадцать рублей я заплатил за эту книгу*).

Нормальным является субъективный порядок основы и ядра высказывания в предложениях вопросительных, побудительных, восклицательных. Очевидна в славянских языках (или вообще в языках с неграмматикализованным порядком слов) связь актуального членения с порядком слов в предложении. Актуальное членение предложения является основным фактором, определяющим порядок слов в предложении⁵⁹. В других языках актуальное членение предложения выражается другими средствами⁶⁰. Вопрос о зависимости предложения от конкретной ситуации и контекста — вопрос животрепещущий; синтагматический строй предложения, перспективы исследования которого дает акад. В. В. Виноградов⁶¹, является несомненно центральной его частью. Проф. Матезиус теорию синтагмы с этим вопросом не связывает, хотя синтагму не оставляет без внимания⁶².

Разработка вопросов литературного языка привела проф. Матезиуса к вопросам с т и л я⁶³. Здесь нам хотелось бы лишь отметить одну наиболее интересную работу проф. Матезиуса «Řeč a sloh»⁶⁴. «Под стилем в области словесной (в области словесного выражения. — О. Л.), — говорит в этой работе проф. Матезиус, — мы понимаем определенный способ, каким использованы или каким обыкновенно используются средства языкового выражения для достижения конкретной цели»⁶⁵. Таким образом, по мнению проф. Матезиуса, стиль — это, во-первых, нечто данное, что можно наблюдать на готовых высказываниях (будь они совсем элементарными или сложными словесными произведениями), или, во-вторых, стиль только возможность, обусловленная ситуацией, в которой высказывание возникает, с которой оно связано. В этой ситуации выступают в качестве определяющих три фактора: возможности данного языка, сам говорящий или пишущий и поставленная цель высказывания («стиль функционального объекта»). Наиболее важным, согласно проф. Матезиусу, является для нас различие между стилем индивидуальным, т. е. проявлением в высказывании индивидуальности говорящего или пишущего, и стилем функциональным, показывающим, как высказывание удовлетворяет требования функционального объекта. В своей работе проф. Матезиус сосредоточивается на последнем, причем ограничивается рассмотрением того, как сама система чешского языка определяет возможности стиля простого изложения.

Читая работы проф. Матезиуса, нужно иметь всегда в виду, что его лингвистическое наследие внутренне противоречиво. Основное противоречие — в том, что методология, которой он следовал, ошибочна, тогда как его конкретный тонкий анализ, исходящий всегда из языковой эмпирии, позволял ему приходиться к ценным наблюдениям и правильным выводам.

*

Грамматическая система проф. В. Скалички, как она представлена в его книге «Zur ungarischen Grammatik», изданной в 1935 г., строится в тесной связи с разработкой типологической характеристики языков и полностью ей подчинена (ср. контакт лингвистического анализа с задачами лингвистической характеристики и у проф. Матезиуса). По мнению автора, анализ грамматической системы языка должен определить место данного языка среди других языков⁶⁶, поэтому решение этого вопроса наряду

⁵⁹ Ср. V. Mathesius, Základní funkce českého pořádku slov, стр. 327 и сл.; см. также «Řeč a sloh», стр. 73 и сл.

⁶⁰ Ср. в связи с этим суждение о функции пассивных конструкций в западных языках (например, в английском) у Б. Г а в р а н е к а (Influence de la fonction de la langue littéraire); о том же вопросе в японском языке см.: Е. П о л и в а н о в, Zur Frage der Betonungsfunktionen, «TCLP», t. VI, стр. 75 и сл.

⁶¹ См. В. В. В и н о г р а д о в, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., Учпедгиз, 1950, стр. 248—256.

⁶² V. Mathesius, Mluvní takt a některé problémy příbuzné, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 243 и сл.

⁶³ О стилистике и ее соотношении с лингвистикой ср. уже в его ранней работе: «O potenciálnosti jevů jazykových», «Věstník Královské české společnosti Nauk», tř. filos.-histor.-jazykozpytná, sv. II, Praha, 1911, стр. 1—24.

⁶⁴ См. сб. «Čtení o jazyce a poesii».

⁶⁵ Там же, стр. 35.

⁶⁶ V. S k a l i č k a, Zur ungarischen Grammatik, стр. 57.

с выяснением общих принципов подхода к грамматической системе занимает в названной работе центральное место; кроме венгерского языка, рассматриваются еще системы чешского, финского и турецкого языков.

Прежде всего следует остановиться на том, как автор понимает грамматику. Его понимание области грамматики чрезвычайно широко: она, по его мнению, охватывает все стороны языка, кроме фонологии⁶⁷. Такое широкое, а вместе с тем и расплывчатое понимание грамматики свойственно не только Скаличке. Исходным пунктом для него послужило следующее определение грамматики Р. Якобсоном: «Грамматика занимается знаками, а фонология частями, составляющими эти знаки»⁶⁸. В своей работе автор не следует данному определению грамматики и сужает ее объем. На той же странице он пишет: «Наша работа рассматривает прежде всего формативные элементы, значит, именно то, что обычно называется грамматикой». Материал ограничен и проблематика упрощена тем, что автор привлекает только неаффективный, тщательно отработанный стиль⁶⁹.

Как понимает проф. Скаличка систему языка, мы убеждаемся из следующих его слов: «Структуральная лингвистика учит, что все в языке существует только благодаря противопоставлению другим явлениям». Следуя этой сосюррианской идее, принятой в структуральном языкознании, проф. Скаличка стремится определить тот элемент, на основании которого языковая система построена. Такой подход к раскрытию грамматического строя вполне соответствует сосюррианской метафизической концепции системы языка⁷⁰. Для Скалички языковая система и существование основного ее элемента — это неразрывно друг с другом связанные два момента. «Если грамматика образует систему, тогда нужно найти наименьшую единицу, которая эту систему составляет»⁷¹.

Проф. Скаличка начинает с анализа принятого в ПЛК определения морфемы, данного Бодуэном де Куртене («морфологическая единица, неделимая на более мелкие морфологические единицы») ⁷². Если понимать «морфологическую единицу» как единицу грамматическую, рассуждает В. Скаличка, то нельзя согласиться с тем, что это единица неделимая (ср. англ. *hand* / *ǝ* ~ *hand/s* и *foot* ~ *feet*, *tooth* ~ *teeth* или чеш. *voják* / *ǝ* ~ *vojác/i*), так как формальное выражение грамматического значения может также касаться только части морфемы или же, наоборот, может выходить за границы одной морфемы и переходить в другую морфему (что нарушает бодуэновский принцип неделимости). В этом соглашается с В. Скаличкой Ельмслев⁷³. По его мнению, бодуэновское определение морфемы не позволяет ясно выявить различие между морфемой и семантемой — формой и содержанием (т. е., другими словами, не позволяет оторвать форму от содержания) и не позволяет расчленять сложные по содержанию единицы, например латинское окончание *-ibus*. На этом основании Скаличка считает нужным заменить понятие морфемы как наименьшего грамматического элемента понятием семы⁷⁴. Сема должна быть таким элементом, на которые можно было бы разложить любой язык (быть применимой к каждому языку), одновременно быть элементом и формальным, и семантическим. Несмотря на то, что единство формы и содержания настойчиво подчеркивается, интерпретация языкового материала показывает, что тут мы имеем дело с элементом семантическим, с элементом грамматического значения, оторванного от его формального выражения. Что это действительно так, показывают следующие примеры: сема (грамматический элемент) может выражаться самостоятельными формальными элементами (ср. тур. род. падеж ед. числа *ev* / *ǝ* / *in* ~ род. падеж мн. числа *ev* / *ler* / *in*), или, наоборот, один и тот же формальный элемент может выражать несколько сем — грамматических элементов [ср. *stol* / *a* (род. падеж ед. числа)].

Приведенные примеры показывают также, что в разных языках соотношение семы и морфемы⁷⁵ различно. В славянских языках, в древнегреческом, латинском (вообще

⁶⁷ См. там же, стр. 7.

⁶⁸ Цит. по упомянутой книге проф. Скалички, стр. 7.

⁶⁹ См. там же.

⁷⁰ Де Соссюр говорит: «Странным и поразительным свойством языка является таким образом то, что в нем не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие и образует язык». По его мнению, эта черта отличает язык от других семиологических систем (См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 106—109).

⁷¹ V. S k a l i ě k a, Zur ungarischen Grammatik, стр. 12.

⁷² Ср. «Projet de la terminologie phonologique standartisée», «TCLP», t. IV, стр. 309 и сл.

⁷³ См. «Acta Linguistica», v. II, f. 1, Copenhagen, 1940—41, стр. 63—64.

⁷⁴ «Sema: Grammatisches Element» (см. «Zur ungarischen Grammatik», стр. 66).

⁷⁵ Термин «морфема» В. Скаличка употребляет в значении «сочетание сем» (Semaverbindung): «Сочетание сем, которое выражено однозначно, самостоятельно или при помощи других морфем, непрерывным рядом фонем» (указ. соч., стр. 66).

в языках флективных) существует ясное противопоставление (различие) семы и морфемы, тогда как, например, в турецком (и вообще в языках агглютинативных) этого противопоставления, в общем, нет. Морфема, как ее понимает В. Скаличка, занимает в этих языках очень скромное место; вообще она «существует лишь потенциально» (т. е. как более или менее последовательная реализация той или иной черты языковой системы)⁷⁶.

Основной грамматический элемент — сема — противопоставит, как уже было сказано, и другим грамматическим единицам (не только морфеме) — слову и предложению (простому и сложному) как сематическим сочетаниям (для грамматической единицы вообще — семы, морфемы, слова и т. д. — В. Скаличка вводит термин «семем»). Вся система языка распадается на ряд сематических элементов (сем) с разными возможностями сочетания в разных языках (ср. выше о соотношении семы и морфемы в языках флективных и агглютинативных). План противопоставлений не ограничивается одним только противопоставлением семы и морфемы, а охватывает и более сложные сематические сочетания; так, образуют противопоставления: «морфема ~ слово»; «слово ~ предложение»; «простое предложение ~ сложное предложение». Как и в случае «сема ~ морфема», эти противопоставления реализованы в разной степени в зависимости от строя языка. Эта степень реализации как раз и характеризует его (ср., например, различное соотношение слова и предложения, разную степень самостоятельности слова в предложении в языках флективных, с одной стороны, и так называемых аналитических — с другой, или, например, различную степень противопоставления простого и сложного предложения в языках флективных и в языках агглютинативных). В этом плане противопоставлений по линии вертикальной («сема ~ морфема ~ слово ~ предложение») и в плане противопоставлений, расположенных в плоскостях горизонтальных (различия внутри сем, морфем, слов, предложений)⁷⁷, располагается и формируется, по проф. Скаличке, система (каждого) языка. То, что вся система языка строится у него на основании «наименьшей единицы», отражается ярче всего в упрощенном схематизме слова и предложения⁷⁸.

Исследование взаимосвязи структурных черт языка («структуральную грамматику») В. Скаличка противопоставляет грамматике описательной. Структуральная грамматика должна, согласно В. Скаличке, содержать учение о фонологической структуре сем, сематических элементов, о «неопределенности» их фонологической структуры и о функциональном использовании этой неопределенности (т. е. о возможных чередованиях и их использовании)⁷⁹, о структуре сематических (и морфематических) сочетаний и их взаимных отношениях. К этим вопросам относятся еще главным образом вопросы омосемии⁸⁰, омонимии, их распространения и использования в языке.

Как указывалось выше, вся лингвистическая система проф. Скалички направлена на решение вопросов типологии или, что то же, только в более общей форме, различий между языками (в формулировке проф. Скалички отношений «langue ~ language»). При их решении проф. Скаличка исходит из аналогии с фонологической теорией⁸¹. Говоря о соотношении между системой определенного языка и языковым

⁷⁶ Понятие потенциальности выдвинул в начале XX в. В. Матезиус. Он понимает под этим «статическое колебание, т. е. неопределенность (непостоянность) в данное время, в отличие от динамической изменчивости, проявляющейся во времени» («O potenciálnosti jevů jazykových», стр. 1). На эту проблему в принципе обратила внимание уже школа Бодуэна де Куртэна.

⁷⁷ Т. е., например, различия между семами вещественного и грамматического значений (проф. Скаличка употребляет для различения термины *Semantem* и *Formem*; здесь сказывается широкое понимание грамматики, отмеченное выше); морфемами словообразовательными ~ словоизменительными; словами знаменательными ~ служебными; именем ~ глаголом...; предложением главным ~ придаточным.

⁷⁸ Ср. рецензию В. М а т е з и у с а на работу В. С к а л и ч к и «Pokus o teorii strukturální mluvnické».

⁷⁹ Это — по-новому сформулированные задачи морфонологии Трубецкого (ср. В. Скаличка, указ. соч., стр. 25 и сл.).

⁸⁰ Термин «омосемия» Скаличка употребляет для таких случаев, как, например: *стал|ы, доктор|а, брат|ья, крестьян|е* (им. падеж мн. числа); лат. *fer|o ~ tul|i, lat|um*; эти случаи можно было бы назвать синонимией. Явлением омосемии считается наличие разных типов склонения и спряжения.

⁸¹ Вследствие стремления приблизить грамматический разбор к фонологическому его работа переполнена спекулятивной терминологией, аналогичной терминологии фонологической; например, термины: о п п о з и ц и я («Das Verhältnis zweier Sememe oder Sememgruppen»), например, сема ~ морфема, имя ~ глагол, которая распадается на д и ф ф е р е н ц и и («Die Opposition zweier Sememgruppen, die nicht gepaart sind», напр., имя ~ глагол), к о р р е л я ц и и («Die Opposition zweier Sememgruppen, die mit Hilfe eines Sema gepaart sind», напр., *учитель, учителя, учителю... ~ учителя, учителей, учителям...*), р е л я ц и и («Die Opposition zweier Semen, die in

типом, проф. Скаличка сравнивает это соотношение с соотношением между фонологической системой определенного языка и структурными чертами фонологической системы с их определенными комбинационными возможностями⁸². Такие же структурные черты, обладающие определенными комбинационными возможностями, существуют в его понимании и в области грамматики. Одни из них взаимосвязаны и взаимобусловлены, другие исключают друг друга⁸³. Так, например, яркое противопоставление «сема ~ морфема», характеризующее флексию (или слабую агглютинацию), сопровождается четкими различиями «слово ~ морфема», «слово ~ предложение», «простое предложение ~ сложное предложение», различиями между морфемами словоизменительными и словообразовательными, богатой дифференциацией категорий слов. Встречаются омосемия и омонимия (противопоставление ед. и мн. числа в таких случаях, как *учитель/в. учитель/я, учитель/ю... ~ учитель/я, учитель/ей, учитель/ям* и т. д., вызвано в интерпретации проф. Скалички функциональным использованием омосемии). Почти полное отсутствие этого противопоставления («сема ~ морфема») при агглютинации не допускает сокращения «прилеп» (формальных элементов), поддерживает их самостоятельность; исключаются омосемия и омонимия и т. п. Тип языка проф. Скаличка поэтому определяет следующим образом: «Тип языка представляется нам как редко или никогда не реализованный экстрем, в котором наиболее полно развиты друг другу благоприятствующие явления. Языки, которые не обнаруживают никакой яркой типологической характеристики, не являются ни в коем случае смешанными; они вполне систематичны. Благодаря вытесненным явлениям одной комбинации, возможно существование другой комбинации»⁸⁴.

В рамках языкового типа возможен целый ряд вариантов (ступеней), в зависимости от того, насколько последовательно реализована та или другая черта. Основываясь на таком понимании языкового типа, типология представляется, правда, гораздо сложнее, чем в работах предшествующих типологов. Однако нельзя согласиться с тем, что «отношение *langue* и *language* следует искать только в количественных различиях»⁸⁵.

В одной из своих более поздних работ⁸⁶ проф. Скаличка приходит к выводу, что «языки не относятся друг к другу просто как разные решения одних и тех же проблем». Отсюда — один шаг к пересмотру грамматической теории, основанной на типологии. Она не раскрывает сущности грамматической категории (и даже не ставит перед собой такой задачи), скользит по поверхности грамматической системы, не схватывает ее индивидуальности, самобытности. Подход к явлениям грамматики, аналогичный анализу фонологической системы, подчеркивает схематичность и искусственность построений.

В пересмотре нуждаются и работы, посвященные исключительно вопросам типологии (наиболее доступны работы «Развитие склонения в чешском языке» и «Тип чешского языка»⁸⁷, в особенности первая). В ней автор прослеживает изменения системы склонения и системы парадигматических типов во взаимосвязи с изменениями в структуре надежных форм в процессе их развития от индоевропейского праязыка.

Главную задачу работы автор видит в том, чтобы установить взаимную связь отдельных фактов, найти общую тенденцию их развития и выявить внутренний смысл типологических изменений. На вопрос, «что такое развитие языка, а значит и развитие склонения?»⁸⁸, проф. Скаличка отвечает: «Я не знаю, что такое развитие языка. Если я здесь и пытаюсь дать решение, то мне ясно, что это решение останется только догадкой»⁸⁹. Решение дается в плане типологической теории. К такому ответу его подводит сама постановка вопроса: вопрос о развитии языка ставится на одну плоскость с развитием склонения, хотя на самом деле это два разных вопроса. Нельзя отрицать, что все известные нам языки обладают формальными признаками, на основании кото-

ihrem begrifflichen Inhalt wesensverwandt sind»; реляцией считается, например, отношение местоимений *ты ~ он*). На эти недостатки своих ранних работ указывает сам проф. Скаличка: «Мои первые работы страдают стремлением достигнуть абстрактной точности, страдают перегруженностью излишней новой терминологией и выискиванием противопоставлений» («Ke kritice strukturalismu», «Tvorba», R. XX, с. 42, Praha, 1951, стр. 1011—1012).

⁸² «Zur ungarischen Grammatik», стр. 42.

⁸³ Об этом в области фонологии ср.: R. Jakobson, *Remarques sur l'évolution phonologique*, «TCLP», t. II, стр. 18; ср. также V. Brøndal, *Les parties du discours*, Copenhague, 1928.

⁸⁴ «Zur ungarischen Grammatik», стр. 62.

⁸⁵ Там же, стр. 57.

⁸⁶ V. Skalička, *Problém jazykové různosti*, «Slovo a slovesnost», R. IX, 1947, стр. 80 и сл.

⁸⁷ V. Skalička, *Vývoj české deklinace. Studie typologická*, Praha, 1941; *Typ češtiny*, Praha, 1951.

⁸⁸ «Vývoj české deklinace», стр. 3.

⁸⁹ Там же.

рых строится так называемая типологическая классификация языков. Но это еще не является доказательством того, что типологическая теория развития языков правильна.

Общим принципом развития языков можно считать только то, что связано с сущностью каждого языка (развитие «путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»⁹⁰ в сложной зависимости от растущих и меняющихся потребностей общения и от самой языковой системы) и с основными свойствами структуры языка, из которых вытекает неравномерность развития структурных компонентов языка⁹¹. В этих общих границах каждый отдельный язык развивается по своим внутренним законам развития. Недопустима поэтому подмена исторического исследования языка типологической схемой, всегда в той или иной степени априорной⁹². Только историческое исследование конкретных языков сможет выяснить и многие вопросы типологии. Антиисторизм, разрыв формы и содержания, схематизм построений и искусственность интерпретаций языкового материала отмечает акад. Ф. Травничек как основные недостатки последней работы проф. Скалички «Тур бейтину». К сожалению, критик, отрицая структуральную типологию, отрицает как будто типологию вообще⁹³.

Проф. Скаличка понимает, в чем заключаются ошибки не только его работ по типологии, но и работ других авторов, которые останавливают свое внимание преимущественно на общих вопросах теории языка⁹⁴. Очевидно, ему удастся в связи с этим преодолеть свои ошибки. Уже некоторые послевоенные работы проф. Скалички, например его «Заметки по теории падежа»⁹⁵, указывают, что он в лингвистическом анализе гораздо ближе к языковой действительности, чем в более ранних своих работах.

Структуральная лингвистика не создала цельной и общепризнанной теории грамматики. Анализ работ, в которых дается обоснование структуральной грамматики, показывает, что, несмотря на все различия, между ними существует внутреннее сходство, обусловленное идеалистическим подходом к языку в структуральной лингвистике.

Не случайно, что так трудно найти работы, где бы решался вопрос о сущности грамматической категории. Решение грамматических вопросов расположено в плане синхронии, метафизическое противопоставление синхронии и диахронии сохраняется; метод «аналитического сравнения», который выходит за границы своего возможного применения, укрепляет антиисторизм в языкознании и вместе с теорией «языковых союзов» колеблет теорию праязыка, отвлекает внимание от решения генетических вопросов. Вообще вопросы развития языка отходят на задний план, система языка сводится к противопоставлениям сосуществующих элементов и их связи — это лишает ее движения, жизненности, придает ей вневременной характер. Общий характер схем стирает самобытность исследуемого языка; спекулятивный подход к нему часто заменяет тщательный анализ языкового материала.

*

Как уже указывалось вначале, ПЛК возник и развивался в определенных общественных условиях и, являясь продуктом этих условий, был связан с определенным этапом развития лингвистической теории. Воплоне понятно поэтому, что большие сдвиги во всех областях общественной жизни, происшедшие в Чехословакии после революции в мае 1945 г., не могли не отразиться и на работе ПЛК (в известной степени здесь

⁹⁰ И. С т а л и ц, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

⁹¹ См. В. В. В и н о г р а д о в, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 3 и сл.

⁹² Искусственной является и интерпретация некоторых частных фактов. Так, например, проф. Скаличка («Vývoj...», стр. 34) объясняет в склонении чешских *znamení dobrý, ten* повторяющийся вокализм — *i*- (ед. число — им., род., дат., вин. пред. падежи *znamen-í*, твор. падеж *znamen-í-m*; мн. число — им., род., вин. падежи *znamen-í*, дат. падеж *znamen-í-m*, пред. падеж *znamen-í-ch*, твор. падеж *znamen-í-mi*), *-ě*- (род. падеж *dobr-ě-ho*, дат. падеж *dobr-ě-mu*, пред. падеж *o dobr-ě-m* и т. д.), *-o/-ě*- (ед. число — род. падеж *t-ě-ho*, дат. падеж *t-o-mu*, пред. падеж *o t-o-m*; мн. число — род., пред. падежи *t-ě-ch*, дат. падеж *t-ě-m*, твор. падеж *t-ě-mi*) — как тематический признак (по своей функции тождественный, например, с *-o*- или *-ā*- в индоевропейских *o*- основах или *ā*- основах), хотя для этого нет достаточных оснований.

⁹³ Fr. T r á v n í č e k, *Strukturalistická typologie jazyková*, «Tvorba», R. XX, č. 47, Praha, 1951, стр. 1125—1126.

⁹⁴ См. V. S k a l i č k a: *Ke kritice t. zv. typologie jazyků*, «Tvorba», R. XX, č. 49, Praha, 1951 (на обложке).

⁹⁵ V. S k a l i č k a, *Poznámky k teorii pádů*, «Slovo a slovesnost», R. XII, č. 3—4, Praha, 1950, стр. 134 и сл.

оказали влияние и перемены в составе членов кружка). Большинство понимало, что на старых позициях оставаться нельзя, между тем как новый путь не был еще найден. ПЛК переживал кризис. Популяризацию «нового учения» о языке следует расценивать прежде всего как дезориентирующий и задерживающий момент в развитии кружка. Нужно, однако, признать, что в самой теории структурализма есть черты, которые могли облегчать влияние на него «нового учения» о языке, например признание «языковых союзов».

Началом действительной критики, ставшей возможной только после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, можно считать ряд критических и самокритических выступлений и статей, опубликованных во второй половине 1951 г. в журнале «Tvorba»⁹⁶. Поскольку влияние структурализма не ограничилось лишь областью языкознания, появились статьи о структурализме в литературоведении, литературной критике, эстетике. Критика, к сожалению, не была закончена, не были подведены итоги и не были приняты какие-либо конкретные решения⁹⁷. Тем не менее уже эта первая критика убедительно показала несостоятельность, порочность структуральной теории. Для преодоления всех недостатков и успешного развития науки о языке необходимо, конечно, не только довести лингвистическую дискуссию до конца, но и настойчиво овладевать марксистской методологией.

Глубокое усвоение работ И. В. Сталина по языкознанию, представляющих собой стройную систему марксистского языкознания, систематическое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, борьба с идеализмом в языкознании, углубленное критическое освоение лингвистического наследства, использование опыта самой передовой в мире советской науки, связь с практикой и разработка конкретных языковедческих вопросов, самокритическое и требовательное отношение к своей работе — вот, как нам кажется, основные условия успешного развития чехословацкой лингвистики вообще.

В дальнейшем развитии чехословацкого языкознания большая роль, несомненно, принадлежит Чехословацкой Академии наук, которая будет органом, объединяющим и направляющим силы всех чехословацких языковедов к единой цели — к созданию марксистского языкознания.

О. Лешка

НОВАЯ ПОПЫТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

(По поводу статьи Вл. Георгиева «Опыт за периодизация на историята на българския език», «Известия на Института за български език», кн. II, София, 1952, стр. 71—116).

Проблема периодизации истории конкретного языка — одна из важных и вместе с тем очень трудных проблем языкознания. В свете основных положений марксистского учения о языке должны быть критически пересмотрены старые схемы периодизации истории языков, должна быть выработана такая периодизация, которая опиралась бы не на случайно выхваченные внешние признаки, а на существенно важные, глубинные процессы в историческом развитии данного языка и которая, таким образом, правильно отражала бы его действительную историю. Работа над этими во-

⁹⁶ См. P. S g a l l, *Stalinovy práce o jazykovědě a pražský linguistický strukturalismus*, «Tvorba», R. XX, č. 28, Praha, 1951, стр. 674—676; Fr. T r á v n í ě k, *Strukturalismus — nepřítel naší jazykovědy*, «Tvorba», R. XX, č. 37, стр. 893—894; V. B a r n e t, «Tvorba», R. XX, č. 38 (на обложке); J. M u k a f o v s k ý, *Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 40, стр. 964—966; J. B ě l i ě, *Překonaním strukturalismu k marxistické jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 41, стр. 987—989; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice strukturalismu*, «Tvorba», R. XX, č. 42, стр. 1011—1012; F r. B u r i á n e k, *Poznámka k diskusi o strukturalismu v literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 44, стр. 1059; Fr. T r á v n í ě k, *Strukturalistická typologie jazykův*, «Tvorba», R. XX, č. 47, стр. 1125—1126; V. B a r n e t, *Ke kritice strukturalismu v naší jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 49, стр. 1177—1178; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice t. zv. typologie jazyků*, «Tvorba», R. XX, č. 49 (на обложке); M. N o v á k, *Ke kritice strukturalismu v české estetice*, «Tvorba», R. XX, č. 52, стр. 1252. — Довольно подробно на дискуссию останапливается Н. А. Копдрашов (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 109 и сл.).

⁹⁷ Нужно заметить, что большим недостатком является и то обстоятельство, что дискуссия совсем не касалась вопросов словацкой лингвистики, хотя в связи с вопросом о структурализме развитие словацкой лингвистики представляет особый интерес

просами только начинается. Рецензируемая статья болгарского академика Вл. Георгиева представляет несомненный интерес как одна из первых попыток такого рода.

В начале своей статьи автор справедливо указывает на неудовлетворительность общепринятого деления истории болгарского языка на три периода (древнеболгарский — до XI в. включительно, среднеболгарский — от XII до XIV или XV в. и новоболгарский — от XV или XVI в. до настоящего времени), целиком соглашаясь с уже выдвигавшимися в науке возражениями против этого деления¹. По мысли автора, правильная научная периодизация истории языка возможна только на основе следующих трех принципов: 1) выявления старого и нового качества в развитии данного языка с учетом марксистского положения о постепенном накоплении элементов нового качества, новой структуры языка и постепенном отмирании элементов старого качества; 2) выявления внутренних законов развития, действующих в данном языке; 3) учета неразрывной связи между историей языка и историей народа — его творца и носителя (стр. 73)². Традиционная периодизация истории болгарского языка, сложившаяся, в основном, в середине XIX в., естественно, не отвечает этим принципам.

Развивая далее второе из указанных положений, автор останавливается на проблеме основного закона развития языка. Он пишет: «В своем последнем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ И. В. Сталин указал, что одна общественно-экономическая формация не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один основной экономический закон, именно как основной закон. Сталинское положение об основном законе, действующем на протяжении определенного периода общественного развития, показывает нам, как важно для исследователя в любой научной области уловить в беспорочном многообразии связей и взаимозависимостей основную, определяющую закономерность. Это сталинское положение имеет для нас, лингвистов, огромное методологическое значение. Не ставя знака равенства между основным законом в политической экономии и основным законом в языкознании, надо подчеркнуть, что подобные законы действуют и в языке на протяжении определенных периодов его развития» (стр. 75—76). Именно результаты действия такого основного закона развития языка и должны, по мнению автора, послужить основным критерием при решении вопроса о его периодизации.

Какие же выводы делает автор из этих своих общих положений конкретно для периодизации истории болгарского языка? Основной внутренней закон, характеризующий развитие болгарского языка, он определяет как «движение от синтетического строя к аналитическому» (стр. 76). Автор подчеркивает далее, что это движение не есть какой-либо универсальный закон развития языка вообще, как утверждали Есперсен и другие буржуазные языковеды, а есть частное явление, наблюдаемое в истории лишь некоторых языков — болгарского, английского, персидского, французского и некоторых других (стр. 80). Соответственно и причины этого движения заключаются не в мнимом «превосходстве» аналитического строя над синтетическим — в действительности оба строя вполне равноценны, — а в конкретно-исторических условиях развития данных языков в связи с историей соответствующих народов.

Для болгарского языка основной причиной падения синтетического склонения и вообще перехода к аналитическому строю было, по мнению автора, интенсивное взаимодействие с соседними языками, в первую очередь с румынским и среднегреческим, и ассимиляция многочисленного иноязычного населения (стр. 81, 95 и др.). Уже в период с VII по X в. происходит ассимиляция сначала фракийцев [что, впрочем, по мнению автора, не сыграло сколько-нибудь существенной роли (стр. 81)], а затем тюркоязычных протоболгар. Этот процесс создал в северовосточных болгарских говорах «начальные условия для легкого, еще незначительного расшатывания синтетического строя» (стр. 90). Значительно более важную роль сыграли происходившие позже, в XI—XIII вв., процессы ассимиляции печенегов, узов, куманов и, отчасти, романизированного и грецизированного населения, жившего на полуострове вперемежку с болгарами, как и процесс воздействия греческого и румынского языков (помимо условий этнического смешения) в обстановке «византийского ига» (1018—1187 гг.).

«При ассимиляции многочисленного иноязычного населения, — пишет Вл. Георгиев, — синтетические формы победившего языка обыкновенно распадаются» (стр. 95). К тому же греческий и румынский языки того времени, пишет он, уже имели трехпадежную (хотя и не тождественную в обоих этих языках) систему, что способствовало сведению и в болгарском языке числа падежей к трем (в местоимении) и отмиранию прежде всего таких падежей, как местный и творительный, т. е. падежей, совершенно чуждых языку окружающей романо-греческой среды (стр. 84). Побутно Георгиев отмечает, что некоторую, впрочем второстепенную, роль могли здесь играть и внутрен-

¹ См. С. Б. Бернштейн, К вопросу о периодизации истории болгарского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

² Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы рецензируемой статьи.

ние процессы, происходившие в самом болгарском языке,— фонетическое выравнивание некоторых окончаний, усиленное использование предлогов, часто делавшее падежное окончание излишним.

Элементы нового качества, т. е. аналитического строя, накапливались в языке постепенно, говорит автор. До конца XIV в. преобладали еще элементы старого качества (стр. 101). На этом основании автор расширяет рамки древнеболгарского периода, включая в него все развитие болгарского языка до XIV в. включительно. Внутри древнеболгарского периода он насчитывает пять более мелких хронологических рубрик: 1) период племенных диалектов и языка племенных союзов с VI по VII в. как «переходный период» «от общеславянского к славяноболгарскому языку»; 2) период установления болгарского языка народности, или «славяноболгарский период», от последней четверти VII в. до середины IX в.; 3) ранний, или собственно древнеболгарский период, от второй половины IX в. до начала XI в.— период, на протяжении которого окончательно утверждается болгарский язык народности и оформляется, в частности, письменный язык; 4) «период сильных языковых взаимодействий» с XI до XII в. и 5) «поздний древнеболгарский период с XIII по XIV в., на протяжении которого, особенно во второй половине XIV в., отмечаются признаки перехода к новоболгарскому».

С XV в. начинается новоболгарский период — период, на протяжении которого получает перевес и утверждается в языке новое качество — аналитический строй. В рамках новоболгарского языка XV в. составляет переходный период, далее следует ранний новоболгарский (от начала XVI до середины XVIII в.) и, наконец, период болгарского национального языка (от середины XVIII в. до нашего времени), в свою очередь охватывающий три «подпериода»: 1) ранний — до второй четверти XIX в., 2) период утверждения «центрально-восточных» говоров в качестве основы болгарского национального языка и 3) период современного болгарского языка — от освобождения Болгарии из-под турецкого ига до настоящего времени.

Такова в кратких чертах схема, предлагаемая Вл. Георгиевым. Некоторые его положения, как нам кажется, совершенно правильны, но некоторые представляются в той или иной степени спорными или же, во всяком случае, требующими определенных уточнений.

Очень хорошо, что Вл. Георгиев ставит вопрос об основном внутреннем законе развития болгарского языка. Постановка этого вопроса своевременна. Как отмечает акад. В. В. Виноградов, «... труд И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ побуждает языковедов при изучении истории языка глубоко задуматься над вопросом о соотношении и удельном весе разных законов развития языка, а также над проблемой наличия основного закона развития языка в тот или иной период его истории»³. «Опираясь на изучение конкретных процессов истории того или иного языка в отдельные периоды, языковеды должны решить положительно или отрицательно вопрос о наличии основного закона развития языка в тот или иной период»⁴.

Вл. Георгиев не только ставит этот важный вопрос, но и предлагает определенное его решение. Но это решение вызывает ряд серьезных сомнений. В чем суть самого понятия основного закона? Раскрывая это понятие и имея конкретно в виду основной экономический закон капитализма, И. В. Сталин указывает: «Основной экономический закон капитализма — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития капиталистического производства, а все главные стороны и все главные процессы этого развития, — следовательно, определяет существо капиталистического производства, его сущность»⁵. Очевидно, что в языкознании, говоря об основном законе развития языка в тот или иной исторический период, мы должны иметь в виду такой закон, который определял бы не какую-либо отдельную сторону этого развития (например, развитие одного только грамматического строя языка, или одного только словообразования, или одной только фонетики и т. д.), не какие-либо отдельные процессы этого развития (например, развитие аналитических средств выражения), а все главные стороны и все главные процессы этого развития. Но крайней мере, поскольку грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, основой закон развития языка должен определять все главные процессы развития, наблюдаемые на протяжении известного периода в этих двух областях — в грамматическом строе языка и в его основном словарном фонде.

Очевидно, формулируемый Вл. Георгиевым «закон перехода от синтетического строя к аналитическому» не может считаться основным законом развития языка в ука-

³ В. В. Виноградов, Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 37.

занном смысле слова, так как даже в области развития одного только грамматического строя болгарского языка он далеко не охватывает и не определяет всех важнейших сторон и процессов этого развития.

Совершенно бесспорно, что развитие аналитических средств выражения некоторых грамматических категорий, прежде всего развитие системы аналитического выражения синтаксических связей имени существительного (взамен старой системы флексивных падежей), играет важную роль в истории болгарского языка. Широкое использование этих аналитических средств составляет существенное отличие новоболгарского языка от языка средневековой болгарской письменности. Но, наряду с этим, имеется и ряд других, пожалуй не менее важных, различий в грамматическом строе между древним письменным и современным живым (разговорным и литературным) болгарским языком, которые не имеют никакого отношения к развитию «аналитического строя». Это, в частности, развитие членных форм, которые и самим Вл. Георгиевым не зачисляются в группу «аналитических» (см. стр. 78), а по сути должны рассматриваться как элементы «нового синтеза»; это — развитие так называемых «пересказывательных форм» глагола, появление «пересказывательного причастия» и форм особого условного наклонения типа *ядам*; это — развитие нового спряжения глаголов — спряжения стяженных основ на *-а-*, представляющего принципиально новое качество по сравнению со старыми спряжениями с их системой двух основ; это — утрата категории двойственного числа и развитие на ее базе у существительных мужского рода категории количественно-определенной множественности и т. д. Нам не должно смущать то, что некоторые из этих процессов (например, утрата двойственного числа и некоторые другие) находят себе более или менее полные аналогии и в других славянских языках, так как при постановке вопроса о периодизации истории болгарского языка нас должно интересовать не то, что отделяет современный болгарский язык от других современных славянских языков, а лишь то, что отделяет его от средневекового языка болгарской письменности.

В группу фактов, характеризующих грамматический строй современного болгарского языка как строй аналитический, включаются у Вл. Георгиева такие факты, как замена инфинитива конструкцией с *да*, будущее время типа *ще ходя*, исчезновение ряда причастных форм и замена их придаточными предложениями. Следует, однако, заметить, что все эти процессы связаны с сохранением и с широким использованием «синтетических» флексивных форм глагола — форм, характеризующихся личным окончанием, так что, например, вместо одной формы старославянского инфинитива *ходить* в современном языке имеем шесть форм — *да ходя*, *да ходиш*, *да ходи*, *да ходим*, *да ходите*, *да ходят*. Разве можно безоговорочно подводить подобный переход под формулу «от синтеза к анализу»? Разве не вернее будет сказать, что служебные слова и частицы, участвующие в формообразовании болгарского глагола, не вытесняют флексию, а так или иначе сочетаются, сосуществуют с нею? Уже Б. Цонев подчеркивал, что, говоря об анализе, «...мы в первую очередь имеем в виду падежные формы, склонение, так как спряжение осталось приблизительно таким же, каким мы знаем его еще по древнеболгарскому...»⁶, т. е. синтетическим.

Одним словом, нам представляется, что традиционная формула, безоговорочно причисляющая болгарский язык к «языкам аналитического строя», есть односторонняя и, следовательно, не совсем верная формула. Правильнее говорить не об аналитическом строе болгарского языка в целом, а уже и конкретнее — об аналитической системе выражения синтаксических связей существительного с другими словами в предложении⁷. Но если это так, то вряд ли можно говорить хотя бы даже о «преимущественно-аналитическом» (стр. 80) характере болгарского языка, и уж во всяком случае не следует рассматривать движение от синтеза к анализу как основной закон его развития.

Вообще, может быть, основной закон развития языка следует искать не столько среди частных внутренних законов развития отдельных национальных языков, сколько среди общих внутренних законов развития, действующих в языке как в специфическом общественном явлении, не относящемся ни к разряду базисов, ни

⁶ Б. Цонев, История на българския език, т. II, София, 1934, стр. 454.

⁷ Отметим, что некоторые авторы, имея в виду конкретные факты современного болгарского языка, дают значительно более узкое определение самому понятию «аналитического языка», чем то, из которого исходит Вл. Георгиев в данной статье. Так, проф. Л. Андричин в статье «Към въпроса за аналитичния характер на съвременния български език» (журн. «Български език», София, 1952, кн. 1—2, стр. 22) прямо пишет: «Языки, как современный болгарский, в которых синтаксические и смысловые отношения имен существительных в предложении выражаются без помощи падежных форм, называются аналитическими». Такое сужение понятия «аналитического языка» представляется нам несколько произвольным. Но если уж называть болгарский язык «языком аналитического строя», то только в этом, более узком, смысле, который имел в виду и Б. Цонев в приведенной выше цитате.

к разряду надстроек. В этом случае можно было бы говорить, например, об основном законе развития племенных языков, об основном законе развития языка народности и т. д. Так, основным законом развития эпохи становления национального языка можно было бы считать закон обязательного закрепления языка в литературе, обязательной выработки его литературной нормы (со всеми последствиями этого процесса для обогащения лексики и фразеологии языка, для усложнения его словообразовательных приемов, синтаксических конструкций и т. д. — особенно в тех языках, которые не успели выработать литературной нормы на протяжении предшествующего исторического периода своего развития).

Что касается конкретно-исторических причин развития аналитических средств выражения в болгарском языке (как и развития в нем некоторых других «балканизмов», не относящихся к аналитическим средствам), то в этой части положения Вл. Георгиева представляются нам более основательно аргументированными. И все же не следует упускать из виду, что интенсивное развитие «анализа» может происходить и вне обстановки этнических смещений и взаимодействия языков. Так, например, в датском языке анализ развился в гораздо большей степени, чем в болгарском (в датском глаголе, например, полностью отсутствуют формы, которые выражали бы лицо и число подлежащего), хотя сколько-нибудь интенсивного взаимодействия с другими языками здесь не было.

Очевидно, при рассмотрении подобных вопросов надо больше внимания уделять внутренним законам развития данного языка. Автор, правда, и сам призывает к этому и в ряде случаев действительно стремится учитывать внутренние законы развития, ярко проявляющиеся даже в отношении категорий, так или иначе связанных с внешними влияниями. Так, говоря о членных формах болгарского языка (стр. 83), он указывает на то, что позиция члена (его постановка после имени) объясняется внутренними законами развития самого болгарского языка (ср. общеславянские членные формы прилагательных). Но при рассмотрении некоторых других явлений автор, как нам кажется, иногда несколько переоценивает роль внешних воздействий. Так, например, трудно согласиться с предположением о заимствовании болгарским языком частицы *po-*, используемой при образовании сравнительной степени, из романского *piu* (ср. лат. *pius*, итал. *più*), как и с тем, что русские формы *получше*, *поновее* (кстати, широко встречающиеся в русских народных говорах) появились в результате воздействия болгарского языка на русский в эпоху второго южнославянского влияния (стр. 100). Не естественнее ли предположить, что болг. *по-хубав* и русск. *получше* развились независимо друг от друга на основе общего материала, унаследованного обоими языками из общеславянского языка-основы?

Известным минусом периодизации, которую предлагает автор для болгарского языка, кажется нам недостаточный учет в ней того немаловажного обстоятельства, что письменный язык (литературный, церковный, официально-канцелярский), употреблявшийся в средневековой Болгарии, никак не являлся адекватным отражением устного живого народно-разговорного языка того времени. Разрыв между живым языком и языком письменности автор отмечает, в частности, для XIII и особенно для XIV в. Но из факта этого разрыва никаких выводов для своей периодизации он не делает. А между тем в начале статьи он ставит перед собой задачу охватить в своей периодизации «как развитие письменного, так и особенно (разрядка наша. — Ю. М.) разговорного языка» (стр. 73). Ясно, что если в определенных исторических условиях язык письменности не совпадает с народно-разговорным языком, то разрыв окажется и их периодизация. Есть все основания считать, что в живом народном болгарском языке победа элементов нового качества по ряду основных линий (не только по линии развития аналитических средств) определилась не к началу XV в., как в языке письменных памятников (конкретно — в валашских грамотах), а значительно раньше, вероятно уже в XIII в. Иначе были бы непонятны те, пусть еще единичные, но порой весьма резкие нарушения традиционных норм литературного языка, которые проскальзывают время от времени в некоторых текстах даже XIII в., например в боянской надписи (см. стр. 98). Но если это так, то начальный срок «новоболгарского» периода в смысле, придаваемом этому термину автором, должен отодвигаться — поскольку речь идет о живом языке народа — еще на полтора-два столетия.

Отметим, наконец, что отдельные признаки, правда, относимые автором к числу второстепенных признаков новоболгарского языка, встречаются уже в XI в. в языке Супрасльской рукописи (отсутствие окончания *-тъ* в 3-м лице ед. числа настоящего времени, в фонетике — отсутствие «эпентетического» *л* и некоторые другие). Можно думать, что эти признаки были уже изначально, т. е. со времени возникновения диалектных явлений внутри языка-основы, присущи предкам современных болгар. Ясно, что признаки подобного рода вообще не могут учитываться при периодизации народно-разговорного языка, хотя, конечно, появление их в литературных памятниках должно учитываться при периодизации языка литературного.

Не останавливаясь на некоторых положениях, касающихся внутренней периодизации новоболгарского языка [автор сам указывает, что вопросы периодизации бол-

гарского языка после XV в. рассматриваются им «вкратце, почти схематично» (стр. 105)], подчеркнем в заключение, что в целом статья Вл. Георгиева представляет смелую попытку прямой и острой постановки вопроса периодизации истории языка, что она имеет большой принципиальный интерес и для общего языкознания, и для истории болгарского языка. Разумеется, такой сложный и трудный вопрос не может быть разрешен в рамках одной статьи. Но будем надеяться, что рассматриваемая статья и не будет последней на эту тему, что она вызовет определенные отклики, возникнет полемика, в ходе которой многие положения будут существенно уточнены и развиты.

Ю. С. Маслов

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА АКАД. ВЛ. ГЕОРГИЕВА В БОЛГАРИИ *

Доклад акад. Вл. Георгиева «Опыт периодизации истории болгарского языка» был прочитан наряду с другими докладами на научной сессии Института болгарского языка Болгарской Академии наук и филологического факультета Софийского университета, посвященной проблеме «История языка в связи с историей народа» (2—4 декабря 1952 г.). Доклад по вопросу периодизации родного языка привлек особое внимание участников сессии и вызвал оживленное обсуждение. Во вступительной речи «Относительно предмета и задач языкознания вообще и болгарского языкознания в частности» президент Болгарской Академии наук акад. Т. Павлов отметил, что, судя по тезисам доклада Вл. Георгиева, специфика развития болгарского языка состоит прежде всего в закономерности перехода его от синтетизма к аналитизму, названной Георгиевым основным внутренним законом развития болгарского языка. Действительно, эта закономерность характерна для болгарского языка. Однако известно также, что и многие другие языки развивались от синтетизма к аналитизму. Поэтому акад. Т. Павлов высказал сомнение в том, что указанное явление может быть определено как основная черта, как специфический внутренний закон развития болгарского языка. Кроме того, имеется множество синтетических языков, не проявляющих тенденции к превращению в аналитические. Если бы языковеды рассматривали синтетизм таких языков как основной специфический закон их развития, то было бы неясно, каковы те признаки, по которым эти самобытные языки отличаются друг от друга.

Резюмируя свои соображения, акад. Т. Павлов указал, что формулировка основного закона развития болгарского языка, выдвинутая Вл. Георгиевым, хотя бесспорно и заключает в себе рациональное зерно, но нуждается в дополнительном конкретном разъяснении и обосновании. Приветствуя инициативу института, включившего в повестку сессии вопрос о периодизации истории болгарского языка, президент выразил свое согласие с основным положением докладчика о том, что периодизация истории языка не должна грешить механицизмом — этим основным пороком прежней периодизации, которая не учитывала специфики развития болгарского языка.

На докладе Вл. Георгиева останавливались также многие из выступавших в прениях. Проф. К. Мирчев в своем большом выступлении подчеркнул, что в докладе Вл. Георгиева поставлены наиболее важные вопросы истории болгарского языка. В противоположность проф. С. Б. Бернштейну, который в своей статье¹ не касается качественных изменений в развитии болгарского языка, Вл. Георгиев, по мнению К. Мирчева, стремится установить тот период в его развитии, когда накопленные элементы нового, аналитического качества получают перевес над элементами старого, синтетического качества. Приурочивая этот процесс к XV в., Вл. Георгиев тем самым относит так называемый среднеболгарский период к древнеболгарскому. Отрицание же качественных изменений в развитии болгарского языка с IX в. основано на предположении, что старославянский язык Кирилла и Мефодия не является болгарским языком. Именно в этом — пока не доказанном — предположении и в переоценке фракийско-иллирийского влияния на язык болгарских славян и состоит, по мнению К. Мирчева, самые существенные ошибки статьи С. Б. Бернштейна². К. Мирчев присоединяется

* О т р е д а к ц и и. Редакция считает целесообразным сопроводить рецензию Ю. С. Маслова кратким изложением тех откликов, которые вызвала в Болгарии попытка Вл. Георгиева дать новую периодизацию истории болгарского языка. См. «Известия на Института за български език», кн. II София, 1952, где помещены материалы обсуждения.

¹ См. С. Б. Бернштейн, К вопросу о периодизации истории болгарского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

² Ср. сходные замечания по этим вопросам в рецензии К. Горалека: Sovětská práce o periodisaci dějin bulharštiny, «Slavia», R. XXI, seš. 1, 1952, стр. 50—62.

к скептическому взгляду Вл. Георгиева на роль фракийского субстрата и положительно оценивает его стремление объяснить развитие аналитизма в болгарском языке взаимодействием с латинским и средневековым греческим языками.

К. Мирчев отметил и то препятствие, которое затрудняло сторонников прежней классификации и которое серьезно снижает ценность работы Вл. Георгиева. Это — слабая изученность среднеболгарского периода, в чем К. Мирчев видит непростительное отставание болгарского языковедения.

Оценивая деление истории языка на подпериоды, предложенное Вл. Георгиевым, К. Мирчев указывает, что оно создает впечатление механической связи факторов истории народа с особенностями языка. Попутно он отмечает, что язык асаруховых болгар-тюрков, по его мнению, не оказал почти никакого влияния на развитие болгарского языка; то же самое относится к последующим тюркским влияниям вплоть до XIV в., кроме османского.

К. Мирчев подчеркивает, что старославянский язык — важный этап в развитии болгарского языка, и полагает, что структура старославянского языка второй половины IX в. идеально отражает народный болгарский диалект. Через три столетия после появления славян на Балканском полуострове, после скрещивания с грецизированным и романизированным населением язык солунских болгар остается во многом близким к общеславянскому языку-основе. По мнению К. Мирчева, это — наиболее яркое доказательство несостоятельности теории о фракийско-иллирийском субстрате и серьезная похвала для тех ученых, которые видят в развитии болгарского языка лишь чуждые влияния; С. Б. Бернштейн, отвергая тождество старославянского языка с древнеболгарским, слишком легко устранил указанные факты. К. Мирчев считает, что нет никаких серьезных оснований утверждать, как это делает Вл. Георгиев, будто солунский диалект по отношению к диалектам Северной Болгарии является архаическим и нетипичным для той эпохи. Приведенный же Вл. Георгиевым аргумент, что северо-восточные болгарские диалекты продвинулись в своем развитии под влиянием языка асаруховых тюрков, К. Мирчев опровергает указанием на то, что и солунский диалект находился в подобном же положении, так как имеются свидетельства о двуязычии солунян — греков и славян.

По мнению К. Мирчева, Вл. Георгиев не прав, полагая, что условия для появления аналитизма в болгарском языке имелись еще в VI—VIII вв. Старославянский язык как раз свидетельствует об обратном. В развитии аналитизма, в период после IX в., по мнению К. Мирчева, играли роль и фонетические изменения, приводившие к нивелировке падежных флексий, к падежной омонимии в некоторых типах склонения. К. Мирчев полагает, что если бы не было дополнительного влияния «среды», вызвавшего развитие полного аналитизма в именах (с IX до XV в.), то в болгарском именном склонении сохранилось бы положение, аналогичное тому, которое существует в именном склонении современного чешского языка.

И. Заимов отметил, что имеющиеся источники, к сожалению, не дают ясного представления о состоянии болгарского языка в самые важные и интересные периоды его истории. Все имеющиеся памятники — церковного происхождения и в большинстве случаев не отражают разговорной речи. По мнению И. Заимова, имеющаяся история и периодизация болгарского языка — это история и периодизация не болгарского народного языка, а его письменных памятников, которые всегда более или менее удалены от живого языка народа. И. Заимов полагает, что начало аналитизма следует относить ко времени прихода славян на Балканы — к VI в.

В своем выступлении И. Дуриданов сказал, что в докладе Вл. Георгиева дана лишь общая трактовка процесса развития болгарского языка. В дальнейшем необходима конкретная исследовательская работа по установлению момента начала действия внутренних законов развития языка, по определению этапов их действия, охвата ими языкового материала; важно также изучить процесс прекращения или ограничения их действия. В докладе из-за отсутствия материала не разграничены первый и второй подпериоды. С известными трудностями связано деление на третий и четвертый подпериоды. Заслуга докладчика, по мнению И. Дуриданова, в том, что он впервые убедительно проследил основные линии развития болгарского языка в неразрывной связи с формированием и развитием болгарского народа, в связи с основными событиями его истории, его взаимоотношениями с другими балканскими народами.

С. Стоянов напомнил, что Вл. Георгиевым впервые был поднят вопрос о том, что самая характерная тенденция в развитии болгарского языка обусловлена особыми историческими условиями, в которых жил болгарский народ, и, в частности, почти непрерывным взаимодействием болгарских славян с иноязычными народами. Между тем крупнейшие историки болгарского языка — Милетич, Цонев и Младенов — изучали историю языка в отрыве от истории болгарского народа. Что касается предлагаемой Вл. Георгиевым периодизации истории болгарского языка, то, по мнению С. Стоянова, не все выводы и формулировки, содержащиеся в докладе, являются убедительными и приемлемыми. Он считает, что не следует преувеличивать практическую ценность подобной периодизации, не следует думать, что решение этой проблемы будет способ-

ствовать правильному освещению развития болгарского языка. Более важно в современных условиях глубокое и всестороннее изучение истории языка. Ближайшей и самой неотложной задачей историков болгарского языка является изучение памятников письменности XIII—XV вв., которых насчитывается до 370. С. Стоянов находит, что критерии периодизации истории языка, выдвигаемые в докладе, слишком сбивчивы. С одной стороны, Вл. Георгиев указывает на появление нового «качества» в развитии языка, с другой, — на результаты действия основного закона развития языка и, наконец, — на самые важные черты языкового развития, но нигде не говорит о том, как связаны эти явления друг с другом.

С. Стоянов возражает и против отнесения так называемого среднеболгарского периода к староболгарскому, так как период XII—XV вв. отличается рядом фонетических, морфологических и синтаксических изменений, которые могут служить основанием для установления особого периода языкового развития.

Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. — Казань, Татаргосиздат, 1952. 256 стр. (Ин-т языка, лит-ры и истории Казан. филиала АН СССР.)

Рецензируемая книга Р. С. Газизова представляет собой дополненное и в известной мере переработанное издание «Опыта систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка» проф. М. Курбангалиева и Р. Газизова.

В книге значительно расширен круг рассматриваемых вопросов, особенно в части, касающейся тех явлений, которые оказываются специфическими для одного из сопоставляемых языков. Так, довольно обстоятельно освещены вопросы грамматического рода (стр. 31—35), согласования в роде (стр. 95 и др.), управления (стр. 44—93), глагольного вида (стр. 120—171) и отдельные структурные типы сложных предложений (стр. 193—217). В то же время автор изменил трактовку некоторых вопросов. Так, например, категория сослагательного наклонения, неверно рассматривавшаяся в старых изданиях как категория прошедшего времени (см. изд. 1931 г., стр. 113), в данной книге Р. С. Газизова получила правильное истолкование.

В книге в сравнительно-сопоставительном плане изучения русского и татарского языков дано много ценного в отношении уточнения различных форм глаголов и значений вспомогательных глаголов. Удачно разрешен вопрос о соответствиях в татарском языке русским частям *не* и *ни*. Показано своеобразие обоих языков в построении и структуре предложений и пр.

Отдавая должную дань всем положительным моментам, имеющимся в книге, нужно, однако, сказать, что в ней есть также и очень много недостатков.

Решительное возражение вызывает то, что автор иногда считает возможным подходить к отдельным явлениям одного языка с точки зрения явлений другого. Так, опираясь на грамматическую природу русского соответствия татарской форме названия деятеля на *-чы//че*, автор трактует последнюю как причастие настоящего времени (стр. 219, 224, 217). Очевидно тем же самым объясняется включение в число союзов и союзных слов глагольных форм *-ганда*, *-гач*, *-гач-та* (стр. 197), *-ганлыктан*, *-ганга курэ* (стр. 202), *-мы//ме*, *-а икэн*, *-ган икэн* (стр. 213), *-са да*, *-уга карамастан*, *-сын//сен* (стр. 215) и т. п., выполняющих в придаточных предложениях функции, сходные с функциями, которые в русском языке осуществляются союзами и союзными словами.

При описании отдельных форм автор часто не считается с качественными изменениями в их содержании. Так, форма на *-макчы//макче* давно осознана в татарском и других тюркских языках как форма для обозначения наклонения намерения и с сочетанием инфинитива на *-мак//мак* с аффиксом деятеля на *-чы//че* имеет только этимологическую связь. Тем не менее автор описывает ее и в плане современного языка как составную (стр. 120). Несмотря на то, что форма татарского инфинитива на *-рга//рге* порвала уже всякую связь с формой дательного падежа причастия на *-р* (к которой она восходит), автор рассматривает ее как причастие в дательном падеже применительно к современному состоянию языка (стр. 118—119). Отсутствием учета качественных изменений страдает также обзор аналитических форм с глаголом *иде* (стр. 166), обозначающих вполне самостоятельные грамматические категории (давно-прошедшее, прошедшее незаконченное, сослагательное наклонение).

Ознакомившись с предложенной автором схемой спряжения на стр. 115, можно подумывать, что он разделяет точку зрения И. И. Мещанинова на происхождение форм 1-го и 2-го лица в результате дифференциации первоначально диффузного 3-го лица.

Автор довольно часто путает грамматические категории: деепричастие на *-а//й* — с причастием настоящего времени (стр. 119, 219), а название действия и *-сы* —

с причастием будущего времени (стр. 119); послелоги *аркылы, янына, естенэ, астына, аченэ* (стр. 149), *аша, аркылы* и т.п. (стр. 141) — с наречиями; вспомогательный глагол *башлау*, при посредстве которого основной глагол приобретает видовой оттенок приступа к действию, на стр. 119 попал в разряд «модальных слов»; слово *остановиться* оказалось в ряду глаголов, требующих творительного падежа (стр. 58); русский суффикс возвратного залога *-ся, -сь* (стр. 114) и татарский аффикс отрицания *-ма // -мэ* квалифицируются автором как частицы.

Многие принципиальные положения автора ошибочны. Неверно, например, что в татарском языке «ни одна часть речи в основной форме никаким формальным признаком, дающим возможность отнести ее к той или другой части речи, не обладает» (стр. 26), что «части речи не успели здесь окончательно дифференцироваться...» (стр. 8). Вопреки утверждениям автора, части речи в татарском языке представляют вполне обособленные категории, характеризующиеся как лексико-семантически (ср. числительные, междометия, частицы и др.), так и лексико-грамматически (ср. так называемые основные формы слов, восходящих даже к одному и тому же корню: *булу* «краска» и *буя* «красить»; *асрау* «нянька» и *асра* «воспитывать», «содержать» и пр.).

Неверно положение автора о том, что в взаимодействиях, не подчиняющихся законам сингармонизма, последний осуществляется в аффиксах по последнему слогу основы (стр. 23). В татарском языке, как и в большинстве других тюркских языков, небная гармония гласных проводится по первому слогу. Поэтому в татарском языке приняты формы *ударниклар, активлар, коммунистлар*, а не *ударниклар, активлар, коммунистлар*, как это должно было бы получаться согласно данному положению автора.

Неверно, что «согласные *б, д, ж, з, л, м, н, р, с, т, ф, ш, ч* произносятся как соответствующие звуки в русском языке» (стр. 17). Достаточно указать на особенности произношения первого и последнего из указанных звуков, чтобы опровергнуть данное положение автора: татарск. *б* и *ч* по сравнению с русскими звуками *б* и *ч* имеют более слабую смычку.

Характеристика звуков *ө, у* и других вовсе не соответствует действительности. Вопреки утверждению автора, *ө* в татарском языке представляет собой огубленный полуоткрытый звук, артикуляция которого связана с серединой твердого неба и передней частью середины языка (ср. *көлкө* «смех») и который только в соседстве с губными согласными или в их окружении дает более передний и более огубленный вариант (ср. *төп* «пень», «дно», «основа»; *мөмкин* «можно»). Что касается артикуляции звука *у*, то она связана с передней частью твердого неба (ср. *куж* «синий», «серый»). Таким образом, *у* скорее можно сопоставить с русск. *у* в слове *путь*, чем с нем. *ü*, как это предлагает автор (татар. *у* более или менее приближается к нем. *ü* разве только в соседстве с губными согласными: *түмәр* «плаха»).

Татар. *х* (стр. 21) и *г* (стр. 18) имеют не гортанное произношение, а язычковое (в окружении же звуков переднего ряда — даже переднеязычное: *хәбәр* «весть», *мәгәнә* «смысль»).

Татар. дифтонг *ый* квалифицируется как долгий гласный. Это неверно. Вообще тезис о долгих гласных в татарском языке не состоятелен (стр. 14, 15), поскольку долготы как таковой здесь нет, а есть лишь более долгие и более краткие гласные, различающиеся позиционно. То обстоятельство, что татар. *и* в сильной позиции дает более долгий и несколько дифтонгоидный вариант, еще не позволяет причислять его к долгим гласным, как это делает автор (см. стр. 15, п. 10), и тем более не следует сопоставлять его с русским ударным *и* (там же), ибо звук *и* в обычном положении соответствует второму *и* в слове *книги*.

Иногда автор обнаруживает в языковых явлениях то, чего на самом деле они не содержат. Так, в примере *Вчера вечером мы сидели в классе и готовили уроки, но погасло электричество, и мы вынуждены были прервать занятие* у глаголов *сидели* и *готовили* усматриваются прерывистая краткость и незаключенность, обусловленные «...тем, что погасло электричество» (стр. 122), хотя здесь указанные глаголы никак не могут считаться прерывисто-краткими, а их незаключенность, конечно, не стоит ни в какой связи с отсутствием света. Подобную же несообразность представляют собой рассуждения автора о функции приставок *от* (стр. 145 и далее), *за* (стр. 158), *рас* (в глаголе *раскачать*, стр. 138), *вы* (в глаголе *выучить*, стр. 121), о функции формы возвратного залога в глаголах типа *языну* (стр. 176), о семантике конструкции с предлогом *против* (стр. 88), о способности сочетания глагола *бару* с дееспричастием на *-а* || *-й* обозначать «действие, которое сопровождается другим действием» (стр. 167), об обозначении разделительных числительных при помощи повторения типа *берер-берер* «по одному» (стр. 111), о расположении компонентов сложносочиненных предложений в зависимости от последовательности выраженных в них событий (см. пример на стр. 195), о выражении глаголами *сеял* и *жнал* действия, повторяющегося «в прошлом каждый год (периодически)» (стр. 122), о глаголах цели (стр. 53, п. VII), «боязни, испуга...» (стр. 54, п. VIII) и т. д.

Еще чаще при описании того или иного явления автор упускает из поля зрения ту или иную его сторону, нередко весьма существенную.

Так, говоря о средствах подчинения, автор не упоминает едва ли не о самом важном из них — об иптонации (стр. 197—216). Да и другие средства подчинения не всегда учитываются здесь в полной мере. Например, в предложении *Сине кая эшибэргэн бусалар, шунда бар* «Иди туда, куда тебя послали», помимо относительного слова *кая* и иптонации, средствами подчинения служат, во-первых, указательное местоимение в ливном предложении (*шунда*), во-вторых, постановка глагола придаточного предложения в условной форме. Между тем автор признает здесь средством подчинения только слово *кая* (стр. 209). При описании вопроса о соответствиях русскому будущему совершенному и несвершенному в татарском языке (стр. 174) автор почему-то обходит вопрос о том, что простой форме русского будущего времени обычно соответствует в татарском форма настоящего времени совершенного вида (ср. «выиграю» — *отам*; «прогложу» — *йотам*; «не поеду» — *бармыйм*; «потеряю» — *югалтам*; «убью» — *үтерәм* и пр.). Говоря о причастиях, автор обошел молчанием форму на -р (стр. 117). Погрешностей такого рода и вообще всяких неточностей наберется по всей книге весьма немало.

В работе много псевдачных иллюстраций, отдельные из которых бьют мимо цели. Так, в примерах обозначения категории понудительности форма большей частью имеет вовсе не залоговое, а словообразовательное значение (стр. 177—178). Таковы, например: *кызарту* «подкрасить», *кызару* «покраснеть» от *кыз*- «нагреться»; *тарату* «раздавать» от *тара*- «чесать»; *ашату* «кормить» от *аша*- «кучать»; *кучеру* «переместить», «перенести» от *куч*- «переместиться»; *пешеру* «варить» от *пеш*- «свариться»; *чыгару* «выпустить», «решить» (задачу), «исключить» от *чык*- «выходить»; *курэту* «показывать» от *кур*- «видеть», «смотреть» и т. п. О справедливости данного замечания, помимо всего, говорит то обстоятельство, что в случае необходимости придать этим глаголам значение понудительности прибегают к помощи двойной формы залога (стр. 178—179). Нельзя считать удачными раздел о возвратном залоге: его форма в глаголах *сейлэшү* «разговаривать» от *сейлэү* «говорить», *сугышу* «драться», «воевать» от *сугу* «бить» и т. п. (стр. 167) также не имеет залогового значения. То же самое нужно сказать и о форме взаимного залога в глаголах *ярышу* «соревноваться», *дуслашу* «подружиться», «помиряться» и т. п. (стр. 137). Примеры *эшлэп чыгару* «вырабатывать», *үтүклэп бетеру* «выглядить», приведенные как соответствия приставочным русским глаголам (стр. 133), для данного случая не подходят. Это замечание относится и к примерам выражения кратности глаголами несвершенного вида (стр. 122), оформления категории рода (кроме примеров под пп. 5 и 6, стр. 8), повелительного наклонения от возвратных глаголов *моюсь*, *моешься*, *мылся*, *мылись*, *мойтесь* (стр. 114) и др.

Нужно указать далее на значительные недостатки во внешнем построении книги. По непонятным мотивам ряд вопросов синтаксиса, например «Связь слов в предложении и словосочетаниях» (стр. 26 и сл.), рассматривается в разделе морфологии. Здесь же оказалось почему-то и описание употребления фонетических вариантов аффиксов словосочетания в зависимости от фонетических законов татарского языка (стр. 36—37, 108, 115—117). Не на месте даны правила правописания частиц *не* и *ни* (стр. 184—185), функции вспомогательного глагола *иде* (стр. 165), конструкции типа *барасы килэ*, функции падежей (стр. 46 и далее) и др. «Список более употребительных наречий» нужно было дать в приложении. То же самое нужно сказать и о сводной таблице послелогов и предлогов.

Материал изложен большей частью без плана и системы. Так, характеристика звукового состава производится автором в одном случае по способу образования звука, в другом — по способу обозначения его на письме (ср., например, п. 6 и 8, стр. 15, а также п. 2, стр. 14). В центре внимания оказывается то русский язык (стр. 120—170), то, наоборот, татарский (стр. 21—22, 46—48 и др.); то дается параллельное, сопоставительное освещение, то одностороннее.

Книга оставляет желать много лучшего также с точки зрения стилистической. Многие страницы в ней пестрят неудачными, а иногда загадочными предложениями (см. стр. 15, 61, 117, 119, 120, 159, 171, 175, 184, 188, 221, 225 и др.). Автор злоупотребляет цитатами, приводя их без всяких комментариев, причем объем некоторых цитат достигает чуть ли не целой страницы (стр. 60—61, 165—166 и др.). Злоупотребляет он в некоторых случаях также архаизмами и диалектизмами или «жаргонизмами» типа *шар ачык* «настежь», *ул көчледер* «он силен» (вместо лит. *ул көчле*; стр. 101), *буреләрдән курыккан* «испугавшийся волков» (вместо лит. *буредән курыккан*; стр. 54), *нинди сәбәп йөзенән* «по какой причине» (вместо лит. *ни сәбәпле, нинди сәбәп буенча*; стр. 61), *ярату йөзенән* «вследствие любви» (вместо лит. *яратканга күрә*), *ул бик тәэрибәле булып күренә* «он кажется очень опытным» (вместо лит. *тәэрибәле күренә*; стр. 56), *тарсымак* «тесноватый» (вместо лит. *тарырак*; стр. 104), *сөздән борын* «до вас», «раньше вас» (вместо лит. *сөзгә кадәр*; стр. 80), *үтәли* «через, сквозь» (вместо лит. *аша*; стр. 80) и т. п.

Возражение вызывает применение неупотребительных, а иногда непонятных для широкого круга читателей лингвистических терминов типа «полнога действия», «до-стижение объекта действия» (стр. 133, 137), «отделение» (стр. 153) и пр.

Можно указать на неточные, а иногда и неверные переводы, например: «вместо» — *берга* (вместо *урынна*; стр. 182), «выгладить» — *утуклап бетеру* (вместо *утуклау*; стр. 133) и т. п.

Сплошь и рядом попадаются в книге необдуманные формулировки. Так, из указаний автора на стр. 40 вытекает, что при обозначении принадлежности между существительным и притяжательным аффиксом вклинивается еще и личное местоимение. Другой пример: «Приставка *пред-* указывает на совершение действия впереди предмета как в пространственном, так и во временном значении. Например: *Предстать перед судом. Я вас хочу предостеречь...*» (стр. 143).

Как видно из вышеизложенного, книга Р. С. Газизова страдает существенными недостатками. Читателям, которые не имеют специальной подготовки и не могут критически подойти к ее содержанию, она может быть рекомендована как учебное пособие только после устранения перечисленных недостатков.

А. А. Юлдашев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ТРЕТЬЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

19—23 июня 1953 г. состоялось открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. На заседании присутствовали языковеды Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов.

Открывая заседание, акад. В. В. Виноградов сказал, что постановкой ряда докладов, посвященных важнейшим вопросам науки о языке, советские языковеды отмечают третий год своей работы в том направлении, которое указало трудами И. В. Сталина по языкознанию, и призвал всех присутствующих к активному участию в обсуждении докладов.

На заседании было заслушано семь докладов, посвященных вопросам лексикологии, семасиологии и лексикографии, обоснованию основных понятий стилистики как языковедческой дисциплины, теории грамматики и вопросам исторического и сравнительно-исторического изучения грамматического строя языков, вопросам фонетики в связи с процессом образования одного из восточнославянских языков.

Заместитель директора Института языкознания АН СССР Б. А. Серебряниников прочитал доклад «Задачи изучения основного словарного фонда языка», подготовленный им совместно со ст. научн. сотр. института М. С. Гурьчевой. С большим докладом «Основные типы лексических значений слова» выступил акад. В. В. Виноградов. Оба эти доклада, вызвавшие живой обмен мнениями, публикуются в журнале «Вопросы языкознания».

Доклад канд. филол. наук Ю. С. Сорокина «Об основных понятиях стилистики» содержал попытку внести ясность в понятие «стиль языка» в применении к современному русскому литературному языку. Остановившись на истории разработки центральных вопросов и понятий стилистики как особой языковедческой дисциплины за последние три десятилетия и отметив заслуги в этой области акад. М. В. Щербы и акад. В. В. Виноградова, докладчик указал на те конкретные затруднения, с которыми столкнулись исследователи, ставившие своей задачей охарактеризовать систему стилей современного русского языка и раскрыть понятие стиля языка. Причины неудовлетворительного положения с основными исходными понятиями стилистики Ю. С. Сорокин видит, в частности, в том, что вопрос о стиле языка часто ставится не исторически, абстрактно, а авторы ряда работ по стилистике недостаточно критически относятся к некоторым положениям, содержащимся в стилистических исследованиях 30—40-х годов.

Докладчик подверг критике упрощенные, по его мнению, представления о стиле языка как о жанровой разновидности литературного языка и высказался против «прикрепления» стилей языка к определенным жанрам литературы. С этой точки зрения он критиковал брошюру А. И. Ефимова «Об изучении языка художественных произведений» (М., 1952), статью Э. Г. Ризель «Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (журн. «Иностранные языки в школе», 1952, № 2) и особенно книгу А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка» (М., 1952), а также работы В. Д. Левина (см., например, его статью в журн. «Октябрь», 1952, № 11). До сих пор, сказал Ю. С. Сорокин, никому еще не удалось показать, что с каждым из выдвигаемых в этих работах стилей связаны специфические элементы языка, особые пласты его словаря и фразеологии, особые грамматические формы и конструкции, невозможные в других стилях. Попытки представить литературно-художественный, публицистический, научный и другие стили как особые разновидности языка не дали результатов, по мнению докладчика, потому, что в развитом национальном языке, каким является, например, современный русский литературный язык, не существует замкнутых жанроворечевых разновидностей, поскольку в любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы мы практически выбираем те или иные средства общенародного языка, исходя не из отвлеченных требований жанра, а из конкретного содер-

жания и назначения речи. Поэтому, считает Ю. С. Сорокин, правильнее было бы говорить не о разных стилях языка, а о различных принципах выбора и объединения речевых средств в литературно-художественных, публицистических, научных и т. п. произведениях данной эпохи. Свою мысль докладчик иллюстрировал разбором отрывков из «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова и из произведений Н. Г. Чернышевского.

Таким образом, по мнению Ю. С. Сорокина, в языке мы имеем лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи. Слова основного словарного фонда, а также термины нейтральны по своей природе, безразличны к стилю речи, хотя люди не безразличны к ним и могут избегать их, используя синонимические замены. Но в языке также имеется — и довольно широкий — круг таких слов, форм и конструкций, которые обладают определенной стилистической тональностью и сфера употребления которых ограничена. Сюда относятся так называемые просторечья (*лебезить, лафа, малость* — в значении наречия — и т. п.), областные (*баять, выбка, не змай* и др.) и устарелые (*очи, сей* и т. п.) слова и формы. Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи на основе учета всех значений слова, в результате анализа его отношений с другими словами.

Докладчик высказался против распространенного разделения стилистики на лингвистическую (лингвостилистику) и литературоведческую и, со своей стороны, предложил различать стилистику аналитическую, задача которой — изучение стилистической тональности отдельных элементов языка, изучение синонимической системы языка, и стилистику функциональную, которая имеет дело со всем конкретным многообразием стилей речи, изучая принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи.

Действ. член АН Грузинской ССР А. С. Чикобава выступил с докладом «О невозможности универсальной грамматики и универсальных грамматических понятий». Указав на важность грамматики в системе науки о языке, поскольку грамматический строй составляет одну из основ языка, и отметив, что в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания была дана суровая отповедь нигилизму Н. Я. Марра, объявлявшего грамматику «пустой формальностью», докладчик подчеркнул, что исключительное значение исследований в области грамматики подтверждается историей науки: историко-сравнительное изучение языков стало возможным лишь в результате сравнения фактов грамматического строя. Однако при изучении грамматического строя возможны две принципиально различные точки зрения. Одна, оставляя в стороне своеобразие грамматического строя различных языков, направлена на выделение того, что есть в них общего, и строит грамматические понятия на основании моментов логического и семантического порядка. Следствием такого подхода оказывается универсальная грамматика с универсальными понятиями. Другая точка зрения, которая находит поддержку в сталинской характеристике грамматики, стремится вскрыть специфику грамматического строя конкретного языка. Это — точка зрения научной грамматики, вырабатывающей грамматические понятия на основании структурно-грамматических моментов.

Нельзя считать, сказал докладчик, что установки универсальной грамматики уже изжиты. Они не только находят широкий отклик в современной идеалистической философии языка, но и обнаруживаются в конкретных грамматических исследованиях отдельных языков нашей страны, в научных грамматиках, в той или иной мере унаследовавших от традиционной грамматики присущий ей универсализм.

Подробно проанализировав систему грамматических понятий, разработанную так называемой филологической грамматикой на материале древнегреческого и латинского языков (грамматики Варрона и Дионисия Фракийца), А. С. Чикобава констатировал, что в определении основных грамматических понятий указанные грамматики стремились сочетать структурно-грамматические и лексико-семантические моменты. Универсальными эти понятия становятся лишь в системе рациональной грамматики, первым образцом которой явилась «Общая и рациональная грамматика» Пор-Рояля (1660 г.). В первой половине XIX в. процесс универсализации основных грамматических понятий, например в работах Беккера, распространился и на синтаксис.

На конкретных фактах грамматического строя грузинского, абхазского, аварского и других языков докладчик показал, к каким последствиям приводит практическое применение установок универсальной грамматики. Так, в грузинском языке никогда не было категории грамматического рода, однако грузинские грамматики, начиная с первой пространной грамматики Антония (1753 г.), по соображениям лексико-семантического порядка, в течение целого столетия упорно говорили о четырех родах — мужском, женском, среднем и общем. Точно так же чуждый морфологической системе грузинского языка винительный падеж неизменно фигурировал в грузинских грамматиках вплоть до 80-х годов XIX в. В грузинском языке по лицам субъекта спрягаются лишь непереходные глаголы (не все), переходные же изменяются одновременно и по лицам субъекта, и по лицам объекта. Но школьные грамматики,

ориентируясь на спряжение латинского глагола, не учитывали этой особенности грузинского (так называемого полиперсонального) спряжения, и лишь за последние тридцать лет школьное преподавание порвало с универсализмом в этой области.

Если морфология грузинского языка освободилась от сковывающего влияния традиции, то над синтаксической мыслью до сих пор тяготеют универсальные понятия традиционной грамматики. Хотя генетически, сказал докладчик, синтаксис породил морфологию, но в плане систематического анализа морфология определяет лицо синтаксиса. В связи с отсутствием в грузинском языке винительного падежа нельзя говорить, по мнению А. С. Чикобава, в обычном смысле о «прямом дополнении» в синтаксисе грузинского языка. В картвельских, абхазско-адыгейских, баббийском, в различных дагестанских языках с полиперсональным спряжением реальный объект синтаксически так же значим, как и реальный субъект: и тот и другой управляют глаголом-сказуемым. Еще более своеобразным оказывается положение «прямого дополнения» в аварском языке с его одноклассным спряжением — субъектным или объектным. В последнем случае реальный объект («прямое дополнение») становится главным членом предложения, реальный субъект («подлежащее») — зависимым, второстепенным. Таким образом, заключил докладчик, в языках с объектным спряжением глаголов синтаксис нельзя описать, пользуясь понятиями, перенесенными из языков с субъектным спряжением.

А. С. Чикобава поставил также вопрос о том, на основании каких моментов — морфологического, синтаксического, лексико-семантического или их совокупности — следует выделять части речи в описательной грамматике языка, впервые привлекаемого к грамматическому исследованию, и высказал мнение, что определяющая роль здесь принадлежит морфологическим признакам.

Доклад члена-корр. АН СССР и действ. члена АН Грузинской ССР Г. В. Ц е р е т е л и «К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской семье языков» был посвящен рассмотрению важной проблемы установления родственных связей урартского языка — одного из древних языков Передней Азии.

В первые же годы работы по расшифровке урартских надписей наука отрицательно решила вопрос о генетических связях урартского языка с индоевропейскими и семитическими, но возникший в тот же период вопрос о родстве урартского языка с картвельскими мог быть поставлен на твердую научную почву лишь после изучения ряда структурных особенностей картвельских языков. В настоящее время перед исследователями стоит задача выяснения грамматических функций глагольных и именных аффиксов урартского языка.

Г. В. Церетели считает, что обнаруживаемые в урартском языке аффиксы *di*, *bi*, *ni*, *(a)li*, *(i)iu*, *s(še)* не следует рассматривать генетически как личное окончание глагола, и предполагает, что первоначально эти аффиксы (во всяком случае — большая часть их) служили для выражения грамматических классов в имени и глаголе, и лишь впоследствии они стали использоваться для обозначения падежей в именах и лиц в глаголах. Те же самые элементы используются в урартском языке как словообразующие аффиксы. Установление грамматической функции указанных аффиксов, а также тот факт, что фонетически и функционально они совпадают с соответствующими аффиксами иберийско-кавказских языков, по мнению докладчика, позволяет предполагать, что урартский язык находится в таком же отношении к картвельским языкам, как и другие группы иберийско-кавказских языков. Конечно, было бы преждевременным, сказал Г. В. Церетели, считать окончательно разрешенной проблему установления родства урартского языка с иберийско-кавказскими: наука еще не располагает убедительными соответствиями в области лексики, не установлены пока с полной четкостью и фонетические соответствия, однако, что касается лексики, то положение здесь примерно такое же, как с неситским языком, который, несмотря на отсутствие достаточных показаний словаря, признается тем не менее индоевропейским.

С докладом «К вопросу о грамматическом значении» на заседании выступил ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й.

Для последовательного разграничения лексики и грамматики, сказал докладчик, необходимо выяснить, в чем заключаются общие и существенные признаки грамматического значения, в чем его специфика. Содержание грамматических значений очень разнообразно, и оно вовсе не обязательно сводится к тому или иному отношению (например, значения вида и числа). Не менее разнообразны и внешние выражители грамматического значения. Ими могут быть форма самого слова, словесное ударение, синтаксические связи слова (ср. англ. *round* в значении прилагательного, существительного, наречия, предлога и глагола), порядок слов, форма словосочетания, наконец, — отдельное слово, например артикль. Насколько трудно определить, является ли данное значение грамматическим или лексическим, видно из тех споров, которые ведутся, в частности, по вопросу о значениях предлогов.

По мнению докладчика, для определения специфики грамматического значения ничего не дают имеющиеся различия в выражении и содержании лексических и грамматических значений, так как последние могут выражаться и отдельным словом, а их

содержание может быть даже менее общим, чем содержание лексического значения (например, слово *время* и *время* глагола), причем в ряде случаев их содержание может совпадать (например, слово *множественность* и грамматическое значение множественного числа).

Для определения специфики грамматического значения, сказал М. И. Стеблин-Каменский, необходимо учитывать его функции в процессе речи. Правда, характер связи лексического значения с грамматическим не позволяет четко разграничить их, так как, хотя, например, во всяком знаменательном слове лексическое значение является специфичным для него, а грамматическое — общим с другими словами, тем не менее и лексическое значение может оказаться общим для неопределенно большого количества сочетаний (*большой стол*, *большая книга* и т. п.). Поэтому наиболее существенным критерием разграничения, по мнению докладчика, является то, что лексические значения образуют основной материал нашей мысли, оказываясь в этом смысле «вещественными», «предметными», а грамматические — придают нашей мысли стройность, оформленность, но сами они являются не предметом нашей мысли, которая никогда не сосредоточивается на них, а лишь формой по отношению к содержанию нашего мышления. Поэтому основным признаком грамматического значения можно считать его «несамостоятельность», которая ярко обнаруживается, например, у служебных слов, неспособных быть предметом высказывания и членом предложения.

Докладчик высказал также соображения о специфике грамматического значения в его отношении к действительности. Имея своим содержанием понятие, всякое значение (кроме значений большинства собственных имен и междометий) всегда представляет обобщение действительности. Но лексическое значение может быть соотносено в речи как сразу со всеми предметами, общие и существенные признаки которых оно отражает (или, что то же самое, не быть соотносено ни с одним из них), например: *дом — это жилое строение* или слово *дом* вне контекста, так и с одним конкретным предметом, например: *этот дом велик*; *стол, за которым я сижу, сломался*. Грамматическое же значение всегда соотносено в нашей речи только с одним из «отдельных», которые оно обобщает. Так, грамматическое значение множественности всегда будет соотносено в речи с отдельным случаем множественности (*дома*, *столы*, *книги*), определяемым тем лексическим значением, которому данно грамматическое значение сопутствует. Именно поэтому, считает М. И. Стеблин-Каменский, хотя понятие принадлежности является содержанием значения родительного падежа и в английском, и в немецком, и в шведском, и в русском, и во многих других языках, значение родительного падежа в этих языках не будет тождественным, так как одно и то же понятие принадлежности ограничено в них разным лексическим материалом. Грамматическое значение, например значение падежа, нельзя отрывать от лексического материала, в котором оно реализуется. С точки зрения отношения к действительности, по мнению докладчика, следовало бы особо выделить местоименные значения, которые, подобно грамматическим, не могут быть употреблены в качестве родовых, т. е. соотноситься сразу со всеми «отдельными», которые они обобщают.

Доклад члена-корр. АН СССР и действ. члена АН УССР Л. А. Булаховского о «Вопросы украинской исторической фонетики и проблема происхождения украинского языка» прочитал доктор филол. наук И. К. Белодед.

В докладе рассматриваются следующие три важных вопроса исторической фонетики украинского языка: 1) вопрос об условных рефлексии в живом украинском языке древнейшего славянского *e* в новых закрытых слогах и об его отношении к так называемому новому *ѣ*, выступающему в южных древнерусских памятниках; 2) вопрос об украинской рефлексии *o* и *e* второй части полногласных сочетаний в новых закрытых слогах; 3) вопрос об украинских отражениях древнейшего славянского *ь* в новых закрытых слогах.

Рассмотрение первого из указанных вопросов, имеющего большое значение для установления времени появления наиболее специфической черты украинского вокализма, приводит Л. А. Булаховского к выводу, что большинство украинских говоров и украинский литературный язык сохранили следы старой фонетической дифференциации рефлексов *e* в закрытом положении (перед бывшим *ь* и бывшим *ѣ*), т. е. что употребление нового *ѣ* в южнорусских памятниках второй половины XII в. близко соответствует показаниям современного украинского языка.

Рефлексы **tort*, **tolt* на украинской почве, как правило, не подчиняются в своем втором о действию закона, характерного для обычного (древнейшего славянского) *o* (укр. *порох*, *голод* вместо *porox*, *golici*). В докладе приводятся аргументы в пользу той точки зрения, что указанные факты — фонетического, а не аналогического происхождения, вопреки распространяемому мнению (А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново). Переход второго *o* или *e* в полногласных группах в *i* закономерно наблюдается только в тех случаях, где в древнейшем славянском языке была новоакутовая интонация. Нет сомнения в том, указывается в докладе, что некоторые фонетические черты в говорах — предках украинского языка — явления уже древнерусской эпохи и свое выражение в ней получили на фоне и в связи с еще живой системой акцентных отношений древнейшего славянского языка.

Анализируя судьбу древнейшего славянского *ь* в украинском языке, Л. А. Булаховский обращает внимание на случаи его рефлексации в виде *'о* в таких словах и формах, как *льон, слъозѣ, слъоzi, кльон*, и указывает, что это явление, видимо, не было ограничено одним только былым сочетанием *ль*- (ср. *пеньок, підкидьок* и др.). В докладе подчеркивается важность лингвогеографического обследования отмеченных фактов рефлексации древнейшего *ь* для правильного понимания истории украинско-белорусских языковых отношений, отношений говоров, из которых с течением времени образовались украинский и белорусский языки.

Доклады вызвали оживленные прения.

Все выступавшие по докладу М. С. Гурычовой и Б. А. Серебренникова признавали, что нет необходимости со статистической точностью определять, сколько слов входит в основной словарный фонд того или иного языка. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. И. О ж е г о в, согласившись с основными критериями для установления основного словарного фонда, выделенными в докладе, критиковал докладчиков за то, что их обобщения не были результатом исследования конкретного исторического развития отдельных языков. На это же обратил внимание доктор филол. наук В. П. С у х о т и н, который, отметив, что в докладе не была поставлена проблема метода изучения слов основного словарного фонда, высказался за обращение к исследованиям употребляемости различных категорий слов в конкретных языках. По его мнению, одним из важных признаков слов основного словарного фонда является их многозначность. А. С. Ч и к о б а в а указал на то, что проблема выделения основного словарного фонда должна ставиться по-разному в применении к бесписьменным, младописьменным и старописьменным языкам и что выводы доклада справедливы лишь в отношении последних. Что же касается младописьменных и бесписьменных языков, то здесь выделению основного словарного фонда существенную помощь может оказать только сравнительно-исторический метод. Призывая к отказу от поисков общих критериев и к изучению конкретных изменений в истории различных лексических групп, канд. филол. наук Б. В. Г о р н у н г утверждал, что приведенным в докладе примерам многовековой устойчивости слов основного словарного фонда можно было бы противопоставить не меньший по объему список расхождений между родственными языками, хотя бы в области названий частей тела.

В заключительном слове Б. А. С е р е б р е н н и к о в возражал Б. В. Горнунгу, настаивая на том, что рассмотренные в докладе группы слов в целом проявляют тенденцию к исторической сохранности; он отметил также, что привлечение фактов из большого числа языков оправдывалось в докладе необходимостью показать, что выдвигаемые положения распространяются на все языки мира.

В обсуждении доклада В. В. Виноградова приняли участие С. И. Ожегов, А. П. Евгельса, С. Е. Крючков, Н. И. Фельдман, И. К. Белодед, Н. А. Сыромятников и др., указавшие на большое значение доклада для теории и практики лексикографии.

С. И. О ж е г о в отметил, что развитие значений у некоторых слов (например, *дуть* и *жарить* в значении «действовать быстро») может происходить не под влиянием их основной семантики, а в связи с характерной выразительностью этих слов в определенных сочетаниях. Он остановился далее на трудностях, возникающих перед лексикографом при практическом определении различий между свободными и связанными значениями слова, между значением, оттенком значения и употреблением слова. Об этом же говорил ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. Е. К р ю ч к о в, указавший также на нарушение логического правила о едином основании деления в принятых в словарях стилистических пометах: *просторечное, областное, грубое, новое* обычно ставятся в один ряд.

Доктор филол. наук А. П. Е в г е л ь с а остановилась на вопросе о русской лексикографической традиции в построении словарной статьи, в частности, на определении внутри статьи места несвободных, связанных значений слова. В этой связи она обратила внимание на необходимость разработки более четких критериев распределения различных несвободных значений слова с тем, чтобы лексикограф мог с уверенностью решать, где поместить то или иное связанное значение — во фразеологии или в структуре самого слова.

Отметив, что доклад В. В. Виноградова поднимает очень важные проблемы, канд. филол. наук Н. И. Ф е л ь д м а н высказала ряд соображений относительно типов лексических значений, выделяемых в докладе, в частности по поводу значений таких слов, как, например, *выскачка, подлиза*, представляющих собой образно-типическое обобщение, но синтаксически свободных. Доктор филол. наук И. К. Б е л о д е д говорил о том, что сравнительное исследование свободных и связанных значений слова способствует более глубокому пониманию национальной специфики таких близкородственных языков, как, например, русский и украинский, а также усовершенствованию структуры словарных статей в русско-украинских и украинско-русских словарях. Научн. сотр. Института востоковедения АН СССР Н. А. С ы р о м я т н и к о в сказал, что было бы целесообразно в двуязычных словарях сна-

чала указывать общее значение слова, а затем уже дифференцировать его; это помогло бы читателю уяснить внутреннюю связь всех значений слова.

В заключительном слове акад. В. В. Виноградов сообщил, что он готовит монографию, посвященную вопросу об омонимах, окончание которой запланировано на 1955 г., и кратко изложил ее план. Проблема разграничения омонимов, сказал В. В. Виноградов, определяется не этимологическими моментами, а теми внутренними закономерностями, которые устанавливаются между элементами лексической системы на данном этапе развития языка, хотя при этом необходимо учитывать, что язык является продуктом ряда эпох. Разъясняя отдельные детали доклада, В. В. Виноградов указал, в частности, на то, что в некоторых случаях управление входит в семантическую структуру, в значение слова (например, *собираться с мыслями*, чувствами, деньгами), а также на то, что в лексической системе языка имеются такие слова, значение которых определяется не только их предметно-смысловым содержанием, но и спецификой их употребления в предложении.

Оживленные прения, развернувшиеся вокруг положений доклада Ю. С. Сорокина, свидетельствовали о большом интересе советских языковедов к проблемам стилистики.

Ряд замечаний по докладу высказал В. П. Сухотин. Он считает, что утверждение докладчика о стилистической нейтральности большинства слов, форм и выражений является данью несостоятельной традиции. Неясно, как рассматривает докладчик соотношение стилистики устной и письменной речи: совпадают они или нет? По мнению В. П. Сухотина, стилистика как наука должна быть тесно связана с основными задачами литературоведения.

Ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР И. С. Ильинская, оценив доклад как интересный и содержательный, тем не менее отметила, что вызывает сомнение положение докладчика об отсутствии определенных специфических элементов, характеризующих функциональные речевые стили. По ее мнению, в языке существует большое количество синонимических рядов слов и форм, которые относятся говорящим к различным сферам стилистической системы языка (например: *мыть и мойка; застить и заслонять, загораживать свет; ибо, потому что и так как; смеюсь и смеюся; страдает и страждет*).

Согласившись с необходимостью уточнить стилистическую терминологию, И. К. Белодед заметил, что предлагаемые в докладе определения основных стилистических понятий представляются менее четкими и ясными, чем те, которые уже приобрели права гражданства. Когда мы говорим о стиле, то имеем в виду всю языковую синонимичку, докладчик же ограничился одной только областью лексики. По мнению И. К. Белододеда, разделение стилистики на аналитическую и функциональную является искусственным, так как одна без другой существовать не может.

В докладе много верных мыслей, сказала ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР Н. Ю. Шведова, например, положение о том, что разделение стилистики на лингвистическую и литературоведческую по существу не обосновано; верно также, что в современном русском языке нет таких резких различий между стилями, как это было до Пушкина; прав докладчик и утверждая, что нельзя ставить знак равенства между стилем языка и жанром произведения. Присоединившись к критическим замечаниям других выступающих, Н. Ю. Шведова привела конкретные примеры стилистически ограниченных конструкций (*работа не клеится; возьму и пойду; поговорят, поговорят и перестанут* и др.) и заметила, что по существу, говоря об аналитической стилистике, Ю. С. Сорокин имеет в виду как раз то, что в других работах называется стилями языка, которые, по мнению Н. Ю. Шведовой, никто не считает замкнутыми.

Ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР В. Н. Ярцева отметила, что за последнее время в различных диссертациях действительно много внимания уделяется тем самым замкнутым стилям, существование которых отрицает докладчик. Но некоторые положения доклада, например преувеличенное внимание к синонимике и понимание «нейтральности», могут привести к той же опасности создания замкнутых стилей. В. Н. Ярцева указала на то, что термины «экспрессивный» и «экспрессивность» употребляются в докладе в различном смысле.

По мнению мл. науч. сотр. Института языкознания АН СССР В. Д. Левина, реально существующую замкнутость стилей языка следует понимать так, что определенные лексические и грамматические формы для данного стиля не характерны, а реальное существование, например, научного стиля определяется тем фактом, что в произведениях этого вида речевой деятельности за вычетом всех индивидуальных особенностей манеры данного автора, в частности Сеченова, остается то общее, что характеризует научный стиль. Это применимо и для определения, например, стиля оды в XVIII в. — путем отвлечения от индивидуальных особенностей стиля Ломоносова, Петрова и др., но не для определения стиля современной художественной литературы, лишеного замкнутости: в языке нет ничего такого, что не могло бы быть употреблено в художественной литературе. В. Д. Левин присоединился к критике положения о разделении стилистики на аналитическую и функциональную.

В заключительном слове Ю. С. Сорокин признал, что доклад содержит отдельные противоречия и недоработки, но, отметив, что среди его оппонентов нет единства в понимании стиля языка, решительно не согласился с точкой зрения В. Д. Левина по этому вопросу. Отвечая В. П. Сухотину, Ю. С. Сорокин разъяснил, что под нейтральностью таких слов основного словарного фонда, как *вода* и *камень*, он понимает отсутствие у них (в основных значениях) указания на то, какую стилистическую тональность они приобретут в окружении других слов в контексте.

Перед началом обсуждения докладов А. С. Чикобава и Г. В. Церетели ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Е. А. Бокарев зачитал «Замечания по тезисам доклада Г. В. Церетели», присланные директором Института языка АН Армянской ССР проф. Г. А. Капанцяном.

Г. А. Капанцян оспаривает доказательность выводов докладчика о родственных связях урартского языка с картвельскими, полагая, что материал, использованный докладчиком, не позволяет сделать такие выводы. В «Замечаниях» содержится критика положения докладчика о том, что некоторые аффиксы урартского языка являются одновременно формативами спряжения, склонения и словообразования, приводятся отдельные факты в пользу близости грамматического строя урартского языка к армянскому и указывается на то, что в докладе игнорируются, по мнению Г. А. Капанцяна, заслуживающие внимания попытки Н. Я. Марра обнаружить сходство грузинского языка с семитическими. Г. А. Капанцян отмечает также, что докладчик не привел соответствий в лексике грузинского и урартского языков. Полагая, что термины «иберио-кавказский» и «хетто-иберикий» пока не могут быть оправданы, он обвиняет доклад в умозрительности и следовании марровским положениям.

Выступая по докладу Г. В. Церетели, акад. И. И. Мещанинов о согласился лишь с некоторыми отдельными замечаниями Г. А. Капанцяна, но не с его общими выводами, так как, по мнению И. И. Мещанинова, постановка вопроса о родственных связях урартского языка актуальна и необходима, а его сопоставление с иберийско-кавказскими вполне оправдано.

В заключительном слове Г. В. Церетели указал на то, что он в своем докладе анализировал материал урартского языка, совершенно отвлекаясь от фактов кавказских и других языков, и лишь выводы, добытые таким путем, иллюстрировал иноязычными параллелями. Именно таким подходом объясняется отсутствие в докладе лексических сопоставлений: надежным материалом такого рода мы не располагаем. Возражая Г. А. Капанцяну, Г. В. Церетели подчеркнул, что доклад построен не на «частном, выхваченном наблюдении одного порядка», а на анализе грамматического строя урартского языка в целом. Заявив, что в теории Н. Я. Марра о родстве грузинского языка с семитическими явственно обнаруживаются элементы его «нового учения» о языке, Г. В. Церетели отверг и другие обвинения Г. А. Капанцяна, приведя, в частности, аргументы в защиту термина «иберию-кавказские языки», обозначающего, как он сказал, группу языков Кавказа, объединяемых отсутствием родства с другими кавказскими языками (армянским, осетинским, азербайджанским и т. д.).

Большинство выступавших по докладу А. С. Чикобава отмечали, что борьба с попытками строить грамматику одного языка не на основе изучения специфических особенностей его грамматического строя, а по шаблону грамматических описаний других языков является актуальной и необходимой.

Е. А. Бокарев привел конкретные примеры таких априорных схем из описательных грамматик дагестанских языков. Он отметил, что факт исключительной многопадежности дагестанских языков у многих вызывает сомнение только потому, что ничего подобного мы не встречаем в языках индоевропейских. Показательна и точка зрения Услара на эргативную конструкцию предложения, как на пассивную, исключительно на основании аналогии с индоевропейскими языками. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР П. Я. Скорок указал, что «универсализм» широко практикуется и при описании грамматического строя языков народов Севера. Так, в эвенкийском языке по аналогии с русским некоторые исследователи «обнаруживают» согласование прилагательных с существительными. Кое-кто пытался даже такое специфическое явление палеосаянских языков, как инкорпорация, подогнать под традиционные грамматические схемы. Проф. Г. Д. Санжеев отметил, что подобного рода факты можно обнаружить и в практике изучения алтайских языков. Канд. филол. наук А. С. Мельничук говорил о том, что в работах по русскому языку главный член односоставного предложения по традиции называют подлежащим или сказуемым, забывая о соотносительности этих понятий. Исходя из этой точки зрения, он предложил не называть сказуемым глагольный член эргативной конструкции.

В то же время выступавшие в прениях указывали, что нельзя отрицать существование в различных языках общих грамматических явлений. А. С. Мельничук отметил, что именно наличие общего в грамматическом строе различных языков является базой общей теории грамматики. И. И. Мещанинов, Е. А. Бокарев и другие товарищи оспаривали тезис докладчика об отсутствии в иберийско-кавказских языках категории прямого дополнения. Критику вызвало также положение докладчика о том, что осо-

бенности морфологии определяют особенности синтаксического строя. Б. А. Серебренников сказал, что «универсальная» номенклатура нашей грамматической терминологии возникла не случайно и опирается она на совершенно реальные факты поведения слова в предложениях в различных языках, хотя несомненно, что в применении к отдельным языкам эта номенклатура нуждается в определенных коррективах. С этой точки зрения он критиковал заглавие доклада А. С. Чикобава.

Ряд критических замечаний по докладу сделал М. К. Петров, возражавший против противопоставления в докладе описательной грамматики — универсальной, которая, по его мнению, должна описывать то общее, что имеется в строе разных языков. Он присоединился к мнению о том, что заглавие доклада неудачно, поскольку речь в нем идет главным образом об учете специфики языка при построении его описательной грамматики, и, отметив, что специфика отдельных языков не исключает наличия у них общего, критиковал понимание А. С. Чикобава процесса обобщения и системы языка. Доц. И. Д. Дмитриев-Кельда оспаривал тезис докладчика о невозможности универсальных грамматических понятий с той точки зрения, что «грамматическое понятие является социальной сущностью языкового явления».

В заключительном слове А. С. Чикобава возражал тем своим оппонентам, которые отстаивали существование общих грамматических понятий, и настаивал на том, что признание их существования с логической необходимостью приведет к идее универсальной грамматики. Аргументы же сторонников этой последней, заявил он по поводу выступления М. К. Петрова, напоминают аргументы ярых идеалистов, проповедующих за рубежом универсальную грамматику. Подчеркнув, что логико-семантическое единообразие различных языков ни в какой мере не создает единообразия грамматического, А. С. Чикобава отметил, что изучение смысловых категорий не может заменить такого изучения строя предложения и строя слова, которое должно обнаружить их специфические закономерности, и защищал свой тезис об определяющей роли морфологии в отношении синтаксических особенностей. Приведя дополнительные примеры универсализма в подходе к специфическим фактам грамматического строя, А. С. Чикобава в заключение указал на необходимость ликвидировать противопоставление школьной грамматики научной путем четкого и методологически правильного решения спорных и сложных вопросов описательной грамматики.

Много споров вызвал доклад М. И. Стеблин-Каменского. Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Н. С. Поспелов критиковал доклад за то, что в нем проблема грамматического значения рассматривалась в отрыве от проблемы частой речи, а также возражал против положения о прикреденности грамматического значения «к одному из отдельных», указывая, что грамматические значения абстрагируются от слов. Он отметил также, что в докладе неправомерно поставлены в один ряд знаменательные «отдельные слова» со служебными «отдельными словами», и выразил решительное несогласие с трактовкой докладчиком лексического и грамматического значений.

В. Н. Ярцева и М. С. Гурьчева указывали также на некоторую умозрительность положений доклада и возражали против утверждения докладчика о том, что грамматическое значение не может быть определено как выражение отношения между словами в предложении. Б. А. Серебренников отметил, что прежде чем говорить о разграничении лексического и грамматического значений, следовало бы устранив противоречия, имеющиеся в обычном перечне грамматических значений, который объединяет самые различные категории.

Критику положений докладчика содержали также выступления Н. А. Сыромятникова и И. Д. Дмитриева-Кельда.

В обсуждении доклада Л. А. Булаховского и небольшого сообщения И. К. Белодеда, зачитавшего текст статьи для «Истории Украины» о начале формирования специфических черт украинского языка, приняли участие ст. научн. сотрудники Института языкознания АН СССР С. С. Высотский и В. Н. Сидоров, которые отметили образцовую методику анализа материала в докладе Л. А. Булаховского и важность поднятых в нем вопросов, и зам. директора Института языкознания В. И. Бороковской, сделавший несколько замечаний по сообщению И. К. Белодеда.

Оценивая результаты заседания, акад. В. В. Виноградов указал, что коллектив Института языкознания должен сделать для себя вывод о необходимости усилить научно-исследовательскую активность тех секторов, которые занимаются изучением языков нашей страны, и координировать свою деятельность с деятельностью других языковедческих учреждений: Института славяноведения и Института востоковедения АН СССР, институтов всех наших республик и областей. Поблагодарив всех участников заседания, В. В. Виноградов подчеркнул, что заслушанные доклады отражают углубление конкретно-исторического исследования отдельных языков и групп родственных языков, и в этой связи подверг критике доклад М. И. Стеблин-Каменского за отсутствие в нем конкретного материала и всякой исторической перспективы, в результате чего докладчик, например, упустил из виду, что грамматическое значение соотносено с действительностью только через призму лексического значения.

В заключение В. В. Виноградов отметил необходимость расширения проблематики научно-исследовательской работы, указав на слабость разработки проблем сравнительно-исторического языкознания, языка и стиля художественной литературы и лексикологии, и выразил уверенность, что советские языковеды своими исследованиями по общим и конкретным вопросам языкознания покажут всему миру творческую мощь советской науки о языке и обеспечат ей первое место в мировом языкознании.

В. П. Григорьев

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

С 18 по 23 мая 1953 г. в Институте языкознания АН СССР проходило Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Обсуждавшиеся на совещании вопросы вызвали большой интерес в среде советских языковедов: в работе совещания приняли участие научные работники, преподаватели, аспиранты Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и автономных областей многонационального Советского Союза.

На пленарных заседаниях было заслушано и обсуждено 4 доклада и 4 содоклада. Интересные вопросы были подняты и обсуждены на заседаниях 7 секций: тюркской, иранской, монгольской, кавказской, финно-угорской, балтийской, украинско-белорусско-молдавской.

Во вступительном слове зам. директора Института языкознания АН СССР Б. А. С е р е б р е н и к о в сказал, что отличительной особенностью нового периода в развитии советской науки о языке, наступившего после выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, является решительный поворот к непосредственному изучению живых и конкретных фактов языка, его словарного состава и основного словарного фонда, его грамматического строя и внутренних законов и особенностей его исторического развития.

Практика развития языков народов СССР давно привела к постановке ряда вопросов, требующих безотлагательного решения: о принципах составления описательных грамматик, двуязычных и толковых словарей, об изучении диалектов.

Б. А. Серебренников показал, как представители «нового у ения» о языке, стремясь умалить значение грамматики, считая ее «пустой формальностью», подгоняли факты языка под стадивальные схемы, подчиняли морфологию синтаксису, беспорядочно смешивали их категории, и как эти порочные теории отразились в целом ряде описательных грамматик языков народов СССР.

После выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания открылись широкие возможности для создания описательных грамматик на подлинно научной основе. Чтобы осуществить это большое и важное дело, придется преодолеть немало трудностей, так как некоторые общетеоретические вопросы не получили еще своего разрешения: до сих пор ведутся споры относительно классификации частей речи в некоторых языках народов СССР, нет единого мнения в вопросе о критериях определения придаточного предложения, наблюдается разноречие в грамматической номенклатуре, много неясностей в вопросе расположения материала в грамматиках и т. п. Не получили своего теоретического разрешения вопросы лексикографии и диалектологии. Особенно остро стоят вопросы о сущности общенародного языка, об образовании национальных языков, о взаимоотношении их с местными диалектами, проблема концентрации диалектов и обогащения литературного языка за счет диалектов и т. п.

В заключение Б. А. Серебренников выразил надежду, что языковеды примут активное участие в обсуждении прочитанных на конференции докладов и в обстановке свободной борьбы мнений и творчески целеустремленной принципиальной критики помогут найти правильное решение поставленных в них вопросов.

Проблемам описательной грамматики были посвящены подготовленный коллективом старших научных сотрудников Института языкознания АН СССР—В. А. Аврориным, Р. А. Будаговым, Ю. Д. Дешериевым, Б. А. Серебренниковым, Е. И. Убрятовой и Н. Ю. Шведовой доклад на тему «Вопросы составления описательных грамматик»¹, содоклады члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева «Спорные вопросы описательных грамматик тюркских языков» и акад. В. В. Виноградова «Вопросы изучения словосочетания на материале русского языка».

Н. К. Д м и т р и е в указал на необходимость детального изучения и уточнения следующих спорных вопросов грамматики тюркских языков: о категориях накло-

¹ Содержание доклада см. в № 4 нашего журнала (стр. 3—21).— *Ред.*

нения и вида; о наименовании и функциях основного падежа в тюркских языках и о его соотношении с русским именительным падежом; о генезисе аффикса принадлежности 3-го лица *-ы* // *-сы*; о степенях сравнения прилагательных; об указательных, вопросительных и отрицательных местоимениях; о дополнении и обстоятельстве и о неправомерности их смешения; о структуре условного периода; о категории определенности и неопределенности; о классификации частей речи и необходимости большего внимания словообразовательному критерию при классификации; о классификации придаточных предложений и др.

В. В. Виноградов отметил, что словосочетания — это грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия; они являются строительным материалом предложения. Словосочетания и предложения — качественно различные категории синтаксиса.

Словосочетание организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем, и потому словосочетание, как и слово, обладает системой форм. Предикативные словосочетания не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний, так как они спаиваются в единое целое категориями лица, времени и склонения и, будучи единицей сообщения, не являются именованьем. В. В. Виноградов указал, что вопросы о закономерностях сочетаемости одного слова с другими, в зависимости от различия в его значениях, а также от словообразовательных соотношений, имеют большое значение для синтаксиса словосочетания, что только на широкой базе — грамматической, словообразовательной и семантической — могут быть определены правила образования словосочетаний и установлены их основные типы.

Сказав, что следует различать простые (двусловные и трехсловные с неделимой определительной частью) и сложные (распространенные простые) словосочетания, В. В. Виноградов отметил, что главным предметом теории словосочетаний являются правила образования простых и сложных словосочетаний, изучение их типов в живом историческом развитии. Он подробно охарактеризовал виды синтаксических отношений между словами в словосочетании (согласование, управление, примыкание), формы выражения синтаксической связи между словами в словосочетании соотносительно с предложением (флексии, формы предложного управления, частицы, связи, союзы, порядок слов как в структуре словосочетания, так и в структуре предложения), взаимодействие грамматических категорий и лексических значений слов в формах словосочетаний, роль словообразовательных цепей в создании однотипных рядов словосочетаний, правила образования словосочетаний и др.

Поставленные в докладе и содокладах вопросы были широко обсуждены в многочисленных выступлениях участников совещания.

Проф. М. Н. Петерсон отметил, что в докладе не была четко выяснена роль фактов истории языка при составлении описательных грамматик и что принцип историзма следует понимать шире, так как в языке, помимо различных исключений и пережитков, сосуществует старое и новое. Не соглашаясь с положением доклада о наличии посредством отдела (словообразования) между лексикой и грамматикой, М. Н. Петерсон утверждал, что словообразование нельзя исключать из морфологии, и, отметив большую ценность содоклада В. В. Виноградова, сказал, что он считает все сочетания слов, в том числе и предикативные, словосочетаниями и что любое сочетание слов может получить предикативное значение.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Э. В. Севортян, указывая на недостаточность и ограниченность лексико-семантического критерия при классификации частей речи в грамматиках тюркских языков, отметил, что одной из характерных черт развития тюркских языков является развивающаяся формальная дифференциация частей речи, и на большом количестве примеров показал, что сейчас почти не создаются формы имен с нерасчлененными значениями существительного-прилагательного, существительного-прилагательного-наречия, что в качестве важнейшего критерия разграничения именных частей речи должен быть принят критерий словообразовательный.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Н. С. Поспелов говорил о том, что в докладе из числа основных проблем синтаксиса выпало учение о членах предложения, что необходимо внести теоретическую определенность в учение о сложном предложении и что основной проблемой синтаксиса сложного предложения является не изолированная квалификация придаточного предложения, а прежде всего установление степени сцепления между частями сложного предложения. По мнению Н. С. Поспелова, ввиду двойственной природы словосочетания (номинативная и синтаксическая единица), само это понятие требует дальнейшего теоретического разъяснения.

Вопросу о том, как отражать в описательных грамматиках национальных языков новые звуки и словообразовательные суффиксы, заимствованные из русского языка, посвятил свое выступление проф. В. И. Лыткин.

Проф. А. Б. Шапиро указал на то, что в докладе уделено мало внимания вопросу о грамматической форме и вопросу о материале, на котором нужно строить грамматические положения. Первый из них должен решаться с учетом тех тенденций, которые, являясь типическими, нарастают и прогрессируют в языке. Решение второго вопроса в большинстве случаев зависит от самого языка: на старописьменных языках имеется богатая литература самых разнообразных жанров, с определенными традициями, и потому основной материал для описательной грамматики должен представлять литературный язык; при составлении грамматик младописьменных языков, естественно, количество материала из живой речи будет больше, и в связи с этим будет стоять сложная задача грамматической нормализации фактов языка.

Проф. В. И. Абаев остановился на вопросе, каким образом описательная грамматика, не переходя в историческую, может строиться с учетом и помощью истории языка. Он сказал, что при описании грамматического строя, исходя из своеобразия каждого языка, необходимо выделить те явления в языке, для правильного понимания которых особенно важно историческое освещение — изучение, наряду с живыми, широко распространенными категориями, явлений отживающих и нарождающихся, привлечение данных не только диалектов и родственных языков, но также показаний данного языка на разных этапах его развития.

На отсутствие в докладе должного внимания к синтаксису, особенно к той его части, которая рассматривает учение о предложении, о составе предложения и его структуре, указала в своем выступлении проф. Е. М. Галкина-Федорук. Она отметила также недостаточность теоретического обоснования некоторых положений доклада: о формах частей речи, формах словосочетаний, категории модальности и т. п.

Зав. сектором языка и письменности Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры Ц. Б. Цыдендамбаев, говоря о недостатках доклада, указал на то, что доклад претендовал на освещение вопросов описательных грамматик вообще, безотносительно к тому, о каком языке (или группе языков) идет речь. Следовало бы подготовить вводный доклад с рассмотрением общих вопросов грамматики и доклады по составлению описательных грамматик родственных языков: тюркских, иберийско-кавказских и т. п., в которых нашли бы место частные вопросы. Смешением общих и частных вопросов можно объяснить отсутствие в докладе теоретического и методологического обоснования предложения, отсутствие критерия для разграничения оборотов и придаточных предложений и т. д.

Зав. кафедрой армянского языка Ереванского университета проф. Г. Г. Севак отметил, что отсутствие четких определений грамматических категорий (чем страдает и доклад) очень часто на практике приводит к тому, что в грамматике национального языка фигурируют категории, которых нет в грамматическом строе данного языка, и в то же время не учитываются такие грамматические категории, которые существуют в национальном, но отсутствуют в русском языке.

Науч. сотр. Северо-осетинского научно-исследовательского института Н. Х. Кулаев остановился на спорных вопросах грамматики осетинского языка: различные критерии для классификации частей речи, признание винительного падежа авторами одних грамматик и отрицание его другими авторами, смешение прилагательных и причастий, различная трактовка притяжательных местоимений и т. п.

Аспирант Института языкознания АН СССР А. С. Уськин на ряде примеров из чувашского языка показал, что то, что тюркологи считают категорией вида, не является морфологической категорией, так как она выражается не морфологическими средствами, а лексико-семантическими (сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом), что в тюркских языках, как в английском и французском, нет категории вида, что она появилась в тюркских грамматиках в результате навязывания тюркским языкам грамматических категорий русского языка.

Науч. сотр. Тувинского научно-исследовательского института Ш. Ч. Сат, возражая А. С. Уськину, сказал, что в тувинском языке, помимо сочетаний деепричастий со вспомогательными глаголами, имеются специальные аффиксы, с помощью которых образуются видовые оттенки, почему нельзя отрицать наличие категории вида во всех тюркских языках. Ш. Ч. Сат указал на необходимость разрешения спорных вопросов орфографии национальных языков.

Действ. член АН Казахской ССР Н. Т. Сауранбаев поддержал тезис докладчиков о том, что фонетика должна быть представлена в описательных грамматиках, особенно в грамматиках по тюркским языкам, в которых без знания звуковых законов нельзя ясно представить себе некоторые категории морфологии. Н. Т. Сауранбаев подробно остановился на вопросах нормативности при составлении описательных грамматик. Несмотря на то, что в ряде младописьменных языков литературный язык уже, в основном, сложился, процесс внутренней шлифовки во всех областях языка — в лексике, грамматике, произношении — еще не закончен. Продолжают существовать формы литературного и разговорного языков, идет их смешение; литературная норма не установлена. Отсюда ясно, какие большие трудности возникают при составлении нормативных описательных грамматик.

Зав. кафедрой казахского языка Алма-атинского пединститута проф. С. А. Аманжолов подверг резкой критике марристские ошибки казахских языковедов (Н. Т. Сауранбаева, А. И. Искакова и др.) и отметил, что Институт языкознания АН СССР должен помогать республиканским институтам острой, целенаправленной критикой, но о своих собственных ошибках марровского толка даже не упомянул.

Лексикографическим вопросам были посвящены доклады доктора филол. наук К. Е. Майтинской «Значение различий в грамматической структуре языков для построения двуязычных словарей (На материалах финно-угорских и тюркских языков)», члена-корр. АН СССР С. Г. Бархударова «Принципы составления трехтомного толкового словаря русского языка» и содоклад Т. Г. Брянцева о «Типовой словник для русско-национальных словарей».

К. Е. Майтинская, отметив необходимость отражения специфики грамматического строя сопоставляемых языков в двуязычных словарях, подняла три основные проблемы: а) какова специфика частей речи в сопоставляемых языках, б) какова специфика грамматических категорий, в) каковы должны быть грамматические справочники, приложенные к словарям.

В связи с первой проблемой К. Е. Майтинская указала, что существительное, употребляемое в сложных словах как относительное прилагательное, следует переводить не только существительным, но и прилагательным, например: финское *rauta* «железо, железный»; что при переводе имен, которые в зависимости от синтаксических функций могут быть переведены на русский язык как существительные и прилагательные, а иногда и наречия, пометы о частях речи должны соответствовать специфике каждого отдельного языка; что если имя действия в национальном языке не может переводиться на русский язык одним словом (*кладать*, но нельзя сказать *кладение* и т. п.), следует приводить иллюстративные примеры.

В словаре должны даваться основные формы изменяемых частей речи, на базе которых могут быть построены полные парадигмы склонения и спряжения. В тех случаях, когда это невозможно ввиду большого разнообразия типов спряжения или склонения, данное слово должно сопровождаться ссылкой на соответствующую таблицу грамматического приложения. В последнем следует давать не просто описание грамматического строя вообще: оно должно обслуживать непосредственные нужды словаря, для чего в приложении необходимы грамматические таблицы, связанные со словарными статьями.

С. Г. Бархударов, характеризуя принципы составления трехтомного толкового словаря русского языка, сказал, что словарь должен охватить всю общеупотребительную лексику, наиболее употребительные фразеологические обороты современного литературного языка, отразить все те сдвиги, которые произошли в словарном и фразеологическом составе русского литературного языка за советский период его развития, и удовлетворить назревшую потребность в достаточно полном, широко доступном словаре современного литературного языка.

С. Г. Бархударов особое внимание уделил вопросу нормативности словаря. Нормативность достигается, сказал он, подбором слов, анализом значений слов и их оттенков, указывающим правильность употребления слов в речи, стилистическими пометами, устанавливающими сферу и границы употребления того или иного слова (или его значения), показательными цитатами или изречениями, взятыми из авторитетных источников и показывающими, как и в каких сочетаниях данные слова употребляются, грамматическими объяснениями и расстановкой ударения.

Т. Г. Брянцева, отметив в своем докладе огромную роль русско-национальных словарей в культурной жизни страны, сказала, что для составителей таких словарей весьма полезен словник, который можно было бы взять за основу для русской части словаря. В 1951 г. Государственное издательство иностранных и национальных словарей создало словник на 50 тыс. слов, состоящий из двух разделов: в одном дано то, что подлежит включению в текст будущего словаря, а в другом — комментарии и указания для составителя словаря. Указав на трудности отбора слов для словника, Т. Г. Брянцева подробно остановилась на том, как составлены примечания для составителей словарей: разъяснение значений слова, стилистические пометы, толкование слов и т. п.

По докладам развернулись оживленные прения.

Р. С. Газизов — науч. сотр. Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР охарактеризовал те трудности, которые возникают при работе над русско-национальными словарями. Он говорил о том, что при толковании значений русских глаголов, составляющих видовые пары, следует к каждому глаголу подходить дифференцированно, ибо в тюркских языках видовые пары русских глаголов в большинстве случаев выражаются различными словами и отсылка к парному глаголу, по примеру толковых словарей русского языка, иногда приводит к грубым ошибкам. Р. С. Газизов указал также, что каждому отдельному значению существительного в словаре должен обязательно соответствовать термин, а не простое объяснение, что необходимо давать эквиваленты ко всем значениям каждого предлога, союза и частицы.

Б. А. Серебряников поднял вопрос о необходимости двух типов словарей в зависимости от того, для какой категории лиц предназначается словарь. Он отметил, что для пользующихся словарем в целях изучения незнакомого языка нужен словарь, наиболее полно и всесторонне отражающий различия в грамматическом строе языков; для лиц, знающих два языка — национальный и русский, т. е. переводчиков, издательских работников, учителей и т. п., нужен словарь, полно отражающий синонимику, идиоматику и фразеологию языка.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. И. Ожегов в своем выступлении подчеркнул, что многие ошибки при составлении словарей возникают из-за отсутствия исчерпывающих работ по теории лексикографии, и подробно остановился на двух спорных вопросах: как давать в словарях омонимы и какое из слов считать стержневым в идиомах и фразеологических сочетаниях. С. И. Ожегов отметил насущную необходимость в специальной подготовке лексикографов.

Зав. отделом лексикографии Института языка АН Казахской ССР Г. Г. Мусабаяев говорил о трудностях, встречающихся при составлении русско-национальных словарей (передача на казахский язык русских относительных прилагательных, глагольных видов, устойчивых сочетаний и т. п.), о способах создания общественно-политической и научно-технической терминологии, об орфографировании заимствованных из русского языка слов.

Отбору и кодификации слов в словнике, стилистической классификации слов, характеру и месту фразеологии посвятил свое выступление ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР А. М. Бабкин. Он указал, что в хорошем типовом словнике, составленном Издательством иностранных и национальных словарей, нейтральная лексика представлена более или менее полно, а просторечная и разговорная — в значительной степени подчинена произволу и вкусу отбирающего. Дополнительное включение материала в словник, намечаемое издательством, может внести еще большую субъективность и произвольность при отборе слов. А. М. Бабкин отметил, что помета «историческое» в словнике не оправдана, а помета «книжное» излишня, так как подчас эта помета характеризует такие слова, которые через несколько лет становятся широко употребительными (см. слова *идеологический, идейный, мировоззрение* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова).

В национальных республиках и областях остро ощущается отсутствие словаря синонимов русского языка, сказал Ц. Б. Цыдендамбаев. Отметив большую ценность «Типового словника для русско-национальных словарей», Ц. Б. Цыдендамбаев указал, что нужно обновить иллюстративный материал словника, что в словнике довольно широко представлены малоупотребительные специальные термины, что в нем не всегда даются переносные значения слов.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Ю. С. Сорокин обратил внимание участников совещания на то, что в существующих словарях русского языка очень часто пропущены новые слова, относящиеся к производственной и специальной терминологии, которыми полны страницы газет, например: *канавокопатель, камнерез, комбикорм* и т. д.

Научн. сотр. Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры К. М. Черемисов показал на большом количестве интересных примеров из переводов на бурят-монгольский язык острую необходимость для работников национальных республик и областей нового, более полного толкового словаря русского языка.

Т. Ф. Медведкова указала на то, что словари русского языка не охватывают полностью круг лексики общественно-политической литературы, что в эти словари часто не попадают слова, имеющиеся в Кратком курсе истории ВКП (б), в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина, например: *бундовец, народоволец, грядет (грядет прачетарская революция)* и т. п.

Л. Б. Чадамба рассказал о том, какую работу в области изучения тувинского языка проделали языковеды Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, организованного в 1945 г., а также указал на необходимость более тесной связи между лингвистами Института языкознания АН СССР и национальных республик и областей, на необходимость повседневной помощи таким молодым научным центрам, как Тувинская автономная область.

Зав. сектором словарей Института языка, литературы и истории АН Таджикской ССР Я. И. Калантаров рассказал о том, как готовились русско-таджикский и таджикско-русский словари, как идет подготовка толкового словаря таджикского языка.

Член-корр. АН Туркменской ССР З. Б. Мухамедова говорила о трудностях передачи различных терминов на туркменский язык. Отметив, что отсутствие единообразия в переводах трудов классиков марксизма-ленинизма часто мешает солидности словарное единообразие, она рассказала о том, как за счет диалектных слов, обозначающих понятия, связанные с мореходством, рыболовством, флорой и фауной, пополняется словарный состав туркменского литературного языка, как коллектив, работающий над составлением русско-туркменского словаря, стремится избежать описательности при переводе терминов.

На вопросе о том, какое отражение получил общий для языков народов Советского Союза лексический фонд социализма в составляемом ныне русско-молдавском словаре, остановился в своем выступлении ст. научн. сотр. Молдавского филиала АН СССР Н. Г. Корзятяпу.

Доклад на тему «Вопросы изучения диалектов языков народов СССР», подготовленный коллективом старших научных сотрудников Института языкознания АН СССР Р. И. Аванесовым, Е. А. Бокаревым, Б. В. Горюнгом, В. И. Лыткиным, В. Г. Орловой, В. С. Расторгуевой и А. А. Юлдашевым, прочла В. Г. Орлова².

Содоклад на тему «Методы изучения диалектов» сделал ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. С. Высотский.

Приступая к работе на начальном ее этапе, сказал С. С. Высотский, надо собрать и систематизировать все данные, хотя бы отрывочные и единичные, о наличии каких-либо территориальных вариантов отдельных элементов языка (форм, слов, звуков и т. д.). В первую очередь необходимо учесть те диалектные различия, о которых знает сам народ; изучить литературу, причем в одних произведениях могут встретиться прямые указания на существование тех или иных диалектных черт, в других можно черпать диалектный материал как таковой (памятники письменности, старинные документы, старая печатная продукция, фольклорные тексты и т. п.). В результате начального этапа работы накапливается материал, намечаются в общих чертах главные подразделения местных говоров и соответствующая им территория, выявляется более или менее точный состав их характерных различительных признаков.

Диалектологическое обследование по развернутой программе, сказал С. С. Высотский, составляет следующую ступень организации планомерного изучения народных говоров: объектом исследования может стать отдельно взятая языковая черта или группа языковых черт, образующих раздел структуры говора, или, наконец, весь говор в полном объеме, а также целая группа близких говоров. Общая задача выявления языковой структуры говора в ее историческом развитии принципиально не отличается от задач грамматического и лексикологического описания языка.

Следующий этап построения надиспальной диалектологии — лингвистическая география, т. е. построение диалектологических карт, что в конечном итоге служит для выявления характерных признаков тех или иных говоров и территориальных границ между говорами и их объединениями.

Далее С. С. Высотский подробно рассказал о программе собирания сведений для составления диалектологического атласа и об организации и подготовке диалектологической экспедиции, обратив особое внимание на определение объекта исследования и на практику записи и анализ материала.

В обсуждении докладов приняли участие В. В. Решетов, С. А. Аманжолов, А. К. Имяреков, М. Н. Коляденков, Б. А. Серебряников, П. С. Кузнецов, Б. А. Ларин, Д. Г. Киекбаев, Н. Т. Сауранбаев.

Оживленные прения вызвал вопрос о возможности создания единого мордовского литературного языка. А. К. Имяреков пытался доказать, что в прошлом различные языки — эрзянский и мокшанский с XIII в. стали сближаться и сблизилась до степени диалектов одного языка, что возможно создание единого мордовского языка, так как мокша и эрзя при разговоре общаются на своем родном языке, что слова основного словарного фонда у них общие на 93,4% (кто это вообще мог подсчитать?!).

Зав. сектором языка Мордовского научно-исследовательского института М. Н. Коляденков, говоря о том, что в Мордовии, как известно, имеется два диалекта — мокшанский и эрзянский, сообщил, что на каждом из них говорит примерно одинаковое количество населения. Различия между указанными диалектами настолько велики, что с первых же дней создания письменности стало очевидно, что письменность на базе какого-то одного диалекта невозможна. Были созданы два литературных языка. В течение 30 лет на каждом из них изданы учебники, большая литература, переводы классиков марксизма-ленинизма и т. п.; обучение в школе тоже ведется на мокшанском и эрзянском языках. Исходя из фактов языка, М. Н. Коляденков правильно осудил тех, кто, вопреки этим фактам, стремится создать единый мордовский язык.

О невозможности создать единый мордовский язык говорил также Б. А. Серебряников, ибо, по его словам, есть только два пути создания этого единого языка: 1) на базе обоих диалектов, 2) на базе эрзянского или мокшанского диалекта. В первом случае будет нечто вроде рабочей смеси, на которой никто не сможет ни говорить, ни писать; во втором получится насильственное навязывание одного какого-либо языка, что также не может быть жизненным. Сторонники создания единого мордовского языка сами не знают, как его создавать.

² См. статью Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой в настоящем номере журнала, стр. 30—47. — *Ред.*

Доктор филол. наук В. В. Решетов говорил о том, что изучение узбекских народных говоров до сих пор не носит массового характера. Этой работой занимаются только отдельные исследователи. Не решен еще вопрос о классификации узбекских говоров; в связи с этим остаются запутанными актуальнейшие вопросы истории узбекского языка, этапов его развития. В. В. Решетов указал на ошибочность «теории иранизации», «иранской подпочвы».

Исходя из данных узбекских говоров, он показал, как на протяжении многовековой истории своего существования две принципиально отличные языковые стихии — узбекская и таджикская — развивались параллельно, обогащая друг друга. Стремление закреплять за узбекскими народными говорами термины «чагатайские» не обосновано.

С. А. Аманжолов, отметив большую ценность докладов по диалектологии, говорил о том, что в Казахстане имеется группа языковедов, отрицающая, вопреки фактам, наличие диалектов в казахском языке. Этим объясняется то обстоятельство, что в Казахстане диалекты изучаются двумя-тремя лингвистами, что в вузах, кроме Алма-атинского пединститута, курсы диалектологии не читаются. Это, естественно, тормозит и разработку курса истории казахского языка, так как нет письменных памятников этого языка и только диалектные данные могут служить основой для создания его истории.

Проф. П. С. Кузнецов отметил, что из доклада «Вопросы изучения диалектов языков народов СССР» не совсем было ясно, как складывается язык народности и каково взаимоотношение диалектов в пределах последнего, когда речь шла о древнерусской народности.

Действ. член АН Литовской ССР Б. А. Ларин указал, что в докладе при анализе вопроса об отборе форм и средств для единого общенародного языка из диалектов не следует забывать о наиболее самобытных чертах. Он не согласен с авторами доклада, что различия между русскими диалектами имеются только в фонетическом оформлении слов, и считает, что следует говорить и о морфологических различиях, имея в виду, например, факты совпадения форм дательного и творительного падежей множественного числа существительных и т. п. Б. А. Ларин отметил также, что докладчики не учли начальную стадию перемалывания диалектов в советскую эпоху, что, говоря о взаимоотношении диалектов и литературного языка советской эпохи, нельзя забывать историю их взаимоотношений, особенно 20-е и 30-е годы нашего века, когда можно было наблюдать массовое употребление искаженных элементов литературного языка, например *леварудце* вместо *революция* и т. п.

О ходе изучения башкирских диалектов и об огромной роли диалектных данных для создания истории младописьменных языков говорил в своем выступлении зав. кафедрой Башкирского пединститута Д. Г. Кикбеев.

Н. Т. Саурбаев отметил, что хотя изучение диалектов казахского языка началось более 20 лет назад, в Казахстане этому важному разделу языкознания уделяется очень мало внимания, диалектологией никто не занимается, кроме С. А. Аманжолова и Ж. Д. Доскараева, нет организационного центра, руководящего всей этой работой. Незначительность диалектов казахского языка имеет своим следствием существование различных точек зрения на диалекты казахского языка: одни лингвисты совершенно отрицают их наличие, другие (С. А. Аманжолов), признавая их, не устанавливают границ между племенными и территориальными диалектами. Доклад «Вопросы изучения диалектов языков народов СССР», поставивший ряд теоретических проблем об особенностях диалектов различных языков, поможет разобраться в путанице, которая имеется в вопросе о диалектах казахского языка.

Подводя итоги работы совещания, Б. А. Серебренников подчеркнул, что настоящее совещание является началом в установлении большого, прочного и необходимого контакта в работе над разрешением конкретных и практических вопросов между языковедами Москвы, Ленинграда и национальных республик и областей, и указал, что общетеоретические доклады, рассматривающие вопросы в самом общем плане, должны быть заменены докладами с более конкретной тематикой, в соответствии с задачами исследования различных языковых групп.

Совещание приняло решение, в котором отмечаются общее оживление работы по составлению научных описательных грамматик языков Советского Союза, значительные успехи в области словарной работы, но в то же время крайне медленные темпы и недооценка диалектологической работы в некоторых национальных республиках (Казахская, Узбекская, Туркменская ССР); решение наметает ряд конкретных мероприятий по каждому из рассмотренных вопросов и указывает на необходимость организации периодических совещаний языковедов, работающих над составлением описательных грамматик, словарей и над изучением диалектов, в целях координации языковедческой работы, обмена опытом и взаимопомощи, на необходимость расширения тематики этих совещаний с целью охвата всех вопросов, связанных с нормализацией литературных языков народов СССР.

С. А. Бурнашева

НОВЫЙ ДУНГАНСКИЙ АЛФАВИТ

Дунгане — выходцы из Китая. Они переселились в конце 70-х годов XIX в. в Россию, спасаясь от преследования циньских феодальных властей в связи с дунганским восстанием 60-х годов. В настоящее время дунгане живут как национальное меньшинство в Киргизской ССР, в примыкающих с севера к Киргизии районах Казахской ССР и — в незначительном количестве — в Узбекской ССР. Всего дунган в СССР насчитывается около 20 тысяч. Дунганский язык — явная ветвь китайского языка, правда, в значительной мере отошедшая от китайских норм как в области фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса.

В пределах самого дунганского языка имеются диалектные расхождения. В СССР представлены два диалекта — преобладающий ганьсуйский (выходцы из китайской провинции Ганьсу и некоторых смежных с ней) и шэньсийский (выходцы из китайской провинции Шэньси). В Китае и ганьсуйский, и шэньсийский диалекты дунганского языка считаются диалектами китайского языка. Дунгане в Китае пользуются китайской пероголифией, а живущие в Синьцзяне — арабской письменностью.

У переселившихся в Россию дунган до 1927 г. письменности не было. В 1927 г. группа дунганских студентов во главе с Ю. Яншансином, Я. Шиваза и Х. Макеевым составила первый проект дунганского алфавита на основе арабского письма, а после Тюркологического съезда 1927 г., отвергшего арабскую письменность для народов СССР, в 1928 г. та же группа студентов предложила новый проект дунганского латинизированного алфавита¹, который при участии видных китаеведов (А. А. Драгунова и др.) был в 1932 г. упрощен и улучшен. В 1936—1937 гг. Ю. Яншансином были разработаны правила дунганской орфографии.

В 1937—1939 гг. были вынесены решения о переводе языков народов СССР на письменность, основанную на русском алфавите, но для дунган алфавит на русской основе не был разработан. В 1952 г. распоряжениями Президиума Академии наук СССР от 26 мая и 4 ноября при Институте востоковедения АН СССР была образована комиссия по разработке письменности для дунган на основе русского алфавита под председательством А. А. Драгунова. В эту комиссию вошли дунганские научные работники Киргизии и Казахстана, научные работники институтов востоковедения и языкознания АН СССР и Института этнографии АН СССР (Ленинград). Предварительная работа состояла прежде всего в согласовании основных принципов разработки письменности и в сопоставлении различных проектов алфавита.

В области общих принципов комиссия решила:

1) использовать не только буквенный состав русского алфавита, но и один из основных принципов русской графики, а именно — передачу мягких согласных, имеющих твердые пары, различием не согласных, а последующих гласных букв (русск. *тук* — *тюк*; дунганск. *ну*—*ню*), в случае же, когда мягкий согласный может сочетаться как с задним, так и соответствующим передним гласным, использовать различные гласные: *ню* — *ну*;

2) так как букв русского алфавита не хватает для отображения фонемного состава дунганского языка, то следует ввести дополнительные буквы, графическая фигура которых по возможности не выходила бы из обычных контуров русских букв. Таковы буквы *э*, *эс*, *ң* *ў*; буква же *у*, хотя и не отвечает этому требованию, но она принята и стала обычной для киргизского, казахского и уйгурского письма, тем самым введение ее в дунганский алфавит не окажется изолированным фактом.

Комиссия рассмотрела три варианта проектов Ю. Яншансина, два варианта — А. А. Драгунова, проект Ю. Цунвазо и объединенный проект Г. П. Сердюченко и А. Калимова. После обмена мнений с приехавшими из Киргизии и Казахстана в Москву Ю. Яншансином и Ю. Цунвазо решено было в основу проекта, предлагаемого на утверждение полномочного совещания, положить третий вариант Ю. Яншансина, а из проекта Г. П. Сердюченко и А. Калимова взять букву *ў* для особого губно-губного согласного, происходящего из прежнего дифтонга (дунганск. *эў* «собака», ср. китайск. однозначное [goy])².

Если по вопросу о двух «ч» (*ч* и *ч*) в результате предварительной дискуссии было решено ограничиться одним *ч* (мнение А. А. Драгунова и А. А. Реформатского), то по вопросу о *ш* и *щ* комиссия не пришла к единому мнению: К. Яншансин, Ю. Цунвазо и А. Калимов настаивали на сохранении *щ*, а А. А. Драгунов и А. А. Реформатский указывали на ненужность этой буквы для дунганского алфавита, если принят указанный выше принцип графической передачи мягких согласных. На предварительной дискуссии также не было достигнуто соглашения о том, как следует передавать соче-

¹ Параллельный проект Киргизского комитета нового алфавита не имел успеха, так как он слишком прямолинейно «подгонял» дунганский язык под состав унифицированного нового (латинизированного) алфавита.

² В проекте Ю. Яншансина предлагалась для этого буква *у*.

тания [йа, йо, йу, йэ]; против использования для этого букв *я, ё, ю, е* возражали А. А. Драгунов и А. А. Реформатский.

За основу слоговой орфографии был принят с некоторыми поправками проект Ю. Янпачина. Вопрос о диалектной базе не вызвал расхождения мнений; по объективным данным дунганский литературный язык базируется на ганьсуйском диалекте, что и следует отразить в дунганской письменности, однако надо всячески учитывать интересы и представителей шэньсийского диалекта.

*

Совещание для обсуждения и утверждения проекта дунганского алфавита и слоговой орфографии состоялось 27 мая с. г. в г. Фрунзе в Киргизском филиале АН СССР. Участниками совещания (около 100 человек) были дунгане, киргизы, казахи, уйгуры, татары, русские, украинцы; среди них—ученые Москвы и Ленинграда, научные работники Киргизского филиала АН СССР, академий наук Казахской и Узбекской ССР, учителя школ, представители министерств, сотрудники высших учебных заведений, дунганские и киргизские писатели, представители общественности разных национальностей Средней Азии и т. д.

В Президиуме совещания зам. председателя Президиума Киргизского филиала АН СССР Н. И. Захарьев, член-корр. Академии наук Узбекской ССР К. К. Юдахин, поэт Аалы Токомбаев, члены дунганской комиссии, представители Казахстана. Председательствовал директор Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР А. Д. Давлеткильдиев.

Доклад о проекте дунганского алфавита и слоговой орфографии сделал науч. сотр. Института востоковедения АН СССР канд. филол. наук дунганин А. Калимов. Он отметил, что в свете директив XIX съезда КПСС о переходе к концу пятилетки от семилетнего к десятилетнему всеобщему образованию в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах для дунган прежде всего следует ввести письменность на основе русского алфавита. Перечисляя основные принципы, на которых базируется проект, А. Калимов указал на необходимость создать максимально простую и удобную письменность, с учетом ее сближения с алфавитами киргизского, казахского и уйгурского языков и приняв за основу фонетику ганьсуйского диалекта как базы литературного языка; полностью использовать ресурсы русского алфавита, добавив недостающие буквы для особых дунганских звуков; порядок букв установить, исходя из русского образца, а добавочные буквы расположить вслед за основными; сохранить за русскими буквами их названия, для дополнительных же букв дать дунганские названия.

Прения по докладу А. Калимова касались как общих принципов выработки алфавита, так и вопросов об отдельных буквах, а также о тех мероприятиях, которые должны следовать за утверждением письменности: открытие дунганских школ, издание дунганских учебников и т. д.

Я. Шиваза (дунганский поэт) остановился на вопросе о названиях букв и указал, что они должны соответствовать звучанию фонем. Так, не следует опускать [й] в названиях букв *и* и *у*, поскольку соответствующие фонемы имеют йотовое начало; название буквы «эр» не отвечает реальному звучанию фонемы [р]. Далее Я. Шиваза коснулся вопроса о возможности передачи тонов через удвоение букв.

Х. Бугазов (дунганин, преподаватель русского языка Киргизского ун-та) призвал к фонетическому письму. Он высказался против включения в алфавит буквы *ң*, по справедливо предупреждал, что упрощение алфавита не должно нарушать специфику языка.

А. Арбуду (дунганин, преподаватель английского языка), настаивая на фонетической точности алфавита, предложил букву *р* заменить буквой *э* («с хвостом»), *й* заменить через *у'* (с апострофом), а букву *ь* ограничить только заимствованными из русского языка словами (на конце).

А. Жермекоев (директор Института педагогики Казахской ССР) указывал на важность наличия утвержденных названий букв для преподавания языка, пусть эти названия и будут условными. Возражая Х. Бугазову, он высказался за сохранение букв *ң* и в заключение коснулся вопроса о дунганских школах.

А. Джон (преподаватель школы поселка Кара-Кунгуз) говорил о том, что после утверждения письменности необходимо поставить вопрос о дунганской газете.

Ф. Алиев (Пржевальск) поддерживал Х. Бугазова и А. Арбуду, отстаивая такую формулировку: «писать надо, как произносят, а читать — как написано»; далее Ф. Алиев подробно остановился на необходимости буквы *у* (в отличие от *ю*).

Науч. сотр. сектора уйгурской и дунганской культуры Казахской АН А. Шамиева (уйгурка) высказалась за сохранение двух «ч» (*чи* и *чи*) в дунганском алфавите.

Ю. Цунвазо (науч. работник сектора уйгурской и дунганской культуры Казахской АН, член дунганской комиссии) критиковал непоследовательность в таблице слоговой орфографии и возражал Я. Шиваза, отрицая начальную йотацию в произношении гласных фонем [и] и [у].

В своем выступлении научн. сотр. Института этнографии АН СССР (Ленинград) Г. Г. Стратонович (член дунганской комиссии) отметил, что при решении тех или иных алфавитных вопросов следует руководствоваться принципами простоты и точности в их взаимосвязи и равновесии. Он особо остановился на вопросе о названиях букв. Если графа «название буквы» просто повторять начертание буквы, то это значит, что «икс» обозначен через «игрек», или, точнее, через тот же «икс»; поэтому следует дать действительно «название буквы», например для y — «юй», а не « y ». В заключение Г. Г. Стратонович указал на необходимость отразить в решениях совещания перспективы издания учебников и научных трудов дунган (в первую очередь работ Ю. Яншансина и Ю. Цунвазо), а также вопрос об организации дунганских школ и дунганских классов в недунганских школах.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР А. А. Реформатский (член дунганской комиссии), передав совещанию приветствие от имени институтов языкознания и востоковедения, указал, что, фиксируя нормы письменности, данное совещание вырабатывает проект определенного юридического закона, который должен опираться на объективные закономерности строя дунганского языка. Поэтому нельзя во имя принципа простоты уменьшать количество букв, пренебрегая соответствием буквенного состава алфавита фонемному составу языка и тем самым искажая его национальную самобытность. Что же касается точности, то ее никак нельзя достигнуть путем приближения к фонетической транскрипции, неприемлемость которой особенно ясна при наличии произносительных расхождений между диалектами, что подтверждается спором о «чистом» или «йотованном» произношении передних гласных [и] и [y]. На этом основании в алфавите можно оставить букву η : хотя в ганьсуйском диалекте она нужна только для слова $\eta\epsilon$ «гусь», зато может быть широко использована в шэньсийском диалекте. Точность нужна, но лишь фонематическая, а отнюдь не фонетическая, поэтому для фонемы [p], как бы она ни произносилась, надо оставить букву p, а не придумывать особую — η («с хвостом»), которая переводит согласную фонему в гласные. Не следует забывать еще одно требование к алфавиту — систематичность. Так, если для передачи мягких согласных принят принцип русской графики, то предлагаемая А. Шамиевой буква ψ будет нарушением указанного принципа; это касается и буквы ψ : в дунганском языке два «ч» и два «ш» стоят в одном ряду с другими парами твердых и мягких согласных, тогда как в русском [ч] не имеет пары, а [щ] не является парой для [ш]. Принцип «полностью использовать русский алфавит», указанный А. Калимовым, следовало бы переформулировать: не «полностью», а «максимально»; это касается и буквы ψ и особенно отдельных функций некоторых букв. Так, ϵ используется в дунганской письменности лишь в значении «мягкого знака» на конце слов, заимствованных из русского (*Гоголь*), а в значении «разделительного знака» не используется; на основании этого прецедента нельзя рекомендовать использование букв λ , e , ϵ , η не только как показателей мягкости предшествующих согласных, но и как слоговых знаков для сочетаний [йа, йэ, йо, йу]; эта вторая функция — дефект русского алфавита, который не следует переносить в алфавит дунганский. А. А. Реформатский присоединился к мнению Г. Г. Стратоновича о названиях букв и предложил поправку к тезису А. Калимова: «для дополнительных букв о б о б ы е (а не дунганские, ибо это неверно) названия».

Последним выступал основной автор проекта новой дунганской письменности научн. сотр. Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР Ю. Яншансин (член дунганской комиссии). Он остановился на преимуществах, которые дает русская алфавитная основа для дунганской письменности: письменность на русской основе в дальнейшем легко приспособить и для передачи тонов, которые иероглифическим письмом не показываются. Ю. Яншансин возражал Я. Шиваза, отрицая начальную йотацию в гласных фонемах [и] и [y]. Касаясь дальнейшей перспективы работы, Ю. Яншансин горячо поддержал мнение о необходимости сохранения дунганской комиссии АН СССР, так как предстоит разработать вопрос о графической передаче тонов и составить, обсудить и утвердить свод орфографических и пунктуационных правил.

В заключение вечернего пленарного заседания зам. директора Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР И. А. Батманов огласил проект решения совещания, который с некоторыми мелкими добавлениями был единогласно принят. В последующие дни редакционная комиссия подготовила окончательный текст решений совещания и таблиц алфавита и слоговой орфографии для передачи его на утверждение в Верховный Совет Киргизской ССР.

Разработка новой письменности для дунганского народа — национального меньшинства в Киргизской ССР — замечательный пример торжества национальной политики Коммунистической партии и реальное воплощение нашего основного закона — Конституции СССР.

А. А. Реформатский

ПРОЕКТ НОВОГО ДУНГАНСКОГО АЛФАВИТА

№ пп.	Буква	Название буквы	№ пп.	Буква	Название буквы
1	<i>А а</i>	а	20	<i>П п</i>	пэ
2	<i>Б б</i>	бэ	21	<i>Р р</i>	эр
3	<i>В в</i>	вэ	22	<i>С с</i>	эс
4	<i>Г г</i>	гэ	23	<i>Т т</i>	тэ
5	<i>Д д</i>	дэ	24	<i>У у</i>	у
6	<i>Е е</i>	е (йэ)	25	<i>Ў ў</i>	ву
7	<i>Ё ё</i>	ё (йо)	26	<i>У у</i>	йу
8	<i>Ә ә</i>	ыо	27	<i>Ф ф</i>	эф
9	<i>Ж жс</i>	жэ	28	<i>Х х</i>	ха
10	<i>Җ җс</i>	җы	29	<i>Ц ц</i>	цэ
11	<i>З з</i>	зэ	30	<i>Ч ч</i>	чэ
12	<i>И и</i>	и	31	<i>Ш ш</i>	ша
13	<i>Й й</i>	ий	32	<i>Щ щ</i>	ща
14	<i>К к</i>	ка	33	<i>Ъ ъ</i>	нинхо
15	<i>Л л</i>	эл	34	<i>Ы ы</i>	ы
16	<i>М м</i>	эм	35	<i>Ь ь</i>	ванхо
17	<i>Н н</i>	эн	36	<i>Э э</i>	э
18	<i>Ң ң</i>	ың,	37	<i>Ю ю</i>	ю (йу)
19	<i>О о</i>	о	38	<i>Я я</i>	я (йа)

Н О В Ы Е К Н И Г И

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. КНИГИ И СТАТЬИ, ВЫШЕДШИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1952 г.*

1. СБОРНИКИ

1. Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. [Сб. статей]. Редколлегия: Г. Ф. Александров, В. В. Виноградов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников и Д. И. Чесноков.— М., Изд-во АН СССР, 1952. 496 стр. (Ин-т языкознания. Ин-т философии.)
2. Доклады и сообщения [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко]. Вып. III. Ч. I.— Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1952. 32 стр.— На рус. и укр. яз.
3. Доклады и сообщения [Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова], прочитанные на научной конференции по языкознанию. [Москва]. Июнь 1951 года. [Науч. конференция ун-тов и пед. ин-тов, посв. годовщине выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».] Отв. ред. А. Л. Сидоров.— [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 276 стр.
4. «Известия АН Таджикской ССР. Отд-ние обществ. наук», № 1. [Сб. статей.] Гл. ред. С. Айни, отв. ред. В. Н. Ниязмухамедов.— Сталинабад, Изд-во АН Таджикской ССР, 1952. 62 стр.
5. Краткие сообщения [Ин-та славяноведения]. Вып. 7. Вопросы славянского языкознания. [Сб. статей. Отв. ред. В. А. Смирнова.] — М., Изд-во АН СССР 1952. 79 стр.
6. Лексикографический бюллетень [Ин-та языкознания им. А. А. Потебни]. Вып. II. Гл. ред. И. М. Кириченко.— Киев, Изд-во АН УССР, 1952. 104 стр.— На укр. яз.
7. Научная конференция аспирантов-языковедов ленинградских секторов Ин-та языкознания АН СССР, Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова, Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского и 1-го ин-та иностр. языков. [Ленинград. Май 1952 г.] Тезисы докладов.— Л., 1952. 40 стр.
8. Научная сессия кафедры грузинского и осетинского языков [Сталинирского гос. пед. ин-та]. Итоги ксанской диалектологической экспедиции 1952 года. 27 декабря 1952 г. План работы и тезисы докладов.— Сталинири, Госиздат Юго-Осетии, 1952. 24 стр.— На груз. яз.
9. Научная сессия по вопросам мордовского языкознания в г. Саранске 16—20 ноября 1952 года. Тезисы докладов.— Саранск, 1952. 47 стр. (Ин-т языкознания АН СССР. Мордов. науч.-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории при Совете министров Мордовской АССР.)
10. Научные записки [Киев. гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко]. Т. XI. Вып. IX. Филологический сборник № 4. Отв. ред. Л. А. Булаховский.— [Киев], Изд-во Киев. гос. ун-та, 1952. 152 стр.— На укр. яз.
11. XI научная сессия Ин-та истории грузинской литературы им. Руставели [АН Груз. ССР]. 11 и 12 июня 1952 г. План работы и тезисы докладов.— Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952. 13 стр.— На груз. яз.
12. 11-я научная сессия Ин-та философии [АН Груз. ССР], посв. второй годовщине выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». 30 июня и 1 июля 1952 г. План работы и тезисы докладов.— Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952. 16 стр.
13. Семинар преподавателей языковедческих кафедр вузов Узбекской ССР. Тезисы докладов.— Ташкент, Изд-во АН Узб. ССР, 1952. 46 стр. (Ин-т языка и лит-ры им. А. С. Пушкина).— На рус. и узб. яз.
14. Совещание по языкам народов Севера [8—12 декабря 1952 г. в Ленинграде]. Тезисы докладов.— М.—Л., 1952. 62 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)
15. III (IX) научная сессия Ин-та языкознания [АН Груз. ССР], посв.

* В публикуемой библиографии римская цифра I обозначает ссылку на раздел I (Сборники), арабские цифры — на порядковый номер в разделе I. Страницы указаны по изданию, на которое дается ссылка.

второй годовщине выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». 24, 25 и 26 июня 1952 года. План работы и тезисы докладов.— Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952. 78 стр.— На груз. и рус. яз.

16. Труды Ин-та языкознания [АН СССР]. Т. I.—М., Изд-во АН СССР, 1952. 232 стр.

17. Ученые записки Ин-та востоковедения [АН СССР]. Т. IV. Лингвистический сборник.—М., Изд-во АН СССР, 1952. 409 стр.

18. Ученые записки Казан. гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Т. 112. Кн. 6. Сборник работ кафедры русского языка.—Казань, 1952. 150 стр.

19. Ученые записки Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, № 161. Серия филологических наук, вып. 18. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, 2. [Сб. статей.] Отв. ред. С. Г. Бархударов.— Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1952. 240 стр.

20. Ученые записки [Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина]. Т. XXII. Кафедра русского языка. Вып. 2. М., 1952 [год изд.: 1953].

21. Ученые записки [Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского]. Т. XXXII. Диалектологический сборник. Вып. 1-й (Материалы по говорам Саратовской области.) Под ред. А. М. Лукьяненко.— Саратов, 1952. 192 стр. с карт.

II. МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

1. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абаев В. И. История языка и история народа.— I, 1, стр. 40—55.

Аванесов Р. И. К вопросу о фонеме. [По поводу статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»] — «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка, М., 1952, вып. 5, стр. 463—468.

Аврорин В. А. К вопросу о национальной самобытности языка.— I, 1, стр. 387—429.

Агаян Э. Б. Введение в языкознание.— Ереван, Изд-во Ереван. ун-та, 1952. 634 стр. (Ереван. гос. ун-т им. В. М. Мологова).— На арм. яз.

Агаян Э. Качественные переходы в языке.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 9, стр. 25—46.— На арм. яз.

Айвазян К. О специфике проявления законов диалектики в развитии языка.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 12, стр. 19—51.

Александров Г. Ф. И. В. Сталин о языке как общественном явлении.— М., Изд-во АН СССР, 1952. 88 стр. (Ин-т философии. Науч.-попул. серия).

Алибейзаде Э. К вопросу развития национальных языков в условиях победы социализма в одной стране.— «Азербайжан мактеби», Баку, 1952, № 8, стр. 50—57.— На азерб. яз.

Антонов Н. О неразрывной связи мышления и языка.— «Большевик», М., 1952, № 15, стр. 19—30.

Ахведиани В. Г. Некоторые вопросы развития языка. [О внутр. законах развития языка на материале семитических языков.] — I, 15, стр. 16 и 46.— На груз. и рус. яз.

Ахведиани В. Г. Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде языка.— «Труды Тбил. гос. ун-та им. Сталина», т. 47, Тбилиси, 1952, стр. 111—117.— На груз. яз.

Ахмедов Э. И. В. Сталин о единстве языка и мышления. (Материал для лекторов.)—Баку, 1952. 26 л. (О-во по распростран. полит. и науч. знаний Азерб. ССР.)—Напеч. на ротапринте.— На азерб. яз.

Бахмутова Е. К. Основные проблемы общего языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке.— I, 18, стр. 3—18.

Белодед И. К. Великая историческая дата в развитии языковедческой науки. [К 2-й годовщине труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».] — «Вісник АН УРСР», Киев, 1952, № 6, стр. 3—14.— На укр. яз.

Бернштейн С. Б. О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании.— I, 5, стр. 3—13.

Бернштейн С. [И.] Против идеализма в фонетике. [По поводу статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы».] — «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 6, стр. 541—559.

Будагов Р. А. Об основном словарном фонде и словарном составе языка. Стеногр. публ. лекции.—Л., 1952. 31 стр. (Ленингр. отд-ние Всесоюз. о-ва по распростран. полит. и науч. знаний.)

Булаховский Л. А. Очерки по языкознанию.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, №№ 4, 5 и 6, стр. 15—22, 12—20 и 20—29.— На укр. яз. (Начало см. в № 3.)

Булаховский Л. А. Работа по языкознанию на новом пути.— «Ученые записки [Харьк. ун-та]», т. XLV. Труды филол. фак-та, т. 2, Харьков, 1952, стр. 5—17.— На укр. яз.

Виноградов В. В. О перспективах развития советской лексикографии.— I, 6, стр. 3—8.— На укр. яз.

Виноградов В. В. Основные задачи советской науки о языке в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— М., Учпедгиз, 1952. 40 стр.

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. (На материале русского и родственных языков). — I, 1, стр. 99—152.

Виноградов В. В. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке. — I, 3, стр. 7—36.

Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма. — I, 3, стр. 173—201.

Галкина-Федорук Е. М. Язык как общественное явление. — «Вестник Моск. ун-та», М., 1952, № 7, Серия «обществ. наук», вып. 3, стр. 137—150.

Гигинеишвили И. Труды И. В. Сталина о языке и их значение для языкознания. — «Труды Батум. гос. пед. ин-та им. Рушавели», Батуми, 1952, № 2, стр. 5—33. — На груз. яз.

Гухман М. М. Против идеализма и реакции в современном американском языкознании. (Л. Блумфилд и «дескриптивная» лингвистика.) — «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 4, стр. 281—294.

Демирчизаде А. М. Сталинское учение о словарном составе языка. — «Азербайжан мактаби», Баку, 1952, № 5, стр. 24—41. — На азерб. яз.

Дешериев Ю. Д. О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков в свете сталинского учения о языке. [На материале кавказ. языков.] — I, 1, стр. 461—494.

Жалей Л. Общенародный язык, общенациональный язык, литературный язык и местные диалекты в свете учения И. В. Сталина. — «Совет едебияты», Казань, 1952, № 7, стр. 112—122. — На татар. яз.

Жгенти С. Теория скрещивания Н. Марра в свете сталинского учения о языке. — «Труды Тбил. гос. ун-та им. Сталина», т. 47, Тбилиси, 1952, стр. 45—58. — На груз. яз.

Жилко Ф. Т. Вопросы анализа языка художественных произведений. — «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 5, стр. 21—31. — На укр. яз.

Задачи советской филологической науки в свете решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза [передовая]. — «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 6, стр. 500—508.

Зусмановская Э. А. Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин и вопросы языка. — I, 13, стр. 3—7.

Иванов П. И. Взаимоотношение языка и мышления. — I, 13, стр. 8—10.

Каландаришвили Г. Взаимоотношение языка и мышления в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». — I, 12, стр. 7. — На груз. яз.

Кирюшин П. М. Единство языка и мышления в свете учения И. В. Сталина о языке. — «Известия АН ВССР», Минск, 1952, № 4, стр. 3—15.

Киссен И. А. Структурные особенности и внутренние законы развития языка. — I, 13, стр. 11—16.

Кобылянский Б. В. О внутренних законах развития языка. — «Українська мова в школі», Киев, № 5, стр. 3—11. — На укр. яз.

Корчагин А. А. Суждение и предложение в свете сталинского учения о единстве мышления и языка. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Косма Т. В. Некоторые вопросы связи мышления и языка в свете трудов И. В. Сталина о марксизме в языкознании и учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. — «Наукові записки [Наук.-дослід. ін-ту психології]», т. 3, Киев, 1952, стр. 137—152. — На укр. яз.

Левковская К. А. О словообразовании и его отношении к грамматике. [На материале нем. языка.] — I, 1, стр. 153—181.

Ломтагидзе К. В. О закономерностях исторического развития языка. — I, 1, стр. 56—67.

Ломтев Т. П. О внутренних законах развития языка. — I, 3, стр. 225—253.

Мажулис В. Вопрос о родственных языках. [В свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.] — «Тарибине мокикла», Вильнюс, 1952, № 11, стр. 33—40. — На литов. яз.

Маковельский А. Учение о взаимоотношении языка и мышления в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. — В кн: «Труды И. В. Сталина по языкознанию и вопросы азербайджанского языкознания», Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1952, стр. 19—28.

Мельничук А. С. Понятие предложения в советском языкознании. Автореферат канд. дисс. — Киев, 1952, 19 стр. (Ин-т языкознания им. А. А. Потебни АН УССР.)

Мельничук А. С. Происхождение языка в освещении классиков марксизма-ленинизма. — Киев, «Рад. школа», 1952, 48 стр. — На укр. яз.

Назарова Х. Н. Учение И. В. Сталина об образовании и развитии национальных языков. — I, 13, стр. 17—20. — На узб. яз.

Попов П. С. Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики. — I, 3, стр. 153—172.

Поспелов Н. С. Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка. Стеногр. публ. лекции... — М., «Знание», 1952. 23 стр. (Всесоюз. о-во по распростран. полит. и науч. знаний. Серия 1. № 90)

Расторгуева В. С. Об устойчивости морфологической системы языка. (По материалам сев. тадж. говоров.)— I, 1, стр. 225—236.

Реформатский А. А. К проблеме фонемы и фонологии. [По поводу статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»].— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 5, стр. 469—473.

Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 6, стр. 12—22.

Рустамов Р. О скрещивании языков.— «Азәрбайжан мәктәби», Баку, 1952, № 3, стр. 59—64.— На азерб. яз.

Рустамов Р. Учение И. В. Сталина о скрещивании языков.— «Известия АН Азерб. ССР», Баку, 1952, № 9, стр. 3—12.— На азерб. яз.

Сарнацкая О. Я. Общие сведения о языке в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Лекция для заочников пед. училищ.— Киев, «Рад. школа», 1952, 40 стр. с илл. (Науч.-метод. кабинет заоч. пед. образования Мин-ва просв. УССР.)— На укр. яз.

Серебренников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка.— I, 1, стр. 204—224.

Серебренников Б. А. Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение языковых семей.— I, 3, стр. 202—224.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова».)— I, 1, стр. 182—203.

Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод в языкознании как специальный прием лингвистического исследования.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 6, стр. 7—11.

Советское языкознание на подъеме [передовая].— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 3—8.

Соколов В. С. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 15 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР).

Сорокина Л. Н. К вопросу о фонеме. (Очерк развития учения о фонеме в отечественном языкознании.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 12 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Спиркин А. Г. Проблема фонемы и ленинская теория отражения. [По поводу статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»].— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 5, стр. 474—479.

Степанов Г. В. Об общенародном характере литературного языка.— I, 19, стр. 5—20.

Сухотин В. П. Почетные задачи работников языкознания.— «Мах дуг», Дзауджикау, 1952, № 6, стр. 41—52.— На осет. яз.

Томашевский Б. В. Язык и стиль. Стевогр. публ. лекции.— Л., 1952, 32 стр. (Ленингр. отд-ние Всесоюз. о-ва по распростран. полит. и науч. знаний.)

Хачикян Л. О некоторых ошибках Н. Я. Марра в области армянской филологии.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 8, стр. 23—40.— На арм. яз.

Челидзе М. Роль языка в процессе познания в свете учения И. В. Сталина.— I, 12, стр. 13—14.— На груз. яз.

✓ Чикобава А. С. Введение в языкознание. [Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов.] Ч. I.— М., Учпедгиз, 1952, 244 стр.

✓ Чикобава А. С. Введение в языкознание. [Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов.]— Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1952, XVI, 402 стр. с илл.— На груз. яз. Оглавл. на груз. и рус. яз.

Чикобава А. С. О задачах и основных проблемах советского языкознания в свете сталинского учения о языке. [Тезисы доклада.]— I, 3, стр. 63—69.

Чикобава А. С. Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке.— I, 1, стр. 22—39.

Шарадзенидзе Т. С. Понятие «союза языков» и его отношение к понятию «семьи языков» в свете сталинского учения о языке.— I, 15, стр. 17—21 и 47—51.— На груз. и рус. яз.

Шарадзенидзе Т. С. Родство языков и вопрос об историзме в области изучения конкретных языков.— В кн.: «Сессия [АН Груз. ССР], посв. памяти акад. С. Н. Джанашиа. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952, стр. 22—24 и 44—46.— На груз. и рус. яз.

Шаумян С. К. Проблема фонемы. [С примеч. ред.]— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 4, стр. 324—343.

Шемякин Ф. Н. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— В кн.: «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 291—331.

Янко-Триницкая Н. А. О словарном составе и основном словарном фонде.— I, 20, стр. 85—110.

Ярцева В. Н. К вопросу об историческом развитии системы языка.— I, 1, стр. 68—98.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ

Абзианидзе Г. Некоторые вопросы грузинского литературного языка в свете учения И. В. Сталина. — I, 11, стр. 7—8. — На груз. яз.

Абитов М. Л. О некоторых ошибках вульгарно-материалистического и фактического порядка в разработке кабардинского языка. — «Ученые записки [Кабард. науч.-исслед. ин-та при Совете министров Кабард. АССР]», т. VII, Нальчик, 1952, стр. 145—157.

Авакян М. В. Язык и стиль произведений Н. Заряна. Автореферат канд. дисс. — Ереван, 1952. 30 стр. (Ин-т языка АН Арм. ССР.)

Аврорин В. А. Литературные языки народов Севера и местные диалекты. — I, 14, стр. 20—28.

Агеева Н. И. Пронаминальные наречия в немецком языке. (Исторический экскурс.) — «Ученые записки [Томск. гос. пед. ин-та]», т. IX, Томск, 1952, стр. 212—228. — Библиогр.: стр. 227—228.

Аддиванкин С. Ю. Отчет о диалектологической экспедиции Балашовского учительского института. [Август 1948 г.] — I, 21, стр. 155—158.

Азери А. И. Учебник персидского языка. [Для I и II курсов вост. фак. (Азерб. ун-та).] — Баку, Изд-во АГУ, 1952. 367 стр. (Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова.)

Азизова А. Г. Условный период в современном узбекском литературном языке. Автореферат канд. дисс. — Л., 1952. 14 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Айрапетян Г. Е. Язык и стиль стихотворений Ванна Теряна. Автореферат канд. дисс. — Ереван, 1952. 20 стр. (Ереван. гос. ун-т им. В. М. Молотова.)

Алибейзаде Э. К. Вопросы о сопротивляемости азербайджанского языка насильственной ассимиляции. — «Ишгилаб во мәдэнийот, Баку, 1952: № 7, стр. 142—154; № 10, стр. 120—143. — На азерб. яз.

Амусин И. Д. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Селтуагинты. — «Вестник древней истории», М., 1952, № 3, стр. 46—67.

Андреевская О. О. Смысловые факторы порядка слов в предложении. — I, 10, стр. 77—83. — На укр. яз.

Анисимова З. Н. Фразеологические единицы типа «прилагательное + существительное» в современном английском языке. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 22 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Антошин Н. С. Народный юмор и народная этимология в произведениях Н. С. Лескова. — «Научные записки [Ужгород. гос. ун-та]», т. VI, Историко-филологическая серия, Ужгород, 1952, стр. 25—36.

Аракелян Н. Изменения в словарном составе русского языка в советскую эпоху. — В кн.: «Сборник студ. науч. трудов [Ереван. гос. ун-та им. В. М. Молотова]», № 6, Ереван, 1952, стр. 95—109. — Резюме на арм. яз.

✓ **Аристе П.** [А.] Наречия прибалтийско-финских языков. — В кн.: «Научные труды, посв. 150-летию Тартус. гос. ун-та. 1802—1952», Таллин, 1952, стр. 99—124. — На эстон. яз. Резюме на рус. яз. — Библиогр.: стр. 123.

• **Аристе П.** [А.] О древнейших языковых связях между славянскими и прибалтийскими языками. — «Лооминг», Таллин, 1952, № 6, стр. 698—706. — На эстон. яз.

Арциховский А. В. Раскопки 1952 года в Новгороде. — «Вестник АН СССР», [М.], 1952, № 12, стр. 45—57.

Аскарлова М. Объем и содержание вузовского курса современного узбекского языка. — I, 13, стр. 41—42.

Ачарян Г. Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 1. — Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1952. 495 стр. (Ин-т языка.) — На арм. яз.

Багмут И. А. Значение перевода трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина для развития украинского литературного языка. — I, 10, стр. 31—59. — На укр. яз.

Багмут И. А. Украинский перевод трудов классиков марксизма-ленинизма как источник обогащения современного украинского литературного языка. — «Вісник АН УРСР», Киев, 1952, № 1, стр. 13—23.

Базыленко А. М. Роль Якуба Коласа в развитии белорусского литературного языка. [Доклад на сессии АН БССР, посв. 70-летию со дня рождения Я. Коласа. 11 ноября 1952 г.] — «Известия АН БССР», Минск, 1952, № 6, стр. 29—38.

Базыленко А. М. Устойчивые словосочетания в языке Якуба Коласа. Автореферат канд. дисс. — Минск, 1952. 19 стр. (Ин-т языкознания АН БССР.)

Байкин В. С. Ударение в формах имен существительных в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Бакинова Г. Материалы по говору киргизского языка Октябрьского района [Джалал-Абадской области Киргизской ССР]. — «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. III, Фрунзе, Изд-во КиргизФАН СССР, 1952, стр. 49—67. — На кирг. яз.

Балакаев М. Б. Вопросы назахской графики и орфографии. (Сокращенный вариант доклада, выносившего на обсуждение дискуссии по некоторым

вопросам казахского языкознания.) — Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1952. 22 стр. (Ин-т языка и лит-ры.)

Б а л а к а е в М. Б. Некоторые вопросы словосочетания в казахском языке. — «Вестник АН Казах. ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 38—60. — На казах. яз.

Б а л и а ш в и л и О. К. Вопрос о категории состояния в русском языке. Автореферат канд. дисс. — Тбилиси, 1952. 16 стр. (Тбил. гос. пед. ин-т им. А. С. Пушкина.)

Б а л и а ш в и л и О. К. К истории предикативного употребления имен прилагательных в русском языке. — «Труды Тбил. гос. пед. ин-та, им. А. С. Пушкина», т. IX, Тбилиси, 1952, стр. 39—56. — Резюме на груз. яз.

Б а л к а р о в Б. Х. Некоторые особенности бесленевского диалекта кабардинского языка. — I, 16, стр. 218—230.

Б а р а н н и к о в а Л. И. Диалектологическая работа в Саратове. — I, 21, стр. 5—22, с карт.

Б а р а н н и к о в а Л. И. Отчет о диалектологической экспедиции Саратовского гос. ун-та и Саратовского гос. пед. ин-та в заволжские районы Саратовской области. [Лето 1948 г.] — I, 21, стр. 135—153. Прил.: Список пунктов Саратов. обл., обслед. диалектолог. экспедициями...

Б а р з и л о в и ч А. М. Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореферат канд. дисс. — Киев, 1952. 15 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Б а р х у д а р о в С. Г. Состояние и задачи научной и практической работы в области языков народов Севера. — I, 14, стр. 3—12.

Б а с к а к о в Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. 1. Части речи и словообразование. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 544 стр. (Ин-т языкознания.) — Библиогр.: стр. 527—532 и в подстроч. примеч.

Б а с к а к о в Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — I, 16, стр. 7—57. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Б а т м а н о в И. А. Вопросы формирования киргизского литературного языка. — «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. III, Фрунзе, Изд-во КиргизФАН СССР, 1952, стр. 5—17.

Б а т м а н о в И. А. Вопросы формирования киргизского литературного языка. — «Мугалимдерге жардам», Фрунзе, 1952, № 6, стр. 13—22. — На кирг. яз.

Б а х С. А. Структура союзного сложно-подчиненного предложения в прозе М. Ю. Лермонтова. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 11 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Б а х и л и н а Н. Б. Мещерские говоры на территории Пензенской области. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Б е л е ц к и й А. Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития классической филологии. — I, 10, стр. 5—20. — На укр. яз.

Б е л о д е д И. К. Могучий источник обогащения украинского литературного языка. (Некоторые вопросы перевода трудов В. И. Ленина и трудов И. В. Сталина на украинский язык.) — I, 6, стр. 19—29. — На укр. яз.

Б е л о с т о ц к а я О. М. и М а з у р с к а я Е. Ю. Учебник немецкого языка. Для высш. учеб. заведений заоч. обучения. Ч. I. 4-е изд. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 368 стр.

Б е н д и к с Г. «Петербургская газета» в борьбе за развитие словарного фонда латышского литературного языка. [I. Латышские неологизмы. II. Заимствования. III. Диалектизмы. IV. Архаизмы.] — «Karoņš», Rīga, 1952: № 10, стр. 1132—1145; № 11, стр. 1284—1295. — На латыш. яз.

Б е р н ш т а м А. Н. Уйгурская надпись из Эрши (Фергана). — В кн.: «Эпиграфика Востока», VI. М.—Л., 1952, стр. 101—105.

Б и г у л а е в Б. В. Краткая история осетинского письма. — Дзауджикау, Госиздат Сев.-Осет. АССР, 1952. 78 стр. — Библиогр.: стр. 75—76.

Б и н о в и ч Л. О многозначности идиом [в немецком языке]. — «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 29—36.

Б о г д а н о в а В. А. К характеристике говора села Натальино (Обрезкино) Дергачевского района Саратовской области. — I, 21, стр. 63—80.

Б о г о л е п о в П. К. Язык поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». — М., Учпедгиз, 1952. 143 стр. (Опыт передового учителя.)

Б о й ч у к М. К. Старославянский язык. Неизменяемые части речи (наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия). Лекция для студентов-заочников фактов языка и лит-ры пед. и учит. ин-тов. — Киев, «Рад. школа», 1952. 32 стр. (Науч.-метод. кабинет заоч. пед. образования Мин-ва просв. УССР.) — На укр. яз.

Б о к а р е в Е. А. Гинухский язык. (Предварительное сообщение.) — I, 16, стр. 193—204.

Б о к а р е в Е. А. Склонение в языках цезской (дидойской) группы. — I, 15, стр. 52—53.

Б о л д ы р е в В. К. К характеристике военной лексики и терминологии военных документов современного Ирана. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 18 стр. (Военный ин-т иностр. языков.)

Борковский В. И. Основные вопросы исторического синтаксиса русского языка.— I, 1, стр. 260—285.

Боровков А. К. Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— I, 17, стр. 126—146.

Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков.— I, 17, стр. 165—200.

Боровский Я. М. О термине *natura* у Лукреция.— I, 19, стр. 223—238.

Бочкаева А. Местные падежи в мордовском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 14 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. I. [Для филол. фак-тов ун-тов и фак-тов языка и лит-ры пед. ин-тов УССР.] 5-е переизд.— Киев, «Рад. школа», 1952. 447 стр.— Библиогр. в конце глав.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторические комментарии к украинскому ударению.— I, 10, стр. 61—76.— На укр. яз.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков в свете высказываний И. В. Сталина.— I, 1, стр. 237—259.

Булыгина-Шейнкерман А. М. Язык «Сети веры» Петра Хельчицкого. (Из истории чешского языка XV века.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Бунина И. К. Говор ольшанских болгар [Ольшанск. р-на Одесск. обл. УССР]. [Реферат диссертации].— I, 5, стр. 49—58.

Ваганян Г. О. Стилистические особенности советской армянской лирики. Автореферат канд. дисс.— Ереван, 1952. 28 стр. (Ереван. гос. ун-т им. В. М. Мологова.)

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Перевод с франц. В. В. Бородин. Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова.— М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 447 стр.— Библиогр. во введении: стр. 19—25.

Варварова О. Н. Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952 [вып. дан. 1953]. 20 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Вард Д. А. К изучению основного словарного фонда английского языка. Исследование группы английских слов, связанных с распространением грамотности и школьного образования. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 12 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Василенко И. А. Из истории разработки сложносочиненного предло-

жения в русской грамматике.— I, 20, стр. 58—84.

Васильева И. Г. Взаимоотношения предлогов и совпадающих с ними обстоятельственных наречий в современном датском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Вахабов М. Г. Некоторые вопросы истории образования узбекской социалистической нации в свете ленинско-сталинской теории о нациях. [В порядке обсуждения.]— «Известия АН УзССР», Ташкент, 1952, № 5, стр. 9—21.

Вачнадзе С. М. Некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка.— «Труды Тбил. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина», т. IX, Тбилиси, 1952, стр. 3—20.— Резюме на груз. яз.

Ващенко В. С. Составление словаря языка Шевченко. (Проект.) [Печатается в дискуссионном порядке.]— I, 6, стр. 40—54.— На укр. яз.

Введенская Л. А. Лексика драмы «Любовь Яровая» К. А. Тренева. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 10 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Введенский Д. Н. Язык и стиль научно-исторической прозы А. С. Пушкина. Автореферат докт. дисс.— М., 1952. 27 стр. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина.)

Велиев А. Г. Говоры западных районов Ашшеронского полуострова. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Вердян Б. А. Вопросы морфологии в грамматической системе проф. Манука Абеяна. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 24 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Веселовская З. М. Из истории украинского ударения. (Об ударении прилагательных.)— «Ученые записки [Харьк. ун-та]», т. XLV, Труды филол. фак-та, т. 2, 1952, стр. 47—58.— На укр. яз.

Вокруг вопросов развития современного армянского языка. [Ред. статья по поводу статей Д. Димирчяна, Г. Севака и В. Набаддяна (см. журн. «Советакан граканутюн ев арвест», 1952, №№ 5, 7 и 9).]— «Советакан граканутюн ев арвест», Ереван, 1952, № 10, стр. 118—126.— На арм. яз.

Волков А. Г. Классы глаголов древнерусского языка старшей поры (XI—XIV вв.) в их отношении к словообразованию. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 15 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Волостнова М. Б. Работа отдела транскрипции Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии. [О единой транскрипции геогр. названий.]—

В. кн.: «Сборник статей по картографии [Главн. упр-ния геодезии и картографии при Совете Министров СССР]», вып. 2, М., 1952, стр. 37—41.

Вольф Е. Ю. Место обстоятельности в предложении. (К вопросу о порядке слов в современном французском языке.) Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 24 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)—Отпеч. множит. аппаратом.

Востокова Н. С. Форма превосходной степени прилагательного с суффиксом *-ийш-* (*-айш-*) в [русском] литературном языке XVIII в. Автореферат канд. дисс.—Горький, 1952. 15 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Гагкаев К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. — Дзауджикау, Госиздат Сев.-Осет. АССР, 1952. 116 стр.

Гаджиева Н. З. Типы придаточных предложений в современном азербайджанском литературном языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 23 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Гак В. Г. Прилагольные личные местоимения в современном французском языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 23 стр. (Военный ин-т иностр. языков.)

Ган Л. К. О членах предложения в современном английском языке (на материале «сложного дополнения»). Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)—Стеклограф. изд.

Гаприндашвили Ш. Г. К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка.— I, 15, стр. 22—24 и 55—57.— На груз. и рус. яз.

Гаприндашвили Ш. К вопросу о месте ксанской речи среди говоров грузинского языка.— I, 8, стр. 5—11.— На груз. яз.

Гарибян А. К классификации армянских диалектов.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 8, стр. 41—58.— На арм. яз. Резюме на рус. яз.

Гарибян Дж. О специфических словах и выражениях куческой речи в драматургии А. Н. Островского.— В кн.: «Сборник студ. науч. трудов [Ереван. гос. ун-та им. В. М. Мологова]», № 6, Ереван, 1952, стр. 111—131.— Резюме на арм. яз.

Гачечиладзе Р. М. Способы выражения контакта в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.—Тбилиси, 1952. 20 стр. (Тбил. гос. ун-т им. Сталина.)

Гвахариа В. А. Зексигальная и децимальная системы счета в некоторых древних письменностях народов передней Азии.— I, 15, стр. 25 и 58.— На груз. и рус. яз.

Георгиев В. О происхождении этрусков.— «Вестник древней истории», М., 1952, № 4, стр. 133—141.

Георгиу М. Я. Учебник французского языка. Ч. I. 3-е изд.—М., Внешторгиздат, 1951. 420 стр. с илл.

Гигинейшвили И. М., Кизириа А. И. и Мартиросов А. Г. К вопросу о периодизации истории развития грузинского литературного языка в свете учения И. В. Сталина о языке.— I, 15, стр. 9—11 и 39—41.— На груз. и рус. яз.

Глазырина Э. В. Словарный состав говора Полевского района Свердловской области. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Глonti А. К вопросу о некоторых синтаксических явлениях в нижнеканском [диалекте грузинского языка].— I, 8, стр. 12—16.— На груз. яз.

Глотова И. П. Процесс утраты южнорусских особенностей местными говорами в результате растворения их в национальном русском языке. (На материале говоров Федоровского р-на Саратов. обл.) Автореферат канд. дисс.—Саратов, 1952. 16 стр. (Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского.)

Глотова И. П. Фонетическая система говора с. Липовки Духовницкого района Саратовской области.— I, 21, стр. 81—101.

Головатова А. Е. Основной словарный состав и словарный фонд французского языка.— В кн.: «Бюллетень научной студенческой конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1952, стр. 27—28.— На укр. яз.

Голубева Е. Л. Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Голубева Н. А. Проблема *passé simple* в современном французском языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 23 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)

Гомонов И. Т. Предлоги и предложные сочетания в прозе А. С. Пушкина. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 16 стр. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.)

Горбунова А. А. Описание Уральской грамоты XVII века. (Исследования языка.) Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Горелик П. А. Словарные элементы стиля публицистической прозы Гейше. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 21 стр.— (1-й Ленингр. гос. пед. ин-т иностр. языков.)—Стеклограф. изд.

Горецкий П. И. К истокам украинской лексикографии.— I, 6, стр. 30—39.— На укр. яз.

Городникова М. Д. К вопросу об устойчивых словосочетаниях в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР.)

Григорьев А. Л. Болгарские писатели в борьбе против туркизмов. (Из истории сопротивления языка насильственной ассимиляции.)— I, 19, стр. 149—172.

Груздева С. И. О связи слов в предложении.— I, 19, стр. 37—51.

Грунина Э. А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 19 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Гузупова Е. А. Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 24 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Гумецкая Л. Л. К вопросу о переводе польских отглагольных существительных в польско-украинском словаре.— I, 6, стр. 55—57.— На укр. яз.

Гумилевская О. А. Эллиптические обороты в английском предложении.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 18—28.

Гурычева М. К вопросу о взаимоотношении основного словарного фонда и словарного состава во французском языке.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 9—17.

Гусейнов А. А. Говоры [азербайджанского языка] Варташенского района [Азерб. ССР]. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Гюльбудагян С. В. Язык и стиль армянской литературы, отображающей армянскую деревню. Автореферат канд. дисс.— Ереван, 1952. 24 стр. (Ереван. гос. ун-т им. В. М. Молотова.)

Дамдинсүрэн Ц. О принципах новой монгольской орфографии.— «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», II, М., 1952, стр. 31—37.

Даниленко В. П. Суффиксальное образование прилагательных от основ имен существительных в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 14 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Дарбеева А. А. Определение в бурят-монгольском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР.)

Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов.— Сухуми, Абгиз, 1952. 12 стр.

Демирчизаде А. М. Высказывания Джафара Джабарлы о языке. [Азерб. драматург. 1898—1934 гг.]—

Ингилаб ве мэдэишят», Баку, 1952, № 8, стр. 136—153.— На азерб. яз.

Дератаган Н. Ф. Проблемы изучения языка «производителей материальных благ» в древнем Риме в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания.— «Вестник древней истории», М., 1952, № 4, стр. 129—133.

Десницкая А. В. О влиянии «нового учения» о языке на исследование вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков.— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 4, стр. 305—323.

Дешериев Ю. Д. О некоторых особенностях применения сравнительно-исторического метода в иберийско-кавказских языках.— I, 15, стр. 63—71.

Дешериев Ю. Д. Система грамматических классов в баббийском языке.— I, 16, стр. 205—217.

Джаджанидзе П. П. Образование глагольных форм I серии в древнегрузинском [языке] по тексту книг Нового завета. Автореферат канд. дисс.— Кутаиси, 1952. 16 стр. (Тбил. гос. ун-т им. И. В. Сталина.)

Джангиров М. Лексика и грамматические особенности поэзии Джафара Джабарлы. Автореферат канд. дисс.— Баку, 1952. 19 стр. (Ин-т лит-ры и языка им. Низами АН Азерб. ССР.)

Джуманиязов Р. Н. Плодотворное влияние русского языка на развитие узбекского национального языка. (В аспекте лексики.)— I, 13, стр. 28—30.

Дзэндзелевский И. О. Тиса или Тиса?— I, 6, стр. 63—66.— На укр. яз.

Дзидзигури Ш. В. Яков Гегебашвили и грузинский общенародный язык. Стеногр. публ. лекции. Тбилиси, 1952. 32 стр. (О-во по распростран. полит. и науч. знаний Груз. ССР.)— На груз. яз.

Дикущина О. И. Фонетика английского языка. [Учеб. пособие для высш. учеб. заведений иностр. языков.]— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 351 стр. с илл.— Библиогр.: стр. 344—346.

Дмитриев Н. К., Чистяков В. М. и Бакеева Н. З. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе.— М., Учпедгиз, 1952. 246 стр.

Дмитриева Н. С. Строение простого предложения в стихотворной речи М. В. Исаковского. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Доватур А. И. Научный и фольклорный стиль у Геродота. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 14 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Долганов Л. Н. Пути развития идиоматики в современном турецком

языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ин-т востоковедения.)

Дубровина З. М. К вопросу о послелогах финского языка (послеложные имена).— I, 7, стр. 30—33.

Дубровина З. М. Послелогии и предлоги в современном финском литературном языке. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 22 стр. (Ин-т. языкознания АН СССР.)

Дугар-Жабон Д. Д. Бурят-монгольский язык. Учебник для пед. училищ. Ч. 1. Лексика, фонетика и морфология. 2-е испр. и доп. изд.— Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1952. 176 стр.— На бур.-монг. яз.

Дулзон А. П. Чулымские татары и их язык.— «Ученые записки [Томск. гос. пед. ин-та]», т. IX, Томск, 1952, стр. 76—211, илл. на 20-ти табл., 1 л. карта.— Библиогр. в подстроч. примеч.

Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике. II.— В кн.: «Эпиграфика Востока», VI, М.—Л., 1952, стр. 106—112. [См. начало в кн.: «Эпиграфика Востока», IV, М.—Л., 1951, стр. 102—116.]

Езерская М. Ю. Наблюдения над глагольной лексикой «Повести о детстве» Ф. В. Гладкова. [Автореферат доклада.]— В кн.: «Бюллетень научной студенческой конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1952, стр. 22—23.

Ермеков А. К. проблеме «диалектов» в казахском языке.— «Халық мұғалімі», Алма-Ата, 1952, № 4, стр. 73—80.— На казах. яз.

Ефимов А. И. Об изучении языка художественных произведений.— М., Учпедгиз, 1952. 144 стр.

Ефремов А. Ф. Бслинский и русский литературный язык.— «Ученые записки Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XXXI, вып. филологический, Саратов, 1952, стр. 205—229.

Ефремов А. Ф. Значение Н. В. Гоголя в истории развития русского литературного языка.— «Лит. Саратов», кн. 16, Саратов, 1952, стр. 93—99.

Ефремов А. Ф. Процесс развития русского литературного языка в понимании Белинского.— «Ученые записки Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XXXI, вып. филологический, Саратов, 1952, стр. 277—299.

Жгенти Б. Грузинская советская литература в борьбе за укрепление и развитие современного народного и национального языка [в свете учения И. В. Сталина о языке].— I, 11, стр. 8—10.— На груз. яз.

Жданов Н. А. Придаточные уступительные предложения.— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 27—35.

Жилко Ф. Т. Диалектологический атлас украинского языка. (Про-

спект.)— Киев, Изд-во АН УССР, 1952. 40 стр. (Ин-т языкознания им. А. А. Потебни.)— Библиогр.: стр. 26—27.— На укр. яз.

За новый подъем языковедческой работы в Таджикистане на основе сталинского учения о языке [передовая].— I, 4, стр. 3—7.

Заводова Р. Имя прилагательное в мордовских языках. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 12 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Заводова Р. А. Система частей речи в мордовских языках.— I, 9, стр. 23—29.

Зарьян Н. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и некоторые вопросы [армянского] литературного языка.— «Советакан ցраканутюн ев арвест», Ереван, 1952, № 6, стр. 108—120.— На арм. яз.

Зелинский К. О языке и стиле романа [А. А. Фадеева] «Молодая гвардия».— «Дальний Восток», Хабаровск, 1952, № 3, стр. 137—149.

Зелинский К. Л. Язык и стиль романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия».— «Ученые записки Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького», т. I, М., 1952, стр. 106—154.

Земская Е. А. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 23 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Зуева В. И. К вопросу о стилистическом использовании многозначности и омонимии в языке художественной литературы. (На материале английской и американской худож. литературы.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 21 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)— Стеклограф. изд.

Иванчикова Е. А. Бессоюзное сложное предложение в языке русских народных сказок (по записям А. А. Шахматова). [Опублик. в сборнике Н. Е. Овчукова «Северные сказки», СПб., 1908, стр. 201—354.]— I, 7, стр. 17—21.

Иванова С. Ю. Говор таджиков города Пенджикента. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 12 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Иванова-Янковская Е. А. Страдательные обороты в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 19 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Иванова-Янковская Е. А. Творительный производитель действия в страдательных оборотах современного русского литературного языка.— I, 7, стр. 34—37.

Ильин Д. Д. Опыт анализа языка и стиля лирических стихотворений [Ф. И. Тютчева и М. Исаковского].— «Труды Среднеазиат. ун-та», вып. 34, Филол. науки, кн. 2, 1952, стр. 55—67.

Ильин О. Заметки о языке стихов [саратовских поэтов: В. Богатырева, Б. Озерного, В. Тимохина, И. Тобольского].—«Лит. Саратов», кн. 17, Саратов, 1952, стр. 86—117.

Ильинов В. Г. Своеобразие пореволюционных поэм Маяковского. [О художественных, жанровых и языковых особенностях поэм: «150 000 000», «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».] Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. [Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б).]

Ильинская И. С. и Сидоров В. Н. Современное русское правописание.—I, 20, стр. 3—40.

Ионенко И. М. Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка. [С примеч. ред.].—«Вопросы истории», М., 1952, № 7, стр. 89—100.

Исенгалиева В. А. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Автореферат канд. дисс.—Алма-Ата, 1952. 25 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Казах. ССР.)

Искольская Е. Г. Видовые обороты в современном шведском языке. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 19 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Исламова Ф. Г. Типы синтаксической связи слов в башкирском простом предложении и методика их преподавания в V—VI классах башкирской школы. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Науч.-исслед. ин-т методов обучения АПН РСФСР.)

К итогам дискуссии по некоторым вопросам казахского языкознания.—Авт.: Н. Т. Сауранбаев и др.—«Вестник АН Казах. ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 24—37.

Кавтарадзе И. И. Из истории совершенствования грамматического строя древнегрузинского языка.—I, 15, стр. 30—31 и 72—73.—На груз. и рус. яз.

Кагановская Р. М. Лингвостилистические особенности стихотворения А. М. Горького «Песня о Соколе».—«Русский язык в школе», [М.], 1952, № 5, стр. 16—24.

Каждая О. Некоторые фонетические особенности мохевийского диалекта [грузинского языка].—I, 8, стр. 17—19.—На груз. яз.

Казарян С. К. Роль русского языка в обогащении и развитии современного армянского языка. Автореферат докт. дисс.—Ереван, 1952. 70 стр. (Ин-т языка АН Арм. ССР.)

Калинина И. К. Степени сравнения имен прилагательных, их употребление в современном русском языке и связанные с ними лексико-фразеологические обороты. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Калнынь Л. Э. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 15 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Калонтаров Я. И. Проблемы таджикской научной и общественно-политической терминологии в свете учения товарища Сталина о языке.—«Мақтаби совети», Сталинабад, 1952, № 7, стр. 34—42.—На тадж. яз.

Калонтаров Я. И. Развитие таджикской лексикологии в свете учения И. В. Сталина о языке.—I, 4, стр. 27—36.

Камалов Ф. К. Вопросы словарного состава и основного словарного фонда узбекского языка.—«Совет мактаби», Ташкент, 1952, № 3, стр. 28—39.—На узб. яз.

Камалов Ф. К. О некоторых вопросах узбекской орфографии.—«Известия АН УзССР», Ташкент, 1952, № 4, стр. 16—30.—Резюме на узб. яз.

Камалов Ф. К. Пути развития общенационального современного узбекского литературного языка.—I, 13, стр. 21—23.

Капанцян Гр. О взаимоотношении армянского и лазо-мергельского языков.—[Ереван], Изд-во АН Арм. ССР, 1952. 50 стр. (Ин-т языка.)

Капанцян Гр. О внутренних закономерностях развития армянского языка.—Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1952. 47 стр. (Ин-т языка.)

Карклинъ Ю. Ю. Главные типы односоставных предложений в современном латышском литературном языке. Автореферат канд. дисс.—Рига, 1952. 26 стр.

Карлович О. М. Словарный состав произведений Бальзака «Гобсек», «Шагреневая кожа», «Евгения Гранде», «Отец Горию», «Утраченные иллюзии» и особенности словоупотребления в них. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. Потемкина.)

Карпов К. Б. Интонация простого повествовательного предложения в немецком языке (на материале предложений с рамочной конструкцией при прямом порядке слов). Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 30 стр.

Карпов Н. П. Система фонем испанского языка. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 20 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Касаткин А. А. Новые слова русского происхождения в итальянском языке.—I, 19, стр. 173—186.

Каск А. Некоторые черты образования эстонского национального языка.—В кн.: «Науч. труды, посв. 150-летию Тартус. гос. ун-та. 1802—1952», Таллин, 1952, стр. 26—42.—На эстон. яз. Резюме на рус. яз.—Библиогр.: стр. 39—40.

Каск А. Х. Труды товарища Сталина о языке и задачи эстонской лингвистики.— «Известия АН Эстон. ССР», Таллин, 1952, № 2, стр. 39—47.— На эстон. яз. Резюме на рус. яз.

Кенчовили А. Язык и стиль художественной прозы Ильи Чавчавадзе в свете сталинского учения о языке.— I, 11, стр. 13.— На груз. яз.

Кириченко И. М. Задачи советского языкознания в области украинской лексикографии.— I, 6, стр. 9—18.— На укр. яз.

Клименко Е. И. Проблемы литературного языка у английских просветителей и Генри Филдинг.— «Вестник Ленингр. ун-та», Л., 1952, № 5, стр. 39—52.

Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки. [С примеч. ред.] — «Сов. этнография», М., 1952, № 3, стр. 100—118.

Кодухов В. И. К вопросу о положительном члене в русском языке.— I, 7, стр. 26—29.

Козырева Т. З. О некоторых вопросах орфографии осетинского языка.— «Мах дуг», Дзауджикау, 1952, № 3, стр. 55—64.— На осетин. яз.

Кока А. А. Беспредложные и предложные надежные конструкции с временным значением в современном русском литературном языке. (К вопросу синтаксической синонимии.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Кокочина М. П. Соотношение национального немецкого языка и территориальных диалектов в лексическом плане. (По материалам XVII века.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 13 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Н. А. Колегова, М. А. Сахарова, Ф. В. Шадрин. Коми грамматика. Ч. I. Фонетика и морфология. Учебник для пед. училищ.— Сыктывкар, Коми гос. изд-во, 1952. 168 стр.

Коломиец В. Т. Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX в. [Реферат диссертации.]— I, 5, стр. 67—74.

Колпакчи Е. М. Винительный падеж в современном японском языке.— I, 17, стр. 201—229.

Колыденко М. Н. Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков.— I, 9, стр. 8—16.

Кононов А. Н. Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— I, 17, стр. 147—164.

Конрад Н. И. О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— I, 17, стр. 5—29.

Константинова О. А. О диалектной основе звенкийского литературного языка.— I, 14, стр. 29—33.

Коробчинская Л. А. Детальный самостоятельный в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г.— I, 2, стр. 19—21.

Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия.— «Вестник Ленингр. ун-та», Л., 1952, № 8, стр. 95—123.

Коршунов С. И. Синонимы в технической терминологии.— «Известия АН СССР. Отд-ние техн. наук», М., 1952, № 10, стр. 1520—1526.— Библиогр.: 9 назв.

Котков С. И. К изучению орловских говоров.— Орел, «Орлов. правда», 1952. 192 стр.; 1 л. карт. [«Ученые записки (Орлов. гос. пед. ин-та)». Т. 7. Кафедра рус. языка. Вып. 3.] — Библиогр.: стр. 8—9.

Котков С. И. К истории носителей курско-орловского диалекта.— «Орлов. альманах», кн. 4, Орел, 1952, стр. 157—163.

Крачковская В. А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье в IX в.— В кн.: «Эпиграфика Востока», VI, М.—Л., 1952, стр. 46—100.

Креммер Э. Л. Разработка вопросов русского языка в Грузии за тридцать лет. [Доклад на юбилейной сессии Тбил. гос. пед. ин-та в феврале 1951 г.] — «Труды Тбил. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина», т. IX, Тбилиси, 1952, стр. 21—37.— Резюме на груз. яз.

Криворучко С. М. Языково-стилистические особенности разговорной речи в произведениях Архипа Тесленко.— I, 2, стр. 23—25.— На укр. яз.

Кривчик В. Ф. Словарный состав белорусских переводных повестей второй половины XVI века. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 19 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Кротевиц Е. В. Словосочетание и его роль в предложении.— I, 2, стр. 13—17.

Крючков С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии.— М., Учпедгиз, 1952. 56 стр.— Библиогр.: стр. 54.

Кузнецов И. А. Неглагольные объектно-предикативные сочетания в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 26 л. (1-й Ленингр. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Отпеч. множит. аппаратом.

Кузнецова Н. Н. Основные лексические и грамматические вопросы перевода с русского языка на немецкий (на материале переводов М. Горького на немецкий язык). Автореферат

канд. дисс.—Л., 1952. 30 л.—Литограф. изд.

Кузнецова О. Д. Фонетико-морфологические особенности говоров по р. Б. Иргиз Куйбышевской области. Автореферат канд. дисс.—Куйбышев, 1952. 16 стр. (Куйбыш. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева.)

Кулаев Н. Об основном словарном фонде и словарном составе осетинского языка.—«Мах дуг», Дзауджикау, 1952, № 7, стр. 67—73.—На осет. яз.

Кязимов Ф. Система гласных фонем азербайджанского языка.—«Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 4, стр. 295—304.

Кязимова Р. О развитии азербайджанского литературного языка за советский период.—«Ингилаб вә мәдәнийәт», Баку, 1952, № 6, стр. 14—26.—На азерб. яз.

Лаврентьева Г. А. Связь классификаций, определений и терминов в технической терминологии.—«Известия АН СССР. Отд-ние техн. наук», М., 1952, № 7, стр. 1061—1076.—Библиогр.: 15 назв.

Лапоногова Т. Ф. и Лещинская В. М. Задачи и тематика научно-исследовательской работы в области иностранных языков в свете учения И. В. Сталина о языке.—I, 10, стр. 21—29.—На укр. яз.

Лебедев К. А. Внутренняя флексия в современном языке пшуту. (Чередование гласных.) Автореферат канд. дисс.—М., 1950. 10 стр. (Моск. ин-т востоковедения.)

Левин В. Заметки о языке художественной литературы.—«Октябрь», М., 1952, кн. 10, стр. 164—176.

Лесник М. Д. Об антонимичности прилагательных *большой*, *малый*, *маленький* и сфере их употребления в современном русском литературном языке.—I, 19, стр. 80—99.

Лещинская В. М. Модально-экспрессивное употребление времен глагола в русском и немецком языках и вопросы его перевода. Автореферат канд. дисс.—Киев, 1952. 17 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Лившиц В. А. Местоимения в афганском языке (панто). Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 24 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР.)

Липин Л. и Белов А. Глиняные книги. [Для средн. и старш. возраста]. Науч. ред. и предисл. В. В. Струве.—М.—Л., Детгиз, 1952. 300 стр., с илл. и карт.

Линко В. Работая над поэтическим переводом. [Вопросы методики перевода с узб. на рус. яз.]—«Звезда Востока», Ташкент, 1952, № 12, стр. 112—119.

Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы.—М.—Л., Изд-во АН

СССР, 1952. 240 стр. [Ин-т русской лит-ры (Пушкинский дом).]

Лозовой Л. Г. Выражение условности в современном литературном языке хинди. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Военный ин-т иностр. языков.)

Ломтатидзе К. В. Окаменелые экспоненты грамматических классов и суффиксы-детерминанты в именных основах абхазского языка.—В кн.: «Сессия [АН Груз. ССР], посв. памяти акад. С. Н. Джанашиа. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952, стр. 17 и 40.—На груз. и рус. яз.

Ломтатидзе К. В. Картвельские языки и их значение для научной истории иберийско-кавказских языков.—I, 15, стр. 26—29 и 59—62.—На груз. и рус. яз.

Лыгина Е. П. Стилистическое использование союзов «and» и «but» в присоединительных конструкциях в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 19 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)—Стеклограф. изд.

Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. [Отв. ред. и предисл. Б. А. Серебренникова].—М., Изд-во АН СССР, 1952. 175 стр. с илл. и карт.; 3 л. илл. (Ин-т языкознания.)

Лыткин В. И. К вопросу о вокализме пермских языков.—I, 16, стр. 58—106.—Библиогр. в подстроч. примеч.

Лыткин В. И. Об ударении в коми-пермяцком языке.—I, 16, стр. 107—119.

Магомедов А. А. О строе глагола в табасаранском языке.—I, 15, стр. 36 и 54.—На груз. и рус. яз.

Магруфов З. М. О грамматическом строе узбекского языка.—I, 13, стр. 26—27.

Макарова Г. И. Лексика поэм В. В. Маяковского. Автореферат канд. дисс.—Киев, 1952. 13 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Макарова С. Я. Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 20 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Малакшинов П. И. К вопросам сопоставительной фонетики русского и бурят-монгольского языков.—Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1952. 55 стр.

Манандян А. К вопросу о годе изобретения армянского алфавита.—«Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 7, стр. 41—57.—На арм. яз.

Мартынова С. А. Лексика писовых книг города Казани XVI—XVII вв.—I, 18, стр. 109—149.

Маскаев А. И. О принципах перевода с русского на мордовские (эрзя и мокша) языки.—I, 9, стр. 35—39.

Маслов Ю. С. О некоторых спорных вопросах нормативной грамматики, орфоэпии и орфографии болгарского литературного языка. — I, 5, стр. 28—46.

Маслова-Лашанская С. С. Из истории словарного состава и основного словарного фонда шведского языка. — I, 19, стр. 200—222.

Материалы для характеристики саратовских говоров. Тексты записей. — I, 21, стр. 159—190. — Прил.: Указатель к текстам.

Мегрелидзе И. О древних надписях Большого Лияхва и Ксанского ущелья. — I, 8, стр. 20—23. — На груз. яз.

Медведев Ф. П. Синонимические союзы подчинения в современном украинском языке (союз «что» и его синонимы). — «Ученые записки [Харьк. ун-та]», т. XLV. — Труды филол. фак-та, т. 2, Харьков, 1952, стр. 19—34. — На укр. яз.

Мейе А. Основные особенности германской группы языков. Перевод с 5-го франц. изд. Н. А. Сигал. Под ред., с предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 168 стр. Библиогр.: стр. 155—158.

Мейланова У. А. Употребление надежд в лезгинском языке. Автореферат канд. дисс. — М., 1952, 18 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Мельничук А. С. Словарь специфической лексики говора села Писаревки (Кадомского р-на Одесской области). — I, 6, стр. 67—98. — На укр. яз.

Меновщиков Г. А. Об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда эскимосского языка. (По материалам эскимос. диалектов.) — I, 1, стр. 430—460. — Библиогр.: 8 назв.

Мжельская О. С. Из наблюдений над лексикой некоторых говоров Архангельской области. — I, 19, стр. 100—128.

Мигирин В. «Относительные» придаточные предложения. — «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 7—12.

Микиртуни А. Я. Говоры русских переселенцев в Азербайджанской ССР. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 12 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Минина Н. М. Устойчивые и неустойчивые элементы древневерхнегерманской лексики (на материале памятника IX века «Отфрид»). Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 24 л. (1-й Моск. гос. ун-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Миц Т. М. Общественно-политическая лексика современного немецкого языка (1945—1952 гг.). Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 15 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Мирсагатов С. Т. Наречия русского и узбекском языках и методика

преподавания русских наречий в узбекской школе. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 14 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Мительман В. Б. Будущее время в языке древнегреческого эпоса. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 15 стр. (Ин-т. языкознания АН СССР.)

Михайлов М. М. Придаточные предложения с союзом «нока». — «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 13—20.

Михайлова В. С. Реализация русских звуков и звукосочетаний в казахском языке. Автореферат канд. дисс. — Алма-Ата, 1952. 16 стр. (Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова.)

Мкртчян А. М. Каринский диалект [армянского языка]. (Фонетика, морфология, словарь.) — Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1952. 190 стр. (Ин-т языка.) — На арм. яз.

Мозольков Е. Становление белоруского литературного языка и творчество Якуба Коласа. — «Дружба народов», М., 1952, № 3, стр. 267—276.

Моисеев А. И. Сочетания зависимого инфинитива с безлично-предикативными словами на -о в современном русском языке. — I, 7, стр. 38—40.

Моисеев А. И. Употребление зависимого инфинитива в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. — Л., 1952. 20 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Молотков А. И. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий. (Грамматический анализ.) Автореферат канд. дисс. — Л., 1952. 28 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Муравьева В. Н. Просторечная и диалектная лексика в рассказах Мамаша-Сибиряка 80-90-х годов. Автореферат канд. дисс. — М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Мурвалян А. К вопросу истории словарного состава армянского языка. — «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 11, стр. 79—98. — На арм. яз.

Мусабаев Г. О казахском литературном языке. — «Казахстан», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 95—101.

Мусабаев Г. Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии (доклад, выносимый на обсуждение дискуссии по некоторым вопросам казахского языкознания). — Алма-Ата, 1952. 63 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Казах. ССР.)

Мусабаев Г. и Аралбаев Ж. Насущные вопросы казахского языкознания [в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»]. —

Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 19—25.— На казах. яз.

Мышковская Л. Работа Гоголя над образом и словом.— «Октябрь», М., 1952, кн. 2, стр. 156—172.

Надэль Б. и Пиотровский Р. К вопросу о народно-латинской основе молдавского языка.— «Октябрь», Кишинев, 1952, № 6, стр. 65—71.

Назикова Е. А. Вопрос о выражении причинных отношений наречиями в современном русском литературном языке.— I, 7, стр. 22—25.

Назикова Е. А. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке. (Сочетания падежей с предлогами и придаточные предложения.) Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 20 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Найфельд Ш. Д. Конструкции «*be* + инфинитив» и «*have* + инфинитив» в английском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1953. 12 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Нейман Б. Речь персонажей в пьесах Горького.— «Театр», М., 1952, № 8, стр. 79—90.

Неменова Р. Л. Итоги и задачи диалектологических работ в Таджикистане в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— I, 4, стр. 37—45.

Немченко Е. В. Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке. [Реферат диссертации].— I, 5, стр. 59—66.

Неминова О. И. Некоторые особенности языка романа М. А. Шолохова «Поднятая целина».— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 21—26.

Ниязмухамедов Б. Н. О двух типах сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными предложениями [в таджикском языке].— I, 4, стр. 19—22.

Новакович А. С. Сложные слова в современном датском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 24 стр.

Новикова К. А. О диалектной основе эвенского литературного языка.— I, 14, стр. 34—40.

Новые сведения по фонетике праиндских языков.— I, 16, стр. 154—192.— (Авт.: В. С. Соколова и др.)

О звуковых соответствиях в языках аварско-андийско-дидойской группы.— I, 15, стр. 32—35 и 74—77. (Авт.: Гудова Т. Е. и др.)— На груз. и рус. яз.

О пунктуации туркменского языка. (Материалы ко Второму лингвист. съезду.)— Ашхабад, Изд-во АН Туркм. ССР, 1952. 18 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Туркм. ССР.)

Обнорский С. И. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Пособие для студентов нед. ин-тов и ун-тов. 2-е

изд.— М., Учпедгиз, 1952. 416 стр. с илл.; 8 л. илл.

Озол А. Некоторые современные проблемы изучения латышского литературного языка. [В свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»].— «Карогс», Рига, 1952, № 2, стр. 176—183.— На латыш. яз.

Опишкевич М. И. Слова восточно-славянского происхождения в польском языке.— I, 2, стр. 25—27.— На укр. яз.

Орлов М. А. Н. Радищев и русский язык. (К 150-летию со дня смерти.)— «На рубеже», Петрозаводск, 1952, № 9, стр. 61—70.

Орлов М. Борьба Радищева за русскую словесную культуру. (К 150-летию со дня смерти.)— «Звезда Востока», Ташкент, 1952, № 10, стр. 106—113.

Орлов М. Проблемы русского языка и стиля в произведениях Гоголя.— «На рубеже», Петрозаводск, 1952, № 2, стр. 62—67.

Орузбаева Б. О. Глагол как часть речи в киргизском языке.— «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. 11, Фрунзе, Изд-во КиргизФАН СССР, 1952, стр. 27—48.

Орузбаева Б. Некоторые вопросы киргизского языка в свете учения И. В. Сталина о грамматическом строе и словарном составе языка.— «Мугалимдерге жардам», Фрунзе, 1952, № 12, стр. 19—27.— На кирг. яз.

Орузбаева Б. О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Автореферат канд. дисс.— Фрунзе, 1952. 14 стр. (Ин-т языка, лит-ры и истории Кирг. филиала АН СССР.)

Орфография таджикского языка (проект).— «Мактаби совети», Сталинабад, 1952, № 10, стр. 22—33.— На тадж. яз.

Орфография таджикского языка (проект).— «Шарки сурх», Сталинабад, 1952, № 11, стр. 113—124.— На тадж. яз.

Орфография туркменского языка. (Материалы ко II лингвист. съезду ТССР.) Проскт.— Ашхабад, Изд-во АН Туркм. ССР, 1952. 24 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Туркм. ССР.)— На туркм. яз.

Пагиря И. Д. Некоторые замечания относительно лексики говора с. Кальчик [Закарпатье].— «Наукові записки [Ужгород. держ. ун-ту]», т. V, 36. студ. наук. робіт, вип. 1, Ужгород, 1952, стр. 74—83.— На укр. яз.

Палионис И. Некоторые вопросы истории литовского литературного языка.— «Гарбинис мокикла», Вильнюс, 1952, № 6, стр. 25—30.— На литов. яз.

Пальмес П. Слова финноугорского происхождения в основном словарном фонде эстонского языка, общие с венгерским языком.— В кн.: «Научные труды, посвя. 150-летию Тартус. ун-та. 1802—1952», Таллин, 1952, стр. 125—

157.— На эстон. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: стр. 152.

Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X—XII вв. Сост. Зимин А. А. Под ред. Юшкова С. В.— М., Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. 288 стр.

Панов М. В. Заударный вокализм современного русского литературного языка. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Пашковский А. А. Словообразование в современном японском языке. (Типы сложных и аффиксальных слов.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 31 стр. (Военный ин-т иностр. языков.)

Перафер К. Н. Инфинитив цели и придаточное обстоятельственное предложение цели в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 24 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Перевозчикова Ф. Д. Морфологический очерк говора северной части Уржумского района Кировской области. Автореферат канд. дисс.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, 22 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Петерсон М. Н. Союзы в русском языке.— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 5, стр. 28—34.

Петличный И. З. Предикативные словосочетания в языке художественной прозы Ив. Франко.— I, 2, стр. 21—23.— На укр. яз.

Петрикина Н. С. Предложные конструкции в северо-великорусских сказках (на материале сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»). Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 11 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Петрова И. В., Гварджалдзе И. С. и Смирнова Е. В. Английские идиомы в разговорной речи с эквивалентами на русском и грузинском языках.— Тбилиси, 1952. 396 стр. (Мин-во просв. Груз. ССР.)

Петровский В. И. Лексика поэмы Ал. Недогонова «Флаг над сельсоветом». — I, 2, стр. 17—18.

Петрушин С. И. Постановка произношения английских фонем в азербайджанской студенческой аудитории. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 12 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина.— I, 19, стр. 21—36.

Пипаст Л. О. К вопросу о категории состояния в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 25 л. (1-й Ленингр. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Отпеч. множит. ашаратом.

Плющ П. П. Украинское языкознание в Киевском университете им. Т. Г. Шевченко за годы советской

власти.— I, 10, стр. 85—92.— На укр. яз.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Исков. [Текст. Разночтения.] Подготовка текста и статьи В. И. Малышева.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 135 стр. [Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом).] — Библиогр.: стр. 128—132.

Полищук Г. Т. Говор села Бартевевки Ивантеевского района Саратовской области.— I, 21, стр. 103—114.

Полюга Л. М. Глагольные синонимы в трилогии О. Гончара «Знаменосцы». [Автореферат доклада.] — В кн.: «Бюллетень науч. студ. конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1952, стр. 23—24.— На укр. яз.

Полякова Л. И. К вопросу именного словообразования в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 24 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Порохова О. Г. Лексика сибирских летописей XVII в. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 22 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Поспелов Н. С. Категория времени в грамматическом строе русского глагола.— I, 1, стр. 286—305.

Постановление президиума Академии наук Казахской ССР об итогах дискуссии по некоторым спорным вопросам казахского языкознания.— «Вестник АН Казах. ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 19—23.

Потапов В. С. Стиль исторического повествования В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 15 стр. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина.)

Прево М. А. История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Привалова М. И. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина.— I, 19, стр. 129—148.

Пригоровская Н. М. Развитие отменных составных предлогов в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР.)

Принципы киргизской терминологии. [Сост. сотрудниками ИЯЛИ при участии сотрудников КГПИ.] — «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. III, Фрунзе, Изд-во КиргизФАН СССР, 1952, стр. 19—26.

Программа по сборанию сведений о диалектах коми языка.— Сыктывкар, Комигиз, 1952. 40 стр. (Коми филиал АН СССР.)

Протопопова У. М. Значение и употребление существительных в предложном падеже с предлогами «в», «на», «при» и «по» в современном рус-

ском литературном языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 16 стр. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина.)

Псковская судная грамота. Перевод и комментарий И. И. Полосина. Под ред. К. В. Сивкова. [«Ученые записки (Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина)». Т. LXV. Кафедра истории СССР. Вып. 3.] — М., Учпедгиз, 1952. 160 стр.

Пушкарь М. А. К вопросу о развитии ударения в чешском языке.— I, 2, стр. 28—32.— На укр. яз.

Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан — Ашт — Чуст — Кассансай. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 324 стр. (Ин-т языкознания.)

Рахматуллаев Ш. У. Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц современного узбекского языка. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Республиканское совещание по вопросам художественного перевода. [Ташкент. 1952. Из докладов и выступлений.] — «Звезда Востока», Ташкент, 1952, № 6, стр. 84—102.

Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области. Фонетическая и морфологическая система. Автореферат докт. дисс.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952. 49 стр. (Ин-т языка и лит-ры.)

Решетов В. В. Построение курса узбекской диалектологии.— I, 13, стр. 34—40.

Ринчинэ А. Р. Учебник монгольского языка. [Для высш. учеб. заведений.] Под ред. Г. Д. Савжева.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 320 стр.

Рогава Г. В. Вопросы лексики иберийско-кавказских языков в трудах С. Н. Джапанаша.— В кн.: «Сессия [АН Груз. ССР], посв. памяти акад. С. Н. Джапанаша. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952, стр. 15—16 и 38—39.— На груз. и рус. яз.

Рогава Г. В. К вопросу о дифференциации грамматической категории человека в картвельских языках.— I, 15, стр. 12—13 и 42—43.— На груз. и рус. яз.

Рогачев А. П. Идиоматика китайского языка, отраженная в устойчивых словосочетаниях (чэн-юй). (По материалам произведений Сунь Ят-сена и Мао Цзэ-дуна.) [Основные тезисы канд. дисс.] — «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», II, М., 1952, стр. 52—56.

Рогожникова Р. П. Условные придаточные предложения в современном русском языке. (Конструкции с союзами *если, ежели, коли, раз*). Авто-

реферат канд. дисс.— М., 1952. 15 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Родзевич Н. С. О строении сложных слов в современном украинском языке.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 6, стр. 10—19.— На укр. яз.

Розанова В. В. «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Импер. Академии Наук». СПб., 1847, т. I—IV. (История создания, принципы построения.) Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 21 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Розанова Т. С. Настоящее и будущее простое время глагола в памятниках русской письменности XI—XVI вв. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина.)

Розенфельд А. З. Ванские говоры [таджикского языка. Краткий отчет о работе диалектологического отряда.] — «Доклады АН Тадж. ССР», вып. 5, Сталинабад, 1952, стр. 49—53.

Розова З. Г. К вопросу об устойчивости основного словарного фонда сербского языка.— I, 2, стр. 27—28.

Ройтенберг Ф. Е. К вопросу о русских заимствованиях во французском языке в советскую эпоху. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 21 стр. (Воен.-полит. ордена Ленина Краснознам. академия им. В. И. Ленина.)

Руководство по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. Под ред. А. М. Терпигорева.— М., Изд-во АН СССР, 1952. 56 стр. (Ком-т тех. терминологии.)

Рыжков Н. С. Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках XI—XIV вв. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Сайкиев Х. М. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском литературном языке.— «Ученые записки [Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова]», т. XIV, вып. 1, Алма-Ата, 1952, стр. 20—25.

Салимов Т. Х. Построение курса истории узбекского языка.— I, 13, стр. 31—33.— На узб. яз.

Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты. [Введение к работе «Сравнительная грамматика монгольских языков»].— I, 17, стр. 30—125.

Санкин А. А. Конструкция «прилагательное + существительное» в английской технической литературе. (На материале радиотерминологии). Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 21 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Санто Е. А. Повелительное наклонение в современном венгерском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Сауранбаев Н. Т. За дальнейшее развитие языковедческой науки в Казахстане.— «Вестник АН Казах. ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 8—18.

Сахибаев Р. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и вопросы общественно-политической терминологии в узбекском языке.— «Шарк юлдузи», Ташкент, 1952, № 7, стр. 86—99.— На узб. яз.

Светлаев М. В. Учебник русского языка.— М., 1952. 424 стр. (Высш. парт. школа при ЦК КПСС.)

Севак Г. Тенденции развития армянского языка в кривом зеркале.— «Советакан гракаутюн ев арест», Ереван, 1952, № 5, стр. 100—127.— На арм. яз.

Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках.— I, 1, стр. 306—367.

Седелник Е. А. Использование форм времени и вида глагола в баснях И. А. Крылова.— «Ученые записки [Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова]», т. XIV, вып. 1, Алма-Ата, 1952, стр. 5—15.

Семенов А. А. О среднеазиатском (бухарском) термине «агалык».— «Доклады АН Тадж. ССР», Сталинабад, 1952, вып. 3, стр. 3—6.

Сейкус И. Нормализация произношения в литовском языке.— «Тарибине мокикла», Вильнюс, 1952, № 6, стр. 18—25.— На литов. яз.

Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. Предисл. В. Ф. Шишмарева. Ред. Н. А. Катагонина.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 280 стр. Библиогр.: стр. 265—273.

Серебrenников Б. А. Задачи молдавского языкознания. (Совместная науч. сессия Ин-та языкознания АН СССР и Ин-та истории, языка и лит-ры Молдав. филиала АН СССР).— «Вестник АН СССР», М., 1952, № 3, стр. 89—92.

Серебrenников Б. А. Новые задачи в области изучения языков народов СССР.— I, 16, стр. 3—6.

Серебrenников Б. А. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и задачи изучения мордовских (мокша и эрзя) языков.— I, 9, стр. 3—7.

Сидорова В. С. Исчезновение рода как грамматической категории в английском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 17 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Симонова Е. Ф. Итоги экспериментальной работы в области казахского и иностранных языков.— «Ученые записки [Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова]», т. XIV, вып. 1, Алма-Ата, 1952, стр. 16—19.

Сиротина В. А. Особенности языка и стиля публицистики А. М. Горь-

кого советского периода. Автореферат канд. дисс.— Киев, 1952. 18 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Сиротина О. Б. Фонетическая система говоров восточной половины Духовницкого района Саратовской области. [Из работы «Говоры восточной половины Духовницкого района Саратовской области.»— I, 21, стр. 23—62.

Скорик П. Я., Горцевская В. А. и Щербак А. М. Вопросы орфографии языков народов Севера.— I, 14, стр. 44—48.

Скороглядова О. В. Выразительные средства русского языка [в области словаря и грамматики].— «Русский язык в перусской школе», Баку, 1952, вып. 10, стр. 3—24.

Скороглядова О. В. Наблюдения над словосочетаниями в современном русском языке в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— «Русский язык в перусской школе», Баку, 1952, вып. 2, стр. 3—29.

Скороглядова О. В. Переходность частей речи в современном русском языке.— «Русский язык в перусской школе», Баку, 1952, вып. 7, стр. 3—29.

Скрыпник Л. Г. Лексика и фразеология украинской советской художественно-исторической прозы («Наливайко» И. Ле, «Переяславська Рада» Н. Рыбака, «Запорожці» П. Панча, «Іван Богун» Я. Качуры). Автореферат канд. дисс.— Киев, 1952. 15 стр. (Ин-т языкознания им. А. А. Потемкина АН УССР.)

Смирнов А. И. Словарный состав и его стилистическое использование в сборниках поэзии П. Г. Тычины «Партия веде» и «Чуття единої ріднини». Автореферат канд. дисс.— Киев, 1952. 14 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский [для высш. учеб. заведений].— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 404 стр.— Библиогр.: стр. 393—398.

Современный русский язык. [Вып. 2.] Морфология. (Курс лекций.) [Для высш. учеб. заведений.] Под ред. В. В. Виноградова.— [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 520 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Соловникова Н. И. Историко-сравнительный метод и классическая филология. [Автореферат доклада.]— В кн.: «Бюллетень научной студенческой конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков. Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1952, стр. 25—26.— На укр. яз.

Соколов С. А. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. (Отглагольные имена в *-dik*, *-acak*, *-mak*, *-maklik*, *-ma* и *-is*.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 20 стр.

Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века.— I, 19, стр. 52—79.

Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Автореферат докт. дисс.—Л., 1952. 30 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Соловьев В. П. К вопросу об устойчивых словосочетаниях в современном молдавском литературном языке. (I том — Краткие очерки молдавской фразеологии; II том — Фразеологический словарь основного словарного фонда современного молдавского литературного языка.) Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 11 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Соловьева П. А. Изменения в английской политической лексике в Америке в период империализма. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.)

Сороколетов Ф. П. Производственно-профессиональная лексика в языке послевоенной советской прозы.— I, 7, стр. 8—11.

Сороколетов Ф. П. Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны. (По произведениям: «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Сталь и шлак» В. Попова, «Земля кузнецкая» А. Володина и «Шахтеры» В. Игишева.) Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 24 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Стаховский Н. Н. Вопросы культуры русской речи.—Киев, «Рад. школа», 1952. 143 стр.

Страдиль К. К вопросу об образовании латышской буржуазной нации. [Об историч. условиях образования латыш. нации и о развитии в XIX в. языка латыш. народности в нац. язык.]— «Известия АН Латв. ССР», Рига, 1952, № 3, стр. 47—58.

Строева Т. В. К вопросу об устойчивости основного словарного фонда в немецком языке.— I, 19, стр. 187—199.

Судебники XV—XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина. Под общ. ред. Б. Д. Грекова.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 619 стр., 20 л. илл. (Ин-т истории. Законодательные памятники русского централизованного государства XV—XVII веков.)

Сумкина А. И. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 14 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Сунцова И. П. Вводный курс фонетики немецкого языка. [Учеб. пособие для филол. фак-тов ун-тов и пед. ин-тов Укр. ССР. Вступ. статья Л. В. Щербы.] — Киев, «Рад. школа»,

1952. 116 стр., 2 л. табл. Библиогр.: стр. 114—115.— На укр. яз.

Сырейщикова А. А. Сборник французских идиоматических выражений, фразеологических оборотов и поговорок.— М., Учпедгиз, 1952, 100 стр.

Сыромятников Н. А. Система фонем японского языка.— I, 17, стр. 278—354.

Сытина В. И. Неотделимые глагольные приставки в словообразовании современного немецкого языка. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 26 стр. (Воспняк ордена Ленина Академия бронетанковых и механизированных войск Советской Армии имени И. В. Сталина.)

Таболова Г. А. Образование причастий (действительных) и деепричастий в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 21 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Тагирова К. Т. Таджикские говоры Бастандийского района Казахской ССР. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 20 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Таджиев Д. Вопросы таджикской графики и орфографии в свете учения товарища Сталина.— «Шарки сурх», Сталинабад, 1952, № 8, стр. 91—97.— На тадж. яз.

Таджиев Д. О графике и орфографии таджикского языка.— «Мактаби советӣ», Сталинабад, 1952, № 7, стр. 30—33.— На тадж. яз.

Таджиев Д. Т. Об одном определительном словосочетании в современном таджикском литературном языке.— I, 4, стр. 23—26.

Таджиев Д. Т. Причастие настоящего времени на *-анда* в таджикском литературном языке.— I, 4, стр. 47—56.

Таджиев Д. Т. Слово об «вода» в современном таджикском языке. (Из материалов по таджикской лексикологии.)— I, 16, стр. 120—153.

Таджиев Д. Т. Таджикские причастно-определятельные словосочетания типа «китоби маи хоудагӣ». — «Доклады АН Тадж. ССР», вып. 5, Сталинабад, 1952, стр. 45—48.

Терешкин Н. И. Очередные вопросы развития литературного языка хаиты.— I, 14, стр. 41—43.

Терещенко Н. М. О развитии грамматических категорий немецкого языка. (На примере категории причастия.)— I, 1, стр. 368—386.

Терещенко Н. М., Колесникова В. Д. и Меновщиков Г. А. О прогрессивном влиянии русского языка на языки народностей Севера.— I, 14, стр. 13—19.

Терминология туркменского языка и задачи ее улучшения. (Материалы ко II лингвист. съезду ТССР.) Ашхабад, 1952. 18 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Туркм. ССР.)

Тетеревникова Н. Н. Язык и стиль Стендаля (по материалу романа «Красное и черное»). Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 35 стр.

Тимошенко П. Д. Особенности благозвучности (эвфонии) украинского языка.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 4, стр. 3—14.— На укр. яз.

Титова В. П. Значение сложного прошедшего времени в старофранцузском языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 18 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.)

Тихомиров М. Н. и Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности [XII—XIII вв. Духовная Климента-Новгородца и Устав кн. Святослава Ольговича. Тексты и комментарии].— («Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры». Вып. VIII.) М., Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1952. 32 стр. с илл. Библиогр.: стр. 6.

Тобинас Е. О. Описание диалекта д. Узмино Струго-Красненского р-на Псков. обл. Автореферат канд. дисс.—Тарту, 1952. 24 стр. (Тартуск. гос. учит. ин-т.)

Тодаева Б. Х. Винительный падеж в современном монгольском языке.— I, 17, стр. 355—373.

Толкачев А. И. История членных прилагательных русского языка. Ч. 1. Формы мужского рода единственного числа. Автореферат канд. дисс.— Смоленск, 1952. 14 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Толурна В. Т. Сравнительно-исторический метод в истории изучения карельских языков в свете учения И. В. Сталина о языке.— I, 15, стр. 7—8 и 37—38.— На груз. и рус. яз.

Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании.— «Вісник АН УРСР», Киев, 1952, № 7, стр. 9—15.

Третьяков П. О происхождении славян.— «Славяне», М., 1952, № 7, стр. 26—32.

Трунев Н. В. Кантемир в истории русского литературного языка. Автореферат докт. дисс.— Омск, 1952. 19 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.) [Над местом изд. и годом: Омский пед. ин-т им. А. М. Горького.]

Тумашева Д. Г. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Туркина Л. А. История степеней сравнения в русском языке XI—XVII вв. Автореферат канд. дисс.—Л., 1952. 21 стр. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.)

Упит Я. Борьба Андрея Упита за латышский литературный язык. [Обзор произведений А. Упита за период 1905—

1952 гг.] — «Кароге», Рига, 1952, № 5, стр. 498—505.— На латыш. яз.

Урсова Н. Говор с. Перелаз Ершовского района Саратовской области.— I, 21, стр. 131—134.

Усманов С. Междометия в современном узбекском языке.— Автореферат канд. дисс.— Ташкент, 1952. 16 стр. (Ташкент. гос. пед. и учит. ин-т им. Низами.)

Учебник английского языка. Для первого курса ин-тов и фак-тов иностр. языков. Ред. Н. Ф. Иртеньева.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 368 стр. с илл. [Авт.: Л. А. Алмазова и др.]

Учебник немецкого языка. Для I и II курсов высш. учеб. заведений. 2-е пересмотр. изд.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 564 стр. (Авт. Э. Эрлих и др.)

Фазылов М. Изобразительные слова в современном таджикском языке. [Резюме канд. диссертации].— I, 4, стр. 9—17.— Библиогр. в подстроч. примеч.

Федоров А. И. Критика лексикологических работ последователей так называемого «нового учения о языке» и задачи изучения лексики [беломорских] диалектов русского языка в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания.— I, 7, стр. 12—16.

Федоров А. И. О происхождении словарного состава беломорских говоров [русского языка]. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 20 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Фельдман Н. И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке.— I, 17, стр. 230—277.

Фигуровский И. А. О некоторых вопросах порядка слов во французском языке.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 6, стр. 23—32.

Фидровская А. С. К вопросу о процессе и факторах новообразования на-а в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода.— I, 18, стр. 19—64.

Филичева Н. И. К вопросу о глагольной префиксации в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 27 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Франчук Е. И. Употребление обособленных причастных оборотов и определительных придаточных предложений в современном русском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Фрейман А. А. К этимологии «нейстойгой» [«одержимый», «нейстойгий»].— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 5, стр. 461—462.

Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. Перевод с нем. яз.

вступ. статья А. В. Десницкой. Под ред. В. В. Струве.—М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 200 стр.

Фролов В. Заметки о языке советской комедии.— «Новый мир», М., 1952, № 8, стр. 228—241.

Халидов Б. З. Арабские заимствования в современном литературном языке пушту. Автореферат канд. дисс.—Ташкент, Изд-во САГУ, 1952. 21 стр. (Среднеазиат. гос. ун-т.)

Хамзаев М. За правильное освещение вопросов туркменского языка. [Из газ. «Туркм. искра» 22 IV 52.]— «Известия АН Туркм. ССР», Ашхабад, 1952, № 4, стр. 3—10.

Хасенов А. Об устойчивости языка. [На материале казахского языка.]— «Халық мұғалімі», Алма-Ата, 1952, № 12, стр. 30—36.— На казах. яз.

Хван-Юндюн В. А. Фонетический строй корейского языка. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 20 стр. (Моск. ин-т востоковедения.)

Хидешели Н. Из лексических наблюдений над русским говором с. Шекветили.— «Труды Батум. гос. пед. ин-та им. Руставели», т. 2, Батуми, 1952, стр. 289—295.

Хмелинина М. И. Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького (1895—1896 гг.). Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Хохлачева В. Н. Разговорная лексика 1-го тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 18 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Худякова Э. Говор с. Царевщины Батайского района Саратовской области.— I, 21, стр. 115—129.— Прил.: Слова старые, наиболее часто употребляющиеся.

Царев П. В. Сложные прилагательные типа «blue-eyed» в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 18 л. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Церетели К. Г. Значение изучения современных арамейских диалектов для истории арамейского языка.— I, 15, стр. 14—15 и 44—45.— На груз. и рус. яз.

Церетели К. Г. О геминации в урмиском диалекте арамейского языка.— «Сообщения АН Груз. ССР», Тбилиси, 1952, № 9, стр. 569—574.

Церетели К. Г. Притяжательные местоимения в урмиском диалекте арамейского языка.— «Сообщения АН Груз. ССР», Тбилиси, 1952, № 8, стр. 491—494.

Церцвадзе И. И. Об одном латеральном согласном и соответствующих ему рефлексах в аварско-андийско-дидойской группе дагестанских языков.— «Сообщения АН Груз. ССР», Тбилиси,

1952, № 7, стр. 433—439. Библиогр.: 11 назв.

Цомакион Н. А. Сообщение о говоре русского старожильского населения Туруханского района Красноярского края.— «Ученые записки [Краснояр. гос. пед. ин-та]», т. I, Красноярск, 1952, стр. 193—211.

Цыганов Н. Ф. Вопросы лексики и лексикографии мордовских языков. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 24 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Цыганов Н. Ф. Проблемы политической и экономической терминологии в мордовских языках.— I, 9, стр. 30—34.

Цыганов Н. Ф. Пути развития словарного состава эрзя и мокша языков в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— I, 9, стр. 17—22.

Цыдендамбаев Ц. Б. Актуальные вопросы бурят-монгольского языкознания. [Печатается в порядке постановки вопроса.]— «Записки Бур.-монг. науч.-исслед. ин-та культуры», XV, Улан-Удэ, 1952, стр. 110—117.

Чадаевская Е. И. Система сложных слов в современном английском языке. Автореферат канд. дисс.—Тбилиси, 1952. 16 стр. (Тбил. гос. пед. ин-т иностр. языков.)

Челышев Е. П. Современная общественно-политическая терминология литературного хинди. Автореферат канд. дисс.—М., 1952. 28 стр. (Военный ин-т иностр. языков.)

Чельцов М. О «судебном языке».— «Социалистическая законность», М., 1952, № 11, стр. 31—42.

Чередниченко И. Г. К вопросу о строении сложно-подчиненного предложения. [К обсуждению статьи Е. В. Кротевича «Строение сложноподчиненного предложения в современном украинском языке», («Українська мова в школі», 1952, № 1)]— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 4, стр. 22—30.— На укр. яз.

Черемисов К. М. Некоторые вопросы орфографии и литературного словоупотребления в бурят-монгольском языке. [Печатается в порядке постановки вопроса.]— «Записки Бур.-монг. науч.-исслед. ин-та культуры», XV, Улан-Удэ, 1952, стр. 118—137.

Черных П. Я. Историческая грамматика Русского языка. Краткий очерк. Пособие для пед. и учит. ин-тов.— Минск, Учпедгиз БССР, 1952. 312 стр. с илл. и карт. 1 л. факс.

Черных П. Я. Русская диалектология. Краткий очерк. Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников пед. ин-тов.— М., Учпедгиз, 1952. 95 стр. с карт. (Мин-во просв. РСФСР.)— Библиогр.: стр. 5—6.

Чешко Е. В. Проблемы болгарского языкознания в свете сталинского учения о языке. [О науч. сессиях в Со

фийск. ун-те и Болгар. акад. наук. Дек. 1950 г.] — 1, 5, стр. 14—21.

Чистякова А. Л. Место подлежащего и сказуемого в различных типах повествовательного предложения. (Наблюдения над порядком слов в романе М. Горького «Мать».) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 20 л. (Ин-т языкознания АН СССР.) — Стеклограф. изд.

Читая Г. С. Грузино-абхазские этнографические параллели. — В кн.: «Сессия [АН Груз. ССР], посв. памяти акад. С. Н. Джаваши. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952, стр. 11 и 33—34. — На груз. и рус. яз.

Чудаева О. И. М-овые имена действия в мокша-мордовском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 15 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Шабабдурахманов Ш. Изучение звуковой системы узбекского языка. — I, 13, стр. 24—25.

Шабалин М. Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани. (К вопросу о взаимодействии близкородственных языков.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 20 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Шайтанова Г. В. Говоры по верхнему течению реки Костромы. (Говоры по северной границе акающего острова в Костромской области.) Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Шакрыл К. С. Соответствия русским предлогам в языках Западного Кавказа. Вып. 1. — Черкесск, Черкес. обл. издат, 1952. 71 стр.

Шаламберидзе Г. Е. Наречие в древнегрузинском языке. Автореферат канд. дисс.— Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания.)

Шамиева А. и Ахметов И. Грамматика уйгурского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. (Учебник для 5 и 6 классов семилетней и средней школы.) — Алма-Ата, 1952. 336 стр. — На уйгур. яз. (араб. шрифт).

Шанидзе М. А. К вопросу о фарингальных звуках в древнесврейском языке. Автореферат канд. дисс.— Тбилиси, 1952. 23 стр. (Тбил. гос. ун-т им. Сталина.)

Шахов И. П. Лексика и фразеология басен И. А. Крылова. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 19 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Шедьюто Г. А. Стиль и словарный состав публицистики Н. Г. Чернышевского. Автореферат канд. дисс.— Киев, 1952. 15 стр. (Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.)

Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. [Пособие для филол. фак-тов и пед. ин-тов иностр. языков.] Ред. И. И. Ревзин.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952, 368 стр.

Шеремета Н. В. К вопросу о грамматической категории вида во французском языке. [Автореферат доклада.] — В кн.: «Бюллетень науч. студ. конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1952, стр. 28—29.

Шестакова А. Е. Образование существительных и прилагательных от именных основ в мордовских языках. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Шигаревская Н. А. Основные особенности звукового строя современного французского языка. Автореферат канд. дисс.— Л., 1952. 22 стр. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова.)

Шилина Г. Работы И. В. Сталина о языке и чехословацкое языкознание.— I, 5, стр. 22—27.

Широкова А. Очерк грамматики чешского языка. [Учеб. пособие для высш. учеб. заведений.] М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 191 стр.

Широкова Н. А. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. [Главы из диссертации.] — I, 18, стр. 65—108.

Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1952. 268 стр.; 1 л. карт. (Ин-т языкознания.) Библиогр.: стр. 9—21.

Шкляревский Г. И. Из наблюдений над языком и стилем научной прозы А. С. Пушкина. (По материалам «Истории Пугачева».) — «Ученые записки [Харьк. ун-та]», т. XLV, Труды филол. фак-та, т. 2, Харьков, 1952, стр. 35—45.

Шмелева Р. А. Суффиксальное образование имен существительных с абстрактным значением в старо-французском языке. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 22 стр. (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков.) — Стеклограф. изд.

Шукуров Д. Ш. Из истории киргизского языка.— «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. III, Фрунзе, Изд-во КиргизФАН СССР, 1952, стр. 68—74.

Юдковский М. М. Некоторые вопросы возникновения и развития аналитических форм косвенного наклонения [в англ. яз.] и особенности их употребления Шекспиром в трагедии «Король Лир». [Автореферат доклада.] — В кн.: «Бюллетень науч. студ. конференции [Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко] 1952 года», ч. I, Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1952, стр. 26.

Янко-Триплицкая Н. А. Особенности префиксации глаголов движения.— I, 20, стр. 41—57.

Яншапсин Ю. Развитие лексики киргизского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат канд. дисс.— Фрунзе, 1952.

16 стр. (Ин-т языка, лит-ры и истории Кирг. филиала АН СССР.)

Я х о н т о в С. Е. Образование сложноподчиненного предложения посредством служебных наречий в современном китайском языке.— I, 17, стр. 374—409.

Я ц е в и ч Л. С. Порядок слов в простом предложении в современном афганском языке (пушту). Автореферат канд.дисс.—М., 1952. 20 стр. (Моск. ин-т востоковедения.)

3. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ПЕРСОНАЛИИ

А б а е в В. И. Памяти Карнеза Дариспановича Дондуа. [Филолог. 1891—1951. К годовщине со дня смерти.] — «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 6, стр. 560—561.

А к а д е м и к А. П. Бараников. [Индолог. 1890—1952. Некролог.] — «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 79.— Подпись: Президиум АН СССР.

Б у р д и н С. М. Роль М. В. Ломоносова в создании естественно-научной терминологии в русском литературном

языке. Автореферат канд. дисс.—М., 1952 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова.)

В а ц е н к о В. С. П. Г. Жигецкий (1836—1911).— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 6, стр. 30—37.— На укр. яз.

К а л к а в а М. В. В. И. Даль как лексикограф. Автореферат докт. дисс.—Тбилиси, 1952. 65 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Л о м о н о с о в М. В. Полное собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739—1758 гг.—М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 996 стр.

М а з м а н я н М. А. Вопросы языка и мышления в трудах русских материалистов [М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского].— «Советакан манкаварж», Ереван, 1952, № 2, стр. 42—51.— На арм. яз.

Памяти академика А. П. Бараникова. [Индолог.] Некролог.— «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР], 7, М., 1952, стр. 56—58.

П а ш у т о В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед.— «Вопросы истории», М., 1952, № 2, стр. 47—73,

III. СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Китайско-русский словарь. Около 65 000 слов и выражений. Под ред. И. М. Ошанина.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. XIII, 891 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР.)

Ключевой указатель к китайско-русскому словарю. (Под ред. И. М. Ошанина. Изд. 1952 г.)—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. (Ин-т востоковедения АН СССР.)

Краткий англо-русский словарь. Около 20 000 слов. Под ред. О. С. Ахмановой. 6-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 544 стр.

Краткий музыкальный словарь. Сост. Д. Доложанский.—Л., Музгиз, 1952. 480 стр. с илл.

Краткий русско-английский и англо-русский словарь. Около 17 000 слов. Сост. С. Г. Займовский. Под ред. А. В. Литвиновой. 3-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 416 стр.

Краткий русско-китайский и китайско-русский внешнеторговый словарь. Сост. П. В. Шелекасова. Под ред. В. С. Колоколова.—М., Внешторгиздат, 1952. 304 стр.

Краткий русско-немецкий и немецко-русский словарь. Около 18 000 слов. Сост. А. В. Лоховиц и О. Д. Литвиц. 4-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 488, [7] стр.

Краткий русско-французский и французско-русский словарь. Сост. О. Л. Дола

голова и К. С. Выгодская. 2-е изд. стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 560 стр.

Латинско-русско-армянский медицинский словарь. Сост.: М. Абемян, Л. А. Оганесян и А. Тер-Поюсян.—Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1951 [переплет 1952]. 472 стр.

Немецко-русский сельскохозяйственный словарь. Сост.: И. И. Синягин, Е. А. Никонова и Н. Ф. Пасхин.—М.—Л., Гостехиздат, 1952. 508 стр.

Немецко-русский словарь. 20 000 слов. Под ред. И. В. Рахманова. 6-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 499 стр.

Немецко-русский строительный словарь. Сост. П. Г. Амбургер. Под ред. К. Д. Некрасова. 2-е изд.—М., Гостехиздат, 1952. 548 стр. с илл.

Осетинско-русский словарь. 20 000 слов. Под общ. ред. А. М. Касаева. С прил. грамMAT. очерка осет. яз. [В. И. Абаева].—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 540 стр. (Сев.-осет. науч.-исслед. ин-т при Совете министров Сев.-осет. АССР.) — На обороте тит. л. сост.: Б. Б. Визулаев, К. Е. Гагкаев, Н. X. Кулаев и О. Н. Туаева.

Первый словник краткого русско-адыгейского терминологического словаря. Проект.—Майкоп, Адыгнациздат, 1952. 44 стр.

Проекты сельскохозяйственных терминов, принятых комиссией по терминологии латышского языка при Академии

наук Латвийской ССР. [Латышско-русский словарь.] — «Известия АН Латв. ССР», Рига, 1952, № 8, Приложение [на 14 стр.]

Русско-английский словарь. Около 50 000 слов. Сост.: *О. С. Ахманова, З. С. Выгодская, Т. П. Горбунова, Н. Ф. Ротштейн, А. И. Смирницкий* и *А. М. Таубе*. Под общ. руковод. *А. И. Смирницкого*. 2-е изд., испр. и доп.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 804 стр.

Русско-китайский словарь. Около 26 000 слов. Сост.: *Чэнь Чан-хао, А. Г. Дубровский* и *А. В. Котовов*. Под ред. *Чэнь Чан-хао* и *Б. С. Исаченко*. 2-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. XVI, 976 стр.

Русско-корейский словарь. Около 30 000 слов. Сост.: *Д. М. Усатов, Ю. Н. Мазур, В. М. Моздыков*. Под ред. *Пак Чон Сика* и *Н. С. Кима*. С прил. краткого граммот. очерка корейск. языка, сост. *Ю. Н. Мазуром*. 2-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. XVI, 1056 стр.

Русско-немецкий словарь. 22 000 слов. Под ред. *А. А. Ленинга*. 6-е изд., стереотип.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 548 стр.

Русско-узбекский терминологический словарь по математике. (Проект.) Сост. *М. А. Сабиров*.—Ташкент, Учпедгиз УзССР, 1952. 110 стр.—На узб. яз.

Русско-узбекский терминологический словарь по физике. Проект. Сост. *М. Д. Яеудоев* и *Р. Х. Маллин*.—Ташкент. Учпедгиз УзССР, 1952. 179 стр.

Русско-эвенский словарь. Свыше 20 000 слов. Сост. *В. И. Цициус* и *Л. Д. Ригес*. С прил. граммот. очерка

эвен. языка.—М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 779 стр.

Словари библиотечно-библиографических терминов. Англо-русский. Немецко-русский. Французско-русский. Сост. *Л. В. Хавкина*. Редакторы: *П. Х. Кананов, Ю. И. Масанов* и *К. Р. Симон*. С прил. списки латин. терминов.—М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1952. 234 стр. (Всесоюз. кн. палата.)

Словарь по геологии нефти. Сост. коллективом авторов под рук. *А. Н. Федорова*. Под общ. ред. *М. Ф. Мирчица*. М.—Л., Гос. науч.-техн. изд-во нефтяной и горно-топливной лит-ры, 1952. 532 стр.

Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 2-е, переработ. изд. Авт.: *Былинский К. И.* и *Никольский Н. Н.*—М., «Искусство», 1952, 312 стр.

Терминологический словарь по зоологии. Русско-башкирский и башкиро-русский. Сост. *Т. Г. Башшев*.—Уфа, Башгосиздат, 1952. 159 стр. (Ин-т истории, языка и лит-ры Башкир. филиала АН СССР.)

Тимофеев Л. и *Венгров Н.* Краткий словарь литературоведческих терминов. Пособие для учащихся средних школ.—М., Учпедгиз, 1952. 160 стр.

Украинско-английский словарь. Сост. *М. Л. Подвезько*. Около 60 000 слов.—Киев, «Рад. школа», 1952. 1012 стр.—На укр. яз.

Экспортно-импортный словарь. Т. 1, А—К. [Перевод названий 3 000 товаров на двенадцать иностранных языков: албанск., англ., болгарск., венгерск., испанск., китайск., нем., польск., румынск., финск., франц., чешск.] Гл. ред. *Б. Т. Колпаков*.—М., Внешторгиздат, 1952. 1496 стр.

IV. РЕЦЕНЗИИ

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., Учпедгиз, 1950. 160 стр.—*Матусевич М. И.*—«Українська мова в школі», Киев, 1952, № 4, стр. 80—84.—На укр. яз.

Аманжолов С. Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка. Алма-Ата, 1950. 88 стр. На казах. яз.—*Кордабаев Т.* Книга, пропагандирующая чуждые марксизму идеи.—«Халык, мўгалімі», Алма-Ата, 1952, № 1, стр. 91—95.—На казах. яз.

Амоголонов Д. Д. и *Абашев Д. А.* Орфографический словарь бурят-монгольского языка. 2-е изд. Улап-Удэ, Бурмонгиз, 1944.—*Черемисов К.* Улучшить новое издание.—«Бурят-монгольская правда» 17 XII 52.

Аннакурдов М. Д. Русско-туркменский терминологический словарь по физике. Ашхабад, Туркменучпедгиз, 1950.—*Ниязов А.* и *Кулиев А.* Об

одном плохом словаре.—«Туркменская искра» 22 X 52.

Ачарян Р. История армянского языка. Ч. 1—2. Ереван, Айпетрат, 1940—1951. На арм. яз.—*Казарян С.* О книге профессора Р. Ачаряна «История армянского языка».—«Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 12, стр. 95—104.

Ачарян Р. История армянского языка. Ч. 2. Ереван, Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1952. 610 стр., 1 л. карга. На арм. яз.—*Казарян С. К.* О труде «История армянского языка».—«Советакан манкаварж», Ереван, 1952, № 4, стр. 48—51.

Балаша И. Венгерский язык. Перевод с венгерского *О. В. Громова* [и др.] М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.—*Бакко Л.* Книга о венгерском языке.—«Сов. Закарпатье» 19 IX 52.

Бедняков А. С. и *Матийченко А. С.*

Русский язык. Учеб. пособие для нерус. мед. училищ. Ч. 1. Лексика, фонетика и морфология. М., Учпедгиз, 1951.— Р о з е н т а л ь Д.— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 76—80.

Вичурин Н. Я. (Макинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. Т. I — 382 стр. Т. II — 335 стр. (Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.)—С е м е н о в А. А.— I, 4, стр. 57—60.

Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, 1. [Сб. статей.] Отв. ред. С. Г. Бархударов. [Ученые записки (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова)], № 156. Серия филол. наук. Вып. 15.] Л., 1952. 363 стр.—З в е г и н ц е в В. А. и П о с п е л о в Н. С.— «Сов. книга», [М.], 1952, № 10, стр. 109—114.

«Вопросы языкознания», журн. М., Изд-во АН СССР, 1952, №№ 1—3.—Г а л к и н а - Ф е д о р у к Е. М.— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 5, стр. 71—76.— Журнал советских языковедов.— «Литературная газета» 19 VI 52.—К а с ь я н о в Н. Новый журнал по языкознанию.— «Большевик». М., 1952, № 16, стр. 65—72.—М о ш к и н А. Новый теоретический журнал.— «Полярная правда» (Мурманск) 29 IV 52.

Грамматика русского языка [Редколлегия: В. В. Виноградов и др.] Т. 1. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952.—С у х о т и н В. П.— «Сов. книга», М., 1952, № 11, стр. 111—120.

Джаспаров А. Грамматика киргизского языка. Ч. 2. Синтаксис. Учебник для пед. ин-тов. Фрунзе, Киргосиздат, 1951. 224 стр. На кирг. яз.—С а д а б а е в А. Грамматика киргизского языка.— «Мугалимдерге жардам», Фрунзе, 1952, № 8, стр. 35—43.

Иберийско-кавказское языкознание. Т. III. Вопросы общего языкознания в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. (Сб. статей. Под ред. А. Чикобава.) Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, X, 536 стр. (Ин-т языкознания.)—На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.—М у р в а л я н А.— «Известия» [АН Арм. ССР]. Обществ. науки, Ереван, 1952, № 12, стр. 91—93.— На арм. яз.

«Иностранные языки в школе», журн. М., 1950—1952.—Ш а р о в а Л. П.— «Сов. педагогика», М., 1952, № 9, стр. 103—108.

Капанцян Г. А. О внутренних закономерностях развития армянского языка. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1952; *Капанцян Г. А.* Основы генеалогической классификации языков и критика взглядов Н. Марра на стадиальность развития языка.—Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1951;—Г р и г о р я н А. Ценные труды по языкознанию.— «Известия [АН

Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 11, стр. 117—123.

Краткий русско-японский словарь. около 25 000 слов. Сост. А. Е. Глушкина и С. Ф. Зарубин. Под ред. Н. И. Конрада. С прил. кратк. грамат. очерка соврем. япон. языка, сост. Н. И. Фельдман. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1950. 1000 стр.—С ы р о м я т н и к о в Н. А.— «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», II, М., 1952, стр. 64—70.

Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Латинской Америки. [Сост. под. руковод. М. К. Федоренко.] М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.—Т ю р и н С. А. и П о п о в И. В. О «Кратком словаре русской транскрипции географических наименований Латинской Америки».— В. кн.: «Сб. статей по картографии [Глав. упр-ния геодезии и картографии при Совете Министров СССР]», вып. 2, М., 1952, стр. 76—79.

Кротевич Е. В. Строеие сложноподчиненного предложения в современном украинском языке. «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 1. На укр. яз.—С а в ч е н к о О. Н. Замечания к статье Е. В. Кротевича «Строеие сложноподчиненного предложения в современном украинском языке».— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 5, стр. 32—35.— На укр. яз.

Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., Учпедгиз, 1951.—И в а н о в В. В. Книга по русской диалектологии.— «Вестник Моск. ун-та», М., 1952, № 7, стр. 193—201.

Курс современного украинского литературного языка. Под ред. Л. А. Булаховского, Киев, «Рад. школа», 1951. (Ин-т языкознания им. А. А. Потебни АН УССР.)— На укр. яз. Т. Т. I—II.—К р о т е в и ч Е. В.— «Сов. книга», М., 1952, № 12, стр. 101—110. Т. I.—М о р г у н П. А. и К о б ы л я н с к и й Б. В.— «Укр. мова в школі», Киев, 1952; № 4, стр. 67—75; № 6, стр. 76—81 (авт.: М о р г у н П. А. и Т и м о ш е н к о П. Д.)— На укр. яз. (Рец. на т. II см.: «Укр. мова в школі», 1952, № 1.)

Ломтев Т. П. Белорусский язык. М., Изд-во Моск. ун-та, 1951. 131 стр.—Ц е л у й к о К. К. Новое пособие по белорусскому языку.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 6, стр. 81—84.

Лоукотка Ч. Развитие письма. Перевод с чешского Н. Н. Соколова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950. 319 стр.—К а м е н ц е в а Е. И.— «Вопросы истории», М., 1952, № 8, стр. 113—117.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951. 451 стр. (Ин-т языкознания.)—Б е р н ш т а м А. Н.— «Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 113—115.— Ю д а х и н

К. К.— «Труды Ин-та языка, лит-ры и истории [Кирг. филиала АН СССР]», вып. III, Фрунзе, 1952, стр. 231—234.— «Мугалимдерге жардам», Фрунзе, 1952, № 5, стр. 56—60.— На кирг. яз.

Научные записки Киев. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, т. XI. Филолог. серия, № 3, Киев, 1951. 136 стр. На укр. яз.— К о л о м и е ц В. Т.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 5, стр. 78—80.

Осетинско-русский словарь. [Сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, П. Х. Кулаев и О. Н. Туаева.] Под общ. ред. А. М. Касаева. С прил. «Грамматического очерка осетинского языка» [В. И. Абаева]. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.— К о з ь р е в а Т.— «Соц. Осетия» 3 III 52.

Русский язык. [Сб. статей.] Под ред. В. В. Виноградова. [«Ученые записки (Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)», вып. 150. М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 324 стр.— О ж е г о в С. И.— «Сов. книга», [М.], 1952, № 10, стр. 105—108.

«Русский язык в школе», журн. М., 1950, №№ 4—5; 1951, №№ 1—6.— С у х о т и н В. П.— «Сов. книга», М., 1952, № 1, стр. 98—104.

Русско-таджикский словарь. Глав. ред. Е. Э. Бертельс. Москва-Сталинабад, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей—Таджикгосиздат, 1949.— Т а д ж и с в Д.— «Коммунист Таджикистана» 9 I 52.

Русско-узбекский словарь. Т. I. Глав. ред. А. К. Боровков. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950.— М и х а й л о в Г.— «Звезда Востока», Ташкент, 1952, № 7, стр. 109—114.

Сборник, посвященный труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». [Редколлегия: А. М. Румянцев (отв. ред.) и др.] На укр. яз. Киев, Изд-во АН УССР, 1952.— К а р п е н к о И.— «Большевик Украины», Киев, 1952, № 7, стр. 71—80.

Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. Перевод с рус. 3-го переработ. и доп. изд. Киев, Госполитиздат УССР, 1951. 757 стр. На укр. яз.— Б е л е ц к и й А. И. К вопросу о словарях иностранных слов.— I, 6, стр. 58—62.

Тандуева А. И., Хосрова Н. и Кали-товский Ф. Грамматика русского языка. Учебник для осет. школ. Ч. 2. Синтаксис. Для 7-го класса. 2-е изд. Дзауджикау, Госиздат Сев.-Осет. АССР, 1950.— Б а з и л е в и ч Л.— «Русский язык в школе», [М.], 1952, № 6, стр. 80—82.

«Українська мова в школі», журн. Киев, 1951, №№ 1—4. На укр. яз.— Л ь в о в А. С.— «Сов. книга», М., 1952, № 1, стр. 104—109.

Учебник немецкого языка. [Для выпш. учеб. заведений]. 4-с, переработ. изд. Авт.: И. В. Рахманов и др. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1951. 416 стр.— В и л е н к и н Е. Новый учебник немецкого языка.— «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 110—113.

Ученые записки (Ереван. гос. рус. пед. ин-та им. А. А. Жданова). Ереван. Тт. I—II, 1949—1950.— О г а н е с я н Г. О некоторых ошибках «Ученых записок» педагогического института.— «Коммунист» (Ереван) 13 XII 52.

Чередищченко И. Г. Очерки по украинской фразеологии (с русско-украинскими параллелями). Ч. 1. Применные конструкции. Киев, «Рад. школа», 1952. 144 стр.— Г о р е ц к и й П. И.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 5, стр. 74—77.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950. [Штейниц В. История хантыйского вокализма.]— Л ы т к и н В. И.— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 5, стр. 480—482.

V. БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография изданий Академии наук Казахской ССР. Книги и статьи 1946—1950. [Языкозн.: стр. 23—27.]—Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1952. 148 стр. (Центр. науч. б-ка.)

Библиография советской библиографии. 1948.—М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1952. 213 стр. [Советская библиография по языкознанию (29 указателей 1946—1948 гг. изд.): стр. 154—156.]

В е й н б е р г И. О работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Рекоменд. список литературы.—Рига, 1952. 20 стр. (Гос. б-ка ЛССР. Отд. библиографии. Произведения классиков марксизма-ленинизма. Вып. 1.)— На латыш. и рус. яз.

За ленинско-сталинский путь разви-

тия советского языкознания. (Рекомендательный указатель лит-ры.)— М., 1952. 90 стр. (Весенний ин-т иностр. языков Сов. Армии.)

Иностранная литература. Информ. бюлл. новых книг, получ. 6-кой в 1951 и 1952 гг. Вып. 4-й. [Языкозн.: стр. 150—156.]— М., 1952. 185, 13 стр. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.)—Стеклогр. изд.

Иностранная литература. Информ. бюлл. новых книг, получ. 6-кой в 1951 и 1952 гг. Вып. 5-й. [Языкозн.: стр. 162—170.]— М., 1952. 186, 16 стр.

Книжная полка. [Аннотированный указатель лит-ры по объему, русскому и украинскому языкознанию.]— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 5, стр. 84—91.

Левин С. Е. О работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Рекоменд. список лит-ры к 13-й лекции 2-го цикла «Произведения классиков марксизма-ленинизма». — М., 1952. 4 стр. (Центр. политехн. б-ка Всесоюз. о-ва по распростран. полит. и науч. знаний.)

Новая иностранная книга в библиотеках Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Т. 6. Систем. каталог изданий 1942—1951 гг., поступивших в 1951 г. [Языкозн.: стр. 408—422.] — М., Изд-во АН СССР, 1952. 670 стр.

Новые книги, поступившие в научную библиотеку им А. М. Горького Моск. гос. ун-та. Янв.—апр. 1951 г. [Лит-ра по языкознанию — советская: стр. 105—107;—иностран.: стр. 166—167.] — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 173 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Новые книги, поступившие в научную библиотеку им. А. М. Горького Моск.

гос. ун-та. Май — авг., сент. — окт. 1951 г. 2 т. 148 стр.; 72 стр. [Лит-ра по языкознанию — советская: стр. 101—104, 46—47;—иностран.: стр. 144, 70.] — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952.

Систематический указатель к изданиям Среднеазиатского государственного университета 1922—1950 гг. Материалы к библиографии. Вып. II. [Книги и статьи по языкознанию 1943—1950 гг.: стр. 27—28.] — Ташкент, Изд-во САГУ, 1952. 118 стр. (Среднеазиат. гос. ун-т.)

Список рецензий 1951 г. на издания Академии наук СССР по общественным наукам. [Отд-ние лит-ры и языка: стр. 34—46.] — М., Изд-во АН СССР, 1952. 54 стр. (Фундам. б-ка обществ. наук.)

Указатель литературы, опубликованной в связи с трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». — Тбилиси, 1952. 64 стр. (Тбил. гос. ун-т им. И. В. Сталина.) — На обороте тит. л. сост.: А. А. Касрадзе, Л. И. Калантарова, Т. А. Микаберидзе, Т. А. Ширалова, Э. М. Сванадзе. — На груз. и рус. яз.

*

Примечание. В публикуемую библиографию вошли книги и журнальные статьи по языкознанию, напечатанные в Советском Союзе на русском языке и на языках народов СССР, за вторую половину 1952 г. Из-за недостатка места редакция вынуждена была пойти на некоторое сокращение полного перечня работ. В то же время в отдельных случаях учтены работы, не вошедшие в библиографию за первое полугодие 1952 г. (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 152—172).

В библиографию не включены:

- а) газетные статьи, за исключением рецензий;
- б) статьи, опубликованные в журнале «Вопросы языкознания» (см. указатель статей за 1952 г. в № 6, стр. 173).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. В. Виноградов (Москва). Основные типы лексических значений слова	3
Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова (Москва). Вопросы изучения диалектов языков народов СССР	30

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. Лыткин (Рязань). Из истории словарного состава пермских языков . . .	48
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. Белецкий (Киев). О курсах общего языкознания в государственных университетах	70
А. М. Финкель (Харьков). О содержании и методике практических занятий по курсу «Введение в языкознание»	79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. Лешка (Прага). К вопросу о структурализме (Две концепции грамматики в Пражском лингвистическом кружке)	88
Ю. С. Маслов (Ленинград). Новая попытка периодизации истории болгарского языка	103
Обсуждение доклада акад. Вл. Георгиева в Болгарии	108
А. А. Юлдашев (Москва). Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. П. Григорьев (Москва). Заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное третьей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания	114
С. А. Бурнашева (Москва). Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии	122
А. А. Реформатский (Москва). Новый дунганский алфавит	129
Проект нового дунганского алфавита (таблица)	132

НОВЫЕ КНИГИ

Новая советская литература по вопросам языкознания (вторая половина 1952 г.)	133
--	-----

Р е д к о л л е г и я :

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии),
 Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов,
 Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
 В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. Г-5-20-61.

Т-04899 Подписано к печати 18. IX. 1953 г. Тираж 15 150 экз. Зак. 1518
 Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. лист. 5 Печ. л. 13,7 Уч.-изд. лист. 16,9

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер. 10